

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (6)

Academic Journal

Series
Philosophy. Social Studies. Art Studies

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 4 (6)

Научный журнал

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва
2016

УДК 101(05)+316(05)+7.01(05)
ББК 87я5+60.5я5+85я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, acad. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, acad. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, acad. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, acad. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, acad. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклена, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Редакционная коллегия серии

Ж.Т. Тощенко, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Л.Н. Вдовиченко, зам. гл. ред., д-р социол. н., проф. (РГГУ), В.А. Колотаев, зам. гл. ред., д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.И. Резниченко, зам. гл. ред., д-р филос. н. (РГГУ), О.В. Китайцева, отв. секретарь, канд. социол. н. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), Н.М. Великая, д-р полит. н., проф. (РГГУ), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), В.Д. Губин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), Е.Н. Ивахненко, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), С.А. Коначева, д-р филос. н., доц. (РГГУ), Л.Ю. Лиманская, д-р искусствovedения, проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония)

Ответственные за выпуск: О.В. Китайцева, канд. социол. н., доц. (РГГУ), Е.А. Колосова, канд. социол. н. (РГГУ), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), А.И. Резниченко, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

ISSN 2073-6401

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

Содержание

Философия. Социальная философия. Философия религии

<i>И.А. Крайнова</i>	
Человек и «человеческое» в системной теории Никласа Лумана	9
<i>А.А. Сухно</i>	
Лаканисты в зазеркалье, или Ловушка «отчужденного Эго»	20
<i>Л.Р. Асханова</i>	
Эволюционный аспект морального долженствования как вида социальной ответственности	32
<i>Г.В. Демидов</i>	
Светскость и религия: трансформация понятия «религиозное образование» в современном мире	43

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>И.О. Шевченко</i>	
Сводные семьи: отношения и проблемы	61
<i>А.А. Неофитова</i>	
Доверие как категория социологического анализа	69
<i>В.Д. Латыгин</i>	
Методологические и методические перспективы развития метода неоконченных предложений	75
<i>Н.А. Илюхина</i>	
Профориентационная работа вузов со школьниками: новые возможности традиционных форм	83
<i>Е.А. Угрехелидзе</i>	
Культура городского парка в 1920–1950-е годы (на примере Нескучного сада)	89
<i>И.В. Бабанов</i>	
Спортивная социализация как процесс интеграции спортсмена в профессиональное сообщество	96

Искусствоведение: современные проблемы теории и истории искусства

<i>Ю.С. Мерецкая</i> Специфика реалистической живописи в Германии конца XIX в.: на примере анализа творческого метода и педагогической системы Антона Ажбе	104
<i>Е.Ю. Кинякина</i> Влияние архитектурных традиций европейского модернизма на проекты Филиппа Джонсона	114
<i>С.А. Филитов</i> Уровень полтора: Коммуникативные основы плоских визуальных искусств	123
<i>С.Ю. Штейн</i> Онтология кино и онтология телевидения	135
<i>О.П. Зиборова</i> Кино и аудитория: итоги года 2015-го	147
Abstracts	155
Сведения об авторах	160

Contents

Philosophy. Social philosophy. Philosophy of religion

<i>I. Kraynova</i>	
The man and the “human” in the systems theory by Niklas Luhmann	9
<i>A. Sukhno</i>	
Lacanists through the looking-glass or an “alienated ego’s” trap	20
<i>L. Askhanova</i>	
Evolutionary aspect of moral obligation as a type of social responsibility	32
<i>G. Demidov</i>	
Secularism and religion. The transformation of the concept of “religious education” in the modern world	43

Sociology: theoretical and empirical researches

<i>I. Shevchenko</i>	
Step-families. Relations and problems	61
<i>A. Neofitova</i>	
Trust as a category of sociological analysis	69
<i>V. Lapygin</i>	
Methodological and methodical prospects for the method of incomplete sentences	75
<i>N. Ilyukhina</i>	
Universities career-orientational work for secondary school students. New opportunities for traditional forms	83
<i>E. Ugrekhelidze</i>	
The urban park culture in the 1920–1950ies by the example of Neskuchny Garden	89
<i>I. Babanov</i>	
Sports socialization as integration process of a competitor into the professional community	96

Art studies, new questions of art theory and art history

<i>Yu. Meretskaya</i>	
On specificity of realistic painting in Germany in the late 19th century. Analytical case of creative method and pedagogical system of Anton Ažbe	104
<i>E. Kinyakina</i>	
Influence of architectural traditions of European modernism on Philip Johnson's projects	114
<i>S. Filippov</i>	
The level of one and a half. Communicative bases of two-dimension visual arts	123
<i>S. Schtein</i>	
The ontology of cinema and the ontology of television	135
<i>O. Ziborova</i>	
Cinema and the audience, the results of the year 2015	147
Abstracts	155
General data about the authors	162

Философия. Социальная философия. Философия религии

И.А. Крайнова

Человек и «человеческое» в системной теории Никласа Лумана

Статья посвящена рефлексии проблемной части теории Никласа Лумана – взаимодействию человека и системы, следующей из заданного им различения психических и социальных систем. Автор предпринимает попытку продемонстрировать механизм теории взаимопроникающих систем Лумана, возвращающей «человеческое» в социальную науку на новых основаниях.

Ключевые слова: субъект, коммуникация, взаимопроникновение систем, тело, символически генерализированные медиа.

В статье предпринимается попытка актуализировать тему субъекта в теоретических построениях Никласа Лумана. В этом отношении, с нашей точки зрения, необходимо обратить внимание на ту часть его теории, в которой высвечивается различение систем – сознания и коммуникации.

Уже на первых страницах основного и итогового труда Никласа Лумана «Общество общества» он заявляет, что предположение, построенное по типу «общество состоит из конкретных людей и отношений между людьми»¹, только блокирует познание общества. Столь резкий пассаж, при первом приближении, подталкивает к бессубъектному описанию общества, в котором абстрактные аутопоietические системы взаимодействуют путем сложного процесса коммуникации. Между тем человек и «человеческое» в системной теории Никласа Лумана играют важную роль, ибо, по его же собственному утверждению, социальная система невозможна без человеческого действия. Эти и подобные им утверждения, чуть ли не исключают друг друга, нуждаются в пояснении.

Луман многократно повторяет: теория систем есть теория системы и окружающего мира². Различение «система / окружающий мир» может быть проинтерпретировано таким образом, что окружающий мир останется только фоном системных процессов. Однако Луман говорит о другом: «Окружающий мир, – пишет он, – есть конститутивный момент данного различия, таким образом, не менее важен для системы, чем она сама»³. И это замечание важно, т. к. вся деятельность систем происходит на их границе, в то время как окружающий мир обеспечивает их функционирование. Луман делает еще одно не менее важное утверждение: «При помощи различия системы и окружающего мира возникает возможность понимать человека как часть окружающего мира общества комплексней и в то же время свободнее, нежели при его понимании как части общества»⁴. Это обеспечивается тем, что окружающий мир обладает большей комплексностью, чем любая система, он хаотичен, неупорядочен, а значит, в нем много контингентных возможностей для того же человека. «Никто не может обдуманно и всерьез утверждать, – пишет он, – что общество можно создать подобно человеку, увенчав головой»⁵.

В этой связи большое значение приобретает тема от-дифференциации подсистем общества, которая происходит на всех его уровнях. Тогда сама система становится «окружающим миром» для своих подсистем.

Когда речь идет о системе и подсистемах, то, казалось бы, здесь нет никакого места человеку с его сознанием, надеждами, ожиданиями и проч. Так может показаться только в первом шаге рефлексии лумановского текста. Однако Луман берет всерьез за решение данного вопроса. В статье «Понимание общества»⁶ он называет субъектно-объектную схему главной ошибкой современной ему социологии. Иными словами, Луман предлагает рассматривать человека не элементом системы общества, а частью окружающего мира системы. Безусловно, такой ход размышлений противоречит традиционным гуманистическим установкам. Но означает ли он, что человек выступает чем-то вторичным и малозначительным по отношению к системе общества?

Есть все основания утверждать, что основное различие системной теории Лумана (система / окружающий мир), вопреки распространенному мнению, вовсе не элиминирует субъекта из социологического дискурса. Как это можно показать?

Для начала обратимся к теме взаимопроникающих систем, которая, на наш взгляд, лишь частично была прописана Луманом.

Отношения человека и социальной системы могут быть представлены как коммуникативная модель взаимопроникновения, но –

это необходимо уточнить – вовсе не путем прямого имплантирования структур одной системы в структуры другой. Под взаимопроникновением в данном случае следует понимать коммуникативное взаимное соопределение систем. «Взаимопроникновение, – пишет Луман, – ...имеет место в том случае..., если обе системы содействуют друг другу благодаря тому, что всякий раз вносят свою собственную, уже конституировавшуюся комплексность в другую»⁷. Попросту говоря, речь не идет о «переносе» из одной системы в другую каких-либо неразложимых субстанций. Взаимопроникающие системы всегда остаются друг для друга «окружающим миром» и поэтому взаимодействие между ними осуществляется по законам различения и формы.

Теперь должно быть понятно, что, обозначая взаимодействие оперативно закрытых систем русским словом «взаимопроникновение», вовсе не подразумевается то, что структуры одной системы становятся структурами другой, и наоборот. Особенность взаимопроникающих систем обнаруживается уже в том, что они используют одни и те же операции, «однако они придают им всякий раз разную избирательность и разную способность присоединения, разное прошлое и разное будущее»⁸. Это положение требует хотя бы краткого пояснения. Суть в том, что «взаимопроникновение» одной «конституировавшейся комплексности» в другую осуществляется по тем же правилам (законам различения формы), по которым осуществляется аутопойезис любой операционально замкнутой системы – «система – окружающий мир (unmarked space)». То есть отбор присоединений всегда оказывается непредсказуемым.

И здесь мы переходим к главному – Луман четко проводит различие между психическими системами (сознание) и социальными системами (коммуникация). Эти две системы вовсе не являются чем-то одним и тем же, но выраженным с разных сторон. Все происходящее в обществе, например с нами, в тот момент, когда я на клавиатуре набираю этот текст, можно тематизировать *психологически или коммуникативно*. Если обращение к психической системе (сознанию), то ее описание подводит к использованию термина «субъект», а вслед за этим – и смысловых порождений, которые наработаны в науках о сознании/психике. Если же мы имеем дело с коммуникативными системами (рекурсивным приемыканием операций), то предпочтительней опираться при этом на термин «наблюдатель», а вслед за этим включать в работу потенциал системной теории. Понятно, что эти описания вовсе не будут описаниями одного и того же, а будут описаниями двух процессов,

систем – сознания и коммуникации. Здесь мы имеем дело с тем, что Луман назвал парадоксом полной зависимости и полной независимости, когда коммуникация протекает только через сознание, посредством сознания, но на уровне операции никогда не является сознанием.

И все же, если мы имеем дело с системами, то мы вправе рассматривать их сопряжение, а значит – *границу* системы. При этом операция «перехода границы» (reentry) между структурно сопряженными системами показана Луманом как то, что «границы одной системы могут быть переняты в операционную область другой»⁹. В данном случае речь идет о том, что границы социальной системы попадают в сознание, которое является системой психической. Сознание и коммуникация, таким образом, взаимоопределяют границы друг друга, а «каждая система, участвующая во взаимопроникновении, реализует в себе самой иную систему как ее различие системы и окружающего мира, не распадаясь при этом сама»¹⁰. Каждая система – сознания и коммуникации – распоряжается самостоятельно (самореферентно) своей комплексностью и таковую предоставляет в распоряжение другой системе. Так осуществляется коммуникация систем.

Таким образом, взаимопроникновение реализуется по правилам коммуникативного «перехода границы», а не путем делегирования своих структур. Именно в этом тезисе следует усматривать специфику лумановского понимания взаимодействия как взаимопроникновения систем.

Интересно, что вышеприведенный принцип в равной степени распространяется и на тело как полноценного участника коммуникативной ситуации взаимопроникновения. *Тело* – довольно важный концепт для теории коммуникации. К примеру, Дж. Г. Мид, раскрывая проблему телесности, вводит понятие жеста. Для него механизм жестов становится универсальным кодификатором социального поведения, обеспечивающим участников интеракции возможностью давать ответы на взаимно адекватные ситуации, тем самым делая коммуникацию возможной. Луман же сомневается в возможностях подобной синхронизации поведения: «Остается вопрос, – пишет он, – как должна проявляться спецификация телодвижений, чтобы служить специфическим стимулом поведения другого... как два тела обеспечивают свое весьма специфическое взаимодействие?»¹¹.

Луман обращает внимание на то, что «люди неизбежно полагают друг друга в телесной оболочке; иначе они не могли бы ни локализовываться, ни как-либо иначе воспринимать друг друга»¹². Тело

видимым образом маркирует свою комплексность, которая элементарно позволяет избежать столкновения с другими телами. Почему это представляется возможным? Тело имеет социальную историю, иными словами, оно социально специфицировано. Здесь, пожалуй, следует упомянуть исследования Марселя Мосса, который показывает, что развитие телесного поведения происходит под влиянием социальных факторов. Но Луман идет дальше. Тело специфицировано не только относительно социальных норм или вещей (стул предполагает, что на него садятся определенным образом), но оно еще оказывается способным специфицироваться в ранее неизвестных взаимодействиях. Таким образом, телесность становится общей предпосылкой операции присоединения, «её можно развивать, подготавливать, совершенствовать для определенных социальных функций»¹³. Собственно по этой же причине люди не сталкиваются лбами при передвижении.

Тело включается в операцию взаимопроникновения человека («субъекта») и системы, становится связующим элементом комплексности окружающего мира и социальной системы, но не в привычном онтологическом его контексте – не как субстанциональная единица. С другой стороны, тело еще не является символически генерализованным средством коммуникации. Оно остается только предпосылкой социальной жизни, когда предзадано любой системе общества только в качестве окружающего мира. Луман называет тело «агломератом систем». Оно аккумулирует смысл, позволяющий системам распознавать комплексность, это ведет к возможности ожидать, как поведет себя тело. «Однако данное единство комплексности и непосредственная ориентация с его помощью не есть само тело; они становятся единством и непосредственностью лишь в схеме различий, следующих из взаимопроникновения»¹⁴.

Человек и система взаимосвязаны, поэтому «субъект» никуда не исчезает. Ибо действие, даже если это действие людей – это компонент социальных систем, и человек может действовать только в рамках социальных систем. Различение «система – окружающий мир» вовсе не определяется онтологически, а только коммуникативно. Оно не разрезает реальность, а позволяет осуществлять взаимопроникновения, но всегда по правилам системной теории коммуникации. Коммуникация в определениях Лумана представляет собой трехчастный акт последовательного присоединения сообщения, вычлененной из него самой системой информации, и операции понимания, которая делает либо не делает возможным присоединение данного коммуникативного акта к остальной цепочке. В этой операции понимания и присутствует человеческое

действие. «...Для сообщения и понимания, а во многом и для производства фактов, выступающих в коммуникации в качестве информации, требуются люди, – пишет Луман, – поэтому взаимопроникновение... имеет место в форме коммуникации; и наоборот, каждый конкретный запуск коммуникации предполагает отношение взаимопроникновения»¹⁵.

Взаимопроникновение напрямую связано с редукцией сложности, производящейся в обе стороны. Демонстрацией редукции возникающей сложности могут служить также символически генерализированные медиакоммуникации. Они возникают преимущественно вместе с распространением письменности. Целью функционирования медиа становится производство ситуаций, в которых невероятность предполагаемой комбинации трансформировалась бы в вероятность. «Они, – отмечает Луман, – должны не только символически функционировать, но должны быть генерализованы, поскольку соответствующие ожидания, предвосхищающие дальнейшие аутопойезисы, могут сложиться только тогда, когда форма охватывает многие различные ситуации... В конечном счете, речь всегда идет о том, чтобы поощрить коммуникацию при помощи дополнительно создаваемых шансов ее принятия, о том, чтобы сделать возможным “да”»¹⁶. (Здесь важно отметить, что в теории коммуникации любая информация подвергается кодированию на основе двоичного кода: да/нет (принятие/отклонение). Каждый код сообразен событиям, возможным в системе. Множество кодов не пересекаются между собой, а покрывают только подвластную системе зону сложности.)

Символически генерализированные медиумы возникают эволюционным путем из повседневных ситуаций. Окончательное их формирование осуществляется с момента институционализации общества, образования множеств подсистем. По сути, происходит то, что еще Бергером и Лукманом описывалось как разрушение единого символического универсума, когда процесс институционализации порождает рост количества символических универсумов. Происходящий далее процесс типизации позволяет системам создавать семантику, направленную на снятие сложности окружающего мира и других систем. Но стоит отметить, что ситуация взаимопроникновения хоть и происходит между субъектами, все же не отменяет различие между психическими и социальными системами (взаимопроникновение между людьми возможно только как коммуникация, это ни в коем случае не касается психических процессов) и между системой и окружающим миром.

Для Лумана, как преемника парсоновских идей, такой процесс становится результатом от-дифференциации подсистем внутри си-

стемы общества. Причем от-дифференциация осуществляется таким образом, что сама система является окружающим миром своих подсистем. Сложность коммуникации растет, соответственно растет сложность принятия коммуникации. Проблема решается двумя способами: 1) развиваются средства передачи коммуникации: язык, письменность, книгопечатание, массмедиа и параллельно этому процессу – 2) символически генерализованные средства: Истина, Мораль (Ценности), Деньги, Искусство, Любовь и Власть. Они обладают уже заведомо известным кодированием, которое предполагает принятие или отклонение того или иного акта коммуникации, совершенного внутри системы.

Символически генерализованные медиа оперируют, как любая коммуникация, в структурном сцеплении с сознанием тех психических систем, которые участвуют в коммуникации¹⁷.

Эта связь также распространяется и на тела, поэтому телесность выступает равноправным участником коммуникации. Для этого Луман вводит понятие *симбиотических символов*. Они являются способом, который упорядочивает разрушающее коммуникацию воздействие посредством телесности. Благодаря такому механизму в коммуникации перерабатываются результаты вышеописанного структурного сопряжения с психикой, сохраняя при этом операциональную замкнутость систем и исключая некоммуникативный способ их оперирования.

Далее, поскольку коммуникация может наблюдать только себя, в момент различения информации и сообщения ей необходимо определить, какой стороне формы системы приписывать полученное различие. Символические генерализации приписывают селекции либо самой системе, тогда речь идет о *действи*, либо окружающему миру, тогда мы говорим о *переживании*. Ego и alter, осуществляя коммуникацию, одновременно могут совершать только один акт: переживание (информация) или действие (сообщение). Этот принцип позволяет выявить схему работы символических генерализаций. Применительно к медиуму *Любовь*, эта схема работает в семантике *переживание – действие*. Сообщая о своей любви, alter считает ее своим переживанием, тогда как от ego ожидается действие, либо наоборот: ego своими действиями вызвал переживание любви у alter. Взаимодействие в медиуме *Любовь* характеризуется тем, что здесь нивелируется специфическое, но при этом частное генерализируется.

В современном ее понимании, которое отчетливо отличается от традиции *philia-amicitia*¹⁸, она требует того, чтобы любящее *ego* своими действиями реагировало на то, что переживает *alter*, и в особенности на то, как *alter* воспринимает *ego*¹⁹.

Луман характеризует отношения любви возможностью быстрой координации, во многом перескакивающей саму коммуникацию, это свободная от коммуникации согласованность. Но в ее семантике есть односторонняя направленность, при которой необходимо принимать партнера как индивидуализированное *ego*:

Ego, задающийся вопросом, любит ли *ego alter*, должен, таким образом, видеть *alter* как *alter ego*, для которого *ego* в качестве *alter* превращается в мотив выхода за свои пределы²⁰.

На деле эта ситуация снимается двойной контингенцией; как результат, операция понимания локализует собственное «я» в мире Другого. Ситуация любви все акты по отношению к партнеру превращает в наблюдение за жестами, причем неважно, вербальными или телесными.

Еще одна особенность медиума Любовь – асимметричное построение коммуникации, в отличие, например от Морали, поэтому «любовь, поскольку выстроена асимметрично, оказывается... часто несчастной любовью» – пишет Луман²¹. Но, как медиум, любовь накладывает на коммуникацию определенные обязательства, позволяющие редуцировать сложности во взаимопонимании. «Для всей теории символически генерализированных средств коммуникации нет более универсального медиума, медиума создания мира неповторимым взором Другого», – заключает Луман²².

Неудивительно то, что Луман призывает отличать межличностное проникновение от социального взаимопроникновения. Первый случай выходит за возможность вербальной коммуникации. «Дело не в отсутствии слов, не в нехватке времени на коммуникацию...»²³. Семантика любви включает в себя некоммуникабельное – свободную от коммуникации согласованность. Избыточная комплексность в таком случае редуцируется молчанием: «быстрых взглядов хватает»²⁴.

Иного рода взаимодействие происходит в медиуме *Мораль*. *Мораль* становится «бинарной схематизацией», которая распространяется на оба типа взаимопроникновения.

Она функционирует уже в схеме *переживание–переживание*. Когда *alter* сообщает, что некое положение дел имеет ценность, он

сообщает результат своего переживания и предполагает, что такого же рода переживания возникают у ego. Здесь действие перестает быть необходимым, как в случае с медиумом Любовь. Тем не менее симметричная апелляция к субъекту сохраняется. Медиум Мораль отличается от других видов коммуникации тем, что основывается на ряде правил и принципов, которые маркируются как «моральные» и отличают себя от других (например, правовых). Так как в семантике морали ego не ожидает от alter действия, а только переживание, мораль предполагает совершенно невероятное включение «личностей как таковых» в процесс коммуникации.

«Моралью социальной системы, – пишет Луман, – мы будем называть совокупность условий, в соответствии с которыми в данной системе принимают решение об уважении и неуважении»²⁵. Мораль функционирует при кодировании: уважение/неуважение. Она не приемлет никакого третьего кода. Семантика морали также не предполагает, что ее код будет использоваться в других генерализациях. В этом смысле коды символически генерализированных медиа неконгруэнтны. «Властитель, собственник, возлюбленный, успешный ученый – любой отличившийся в отношении своего кода – не получает за это морального признания»²⁶. И наоборот, общество не готово морально порицать безденежных, неуспешных в любви и бесправных. Для Лумана принципиальной позицией становится тот факт, что общество не выстраивается на моральной коммуникации, но это не исключает моральную коммуникацию из общества вовсе. «Только при поверхностном и к тому же одностороннем рассмотрении мораль предстает как связующее средство, удерживающее людей в обществе»²⁷. Стоит отметить, что эта позиция вводит Лумана в спор с Хабермасом, как раз утверждающим возможность не только влиять на коммуникацию в обществе, но и наполнять ее правильными, «моральными» интенциями, что поможет, «очищая» коммуникацию, это общество исправлять. Для Лумана такой путь ложен, ибо «мораль сегодня – всего лишь мораль»²⁸, она лишается своего «космического» статуса. В современной ситуации многие моральные оценки прошлого подвергаются серьезной трансформации.

Остается заметить, что символические генерализации – это человеческие практики, от-дифференцирующиеся от повседневности и помещенные в системные процессы как правила для коммуникации. Но эти процессы также оказываются неотделенными от субъекта, функционирующего в окружающем мире системы.

Таким образом, теория Лумана позволяет уйти от крайностей субъектоцентричных или объектоцентричных парадигм. Она не

редуцирует субъекта, но она и не выстраивает свою аргументацию вокруг него. Это позволяет избежать ряда проблем, которые возникают, например, в теории игр, в которых анализируется поведение субъекта, а его рациональность задается аксиоматически²⁹. В свою очередь, системная теория Лумана позволяет, с нашей точки зрения, высветить сильные и слабые стороны «постсоциальных исследований», где утверждается симметричная антропология субъекта и объекта³⁰, тогда как сложность (комплексность) человеческого общества описывается через староевропейскую (по определению самого Лумана) субъект-объектную схему.

Примечания

- ¹ Луман Н. Общество общества: В 2 т. Т. 1: Кн. 1–3. Кн.1: Общество как социальная система / Пер. с нем А. Антоновского. М.: Логос, 2011. С. 23.
- ² Луман Н. Различение системы и мира // Там же. С. 63–82.
- ³ Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. С. 285.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994. С. 25–42.
- ⁷ Луман Н. Социальные системы... С. 290.
- ⁸ Там же. С. 288.
- ⁹ Там же. С. 290.
- ¹⁰ Там же. С. 291.
- ¹¹ Там же. С. 325.
- ¹² Там же. С. 326.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 333.
- ¹⁵ Там же. С. 289.
- ¹⁶ Луман Н. Медиакоммуникации // Луман Н. Общество общества. Кн. 2: Медиакоммуникации. С. 342.
- ¹⁷ Там же. С. 401.
- ¹⁸ Акцент на Любви как на символической генерализации впервые вводит эту категорию в социальную теорию. Работа Лумана «Любовь как страсть» («Liebe als Passion», 1982) становится в этом смысле программной. Здесь он прописывает эволюцию любви и процессы ее институционализации. Луман замечает, что семантика Любви долгое время считалась прерогативой аристократии и высших слоев буржуа. Позже она – практика любви – тривиализируется, становится

условием заключения брака, поэтому теперь мы может говорить о ней как о социальном медиуме.

¹⁹ Луман Н. Медиакоммуникации. С. 364.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 366.

²² Там же.

²³ Луман Н. Социальные системы... С. 305.

²⁴ Там же. С. 306.

²⁵ Там же. С. 313.

²⁶ Луман Н. Медиакоммуникации. С. 430.

²⁷ Луман Н. Социальные системы... С. 312.

²⁸ Луман Н. Медиакоммуникации. С. 425.

²⁹ См.: Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ.; Под ред. Ю. Кузнецова. М.: ИРИСЭН. 2014; Моргенштерн О., Нейман Дж., фон. Теория игр и экономическое поведение: Пер. с англ. / Под ред. Н.Н. Воробьева. М.: Наука, 1970.

³⁰ См.: Латур Б. Нового Времени не было: Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.

Лаканисты в зазеркалье, или Ловушка «отчужденного Эго»

В рамках данной статьи рассматривается вопрос, насколько попытки вписать лакановскую концепцию «стадии зеркала» в перспективу «психологии развития» соответствуют мысли самого Лакана. Одновременно высказывается предположение, что эти попытки, при всей их сомнительной аутентичности, тем не менее являются следствием самой «стадии зеркала» как некогда имевшего место события. И таким образом если не содержанием, то фактом своего существования они вписываются в лакановскую инициативу.

Ключевые слова: стадия зеркала, Эго, образ, Другой, нехватка, смерть.

Широко известны лакановские формулировки «стадии зеркала» – «предвосхищение полной моторной координации», вызванное отставанием *homo sapiens* в развитии от других особей, очаровывающий образ, отчужденное, «децентрированное» Эго и т. д. Однако не покидает ощущение, что при такой постановке вопроса возникают проблемы, вызванные не столько спецификой речи самого Лакана, местами неясной, якобы оставляющей повод для различных толкований, сколько *содержанием* его мысли. Если угодно, здесь происходит раздвоение, которое касается не только «предмета описания» – но также распространяется *на все, что может быть о нем сказано*, на сам способ мысли и речи о ней. Если хотите, сама речь о т. н. «стадии зеркала» – *раздвоена, «зеркальна»*. И там, где, казалось, всего лишь имела место попытка прояснить переход у ребенка от аутоэротического хаоса к первичному нарциссизму, имеет место полноценный онтологический парадокс.

То, до чего удается обычно дойти при попытке осмыслить «стадию зеркала», – это разглядеть в образовании человеческого

Я («Эго») определяющую, конститутивную роль Другого. Мол, Другой включен в глубинную структуру нашего Эго, мы никогда не можем от него избавиться, а потому обречены сплестись с ним в смертельном объятии, бесконечной любви-схватке. Но такая постановка вопроса достаточно политкорректна, чтобы не вызывать чересчур резкой реакции и всерьез тревожить публичное поле. В самом деле, кто же сегодня в здравом уме и твердой памяти откажется признавать «социальный», «коммуникативный», «интерсубъективный», «диалогический» (нужное подчеркнуть) и т. д. характер человеческого «Я» – хотя бы потому, что это абсолютно безопасно, не имеет никаких последствий для говорящего. Напротив, это определенный реверанс в сторону господствующей тенденции мысли, провозглашающей равноценность позиций, «децентрацию», отказ от «монополии на истину» и прочие сомнительные добродетели философского плюрализма. Однако представляется, что мысль Лакана была не столь благостной или, по крайней мере, некоторые ее последствия расходятся с этой тенденцией. С целью это выяснить мы поставим следующий вопрос.

Когда некоторые последователи Лакана (которые полагают, что имеют дело всего лишь с проблематикой «возрастной психологии», пусть несколько экзотичной и интеллектуально изощренной) заводят речь о «стадии зеркала» как некоем *этапе формирования личности*, то тем самым упускается один момент: о какой такой «формирующейся личности» идет речь – той, что отражается в зеркале (субъект, который *видит* себя в зеркале в возрасте от 6 до 18 месяцев, – назовем его для простоты «субъект № 1»), или о самом ее отражении, которое в зеркале увидено (субъект, которого *видят* в зеркале в возрасте от 6 до 18 месяцев, – «субъект № 2»)? Кто из них *развивается, формируется* (что бы это ни значило)?

«Что за вопрос? – скажут нам адепты возрастной психологии, объединенные под знаменем лаканизма, – конечно, речь идет о том, кто отражается в зеркале, а не об отражении! Отражение – это ведь фикция, обманка, а тот, кто отражается, – он существует реально, просто пока не знает о том, что существует...». Однако послушаем самого Лакана, который вовсе не уверен, что здесь достижимо полное соответствие между субъектом № 1 и № 2, равно как и в том, что речь вообще идет о «развитии» в общепринятом понимании.

Вот на чем я настаиваю в моей теории стадии зеркала: один лишь вид целостной формы человеческого тела дает субъекту воображаемое господство над его собственным телом – господство преждевременное по отношению к реальному овладению. Такое формирование¹ не

связано с самим процессом созревания и не совпадает с ним (курсив мой. – А. С.). Субъект предвосхищает завершение психологического развития, и предвосхищение это придаст свой стиль всякому позднему осуществлению действительного овладения двигательными функциями. Это и есть тот первичный опыт видения себя, где человек в отражении осознает себя иным, чем он есть (курсив мой. – А. С.), где закладывается основное человеческое измерение, структурирующее всю его фантазматическую жизнь².

Но важным пунктом здесь является то, что эта форма задолго до социальной определенности *располагает инстанцию эго на линии вымысла* (курсив мой. – А. С.), никогда не подлежащей изменению для отдельного индивида, – или, скорее, которая *лишь асимптотически воссоединится со становлением субъекта* (курсив мой. – А. С.), каким бы ни был успех диалектического синтеза, посредством которого он должен растворить в качестве я свое несоответствие своей собственной реальности³.

Из этих фрагментов, весьма показательных, но далеко не единственных, можно извлечь два важных следствия. Во-первых, «стадия зеркала» не представляет собой некий этап в развитии субъекта, а напротив, она *нарушает, искажает* «нормальный ход развития», предваряя некоторый процесс, который *еще не произошел, еще не случился*. Это внешне безобидное «предвосхищение» нарушает хронологическую последовательность, выворачивает наизнанку всю линейно-историческую перспективу: иначе говоря, состоялось *событие, опережающее естественный ход вещей*. Как это стало возможно? Не иначе как в счет будущего – подобно тому, как берут займы в надежде когда-нибудь вернуть долг. Если хотите, Человек берет свое «Эго» займы у Природы – у некоего внешнего объекта, с которым столкнулся. Но нет нигде свидетелей, что этот обещанный процесс все-таки затем состоялся – что счет, в конце концов, был оплачен, и человек овладел самим собой именно в такой степени, в какой это овладение воображал изначально (да и вообще – хоть в какой-то степени, ибо есть серьезная проблема с определением инстанции, которая сможет об этом судить). То есть даже на более поздних этапах между реальным-отраженным и отражением-образом нет соответствия! Есть только, как говорит Лакан, бесконечное приближение, перманентное усилие в форме диалектического синтеза, – и тем не менее в конечном счете субъекту никогда не удастся полностью инкорпорировать «собственное Эго». Искажение произошло на каком-то структурном уровне и по-

том оно уже не было исправлено, не могло быть исправлено, скорректировано – даже теоретически. Это искажение, деформация развития – уже судьба субъекта. Таким образом, напрасно было бы искать «стадию зеркала» в прошлом, как минувший этап нашей жизни, – это прошлое растянулось настолько, что оно накладывается на настоящее, становясь от него неотличимым, как нарост, генеалогический пласт, не дающий коснуться поверхности.

Таким образом, если искать, к чему относится «личность», которая «развивается-формируется» по версии возрастной психологии, то ответ будет не так уж очевиден: выходит, что нет такого момента, когда мы можем все-таки сказать, что да, от 6 до 18 месяцев в зеркале субъект увидел себя самого – нет полного совпадения отражения с отраженным, реального субъекта со своим образом. Между ними сохраняется дистанция – до самого конца, до смерти (кстати, опять же вопрос – *чья* эта смерть). Следовательно, «личность», если она представлена, развернута в индивидуально-биографической перспективе и свидетельствует о своем прошлом, как раз относится к этой фикции («располагает инстанцию эго на линии вымысла») – к «образу полной моторной координации», который присваивается субъектом № 1, он напяливает этот образ на себя, как чужой, неудобный свитер, не обращая внимания, что он ему не принадлежит и явно не по размеру. То есть изначально субъект № 1 *не является* этой «личностью» (не обладает формой «Эго») – он ею *становится*, да и то не до конца (присваивает форму «Эго»): отчуждает себя в субъекте № 2, достигает «воображаемого господства над собственным телом». Конечно, отражение – это фикция, обманка, здесь нечего спорить, – но именно эту фикцию он присваивает, признает *в качестве собственного «Я»*, а следовательно, «Я», которое утверждает, что оно «развивается», «формируется», претерпевает различные метаморфозы, – это субъект № 2. Да и как иначе, если у субъекта № 1 никакого «Я» нет и, если верить Лакану, по-настоящему никогда не будет.

И формула «возраст от 6 до 18 месяцев», которую мы механически повторили вслед за остальными толкователями, – это *квазиисторическая (ре)конструкция*, произведенная субъектом № 2 (субъектом, увиденным в зеркале, – обладающим «полной моторной координацией»), который задним числом подправляет, переписывает (а вернее сказать – «впервые создает») собственную историю: мол, «все это время с вами был я – только на раннем этапе, до 6 месяцев, я еще не мог отдать себе отчет в собственном существовании, а на более поздних этапах, когда научился узнавать себя в зеркале, как видите, смог». Однако именно «историчность», ин-

дивидуально-биографическое измерение произошедшего здесь вызывает большие сомнения: им может обладать только субъект № 2, который рассказывает нам эту историю, может как бы свидетельствовать от первого лица. Однако субъект № 1 лишен этой возможности – у него нет никакой «истории» и быть не может, потому что у него нет этого самого первого лица, нет «Я», и потому эта «история» и начинается с его *отчуждения, растворения, потери себя* в зеркальном образе. Условно говоря, рождение субъекта № 2 (так называемого нашего «Я») – следствие *утраты, «структурного аннулирования»* субъекта № 1 (тот, кто как бы принес себя в жертву, чтобы «Я» возникло). Поэтому такая (ре)конструкция может заслуживать только характеристики «квазиисторическая» – она призвана скрыть тот факт, что изначально в этой истории существует *незаполняемый пробел, зияющая дыра*, на сокрытие которой, собственно, «история» и работает.

Разумеется, речь не идет о том, что совершено какое-то некорректное действие со стороны «фальсификатора-узурпатора», субъекта № 2: напротив, отчуждение субъекта № 1 как раз предполагает, что эта *операция будет скрыта, удалена, стерта из памяти*, что будет раз за разом осуществляться реконструкция, введение события задним числом, будет обсуждаться во всех подробностях, мусолиться, становясь феноменом публичного обсуждения, бесконечного повтора, – иначе она теряет всякий смысл. То, что мы называем «психологией развития», – и есть проговаривание, пережевывание логически невозможного события, поддержание этой квазиисторической (ре)конструкции. «Стадия зеркала» как этап формирования личности – это не то, что произошло, а то, о чем постоянно рассказывают, чтобы поддерживать конфигурацию так называемой «нормальной» субъективности: «никакой фундаментальной утраты не было – субъект всегда один и тот же». Так что формула «возраст от 6 до 18 месяцев» относится только к субъекту № 2, в то время как субъект № 1 видит (хотя что мы можем об этом знать?) в зеркале нечто такое, что его настолько сильно поражает, что он уходит со сцены, отчуждается в его пользу, в результате чего и возникает эта формула.

Итак, если мы сведем концепцию «стадии зеркала» к той или иной разновидности «психологии развития», то вынуждены будем констатировать, что речь в ней идет как раз об *отражении, об образе, увиденном в зеркале*, поскольку только он может выполнять функцию «Я», – а представление о том, что некая «личность» формируется и проходит ряд этапов, прямо отсылает нас к последующему рассказу, к индивидуальной истории, которая происходит

уже *после того*, как мы «узнаем» в зеркале собственный образ (или, точнее, после того, как субъект № 1 отчуждается, растворяется в субъекте № 2, а тот уже рассказывает историю об «узнавании себя в зеркале»). Это именно образ, который мы «узнали», присвоили, приняли на себя, проходит ряд этапов, чтобы затем постфактум констатировать «стадию зеркала». Только *с точки зрения, из позиции* образа-отражения в зеркале, то есть – субъекта № 2, и можно зафиксировать «стадию зеркала» как имевшую место.

Итак, максимально упростим мысль: я начинаю узнавать *себя* в зеркале по истечении шести месяцев, как меня убеждают психологи, но *кого* я узнаю, если *меня* еще не существует? если «Я» возникну именно в результате отождествления *себя* с зеркальным образом? Понятно, что постфактум я реконструирую собственное тело как биологический, анатомический объект, который всегда уже был здесь, физически присутствовал, ожидал своего раскрытия (которым я еще не владею, отсутствует необходимая моторика, но предвосхищаю овладение им), но эта точка зрения складывается уже *в результате* операции отождествления с образом этого тела, – операции, как указывает Лакан, так и не завершенной до конца (отсутствует *объективная мера, нейтральная позиция* для сравнения тела как анатомического объекта и его зеркального образа – нет никаких свидетельств, что «в процессе развития» мы все-таки вышли за пределы образа и обнаружили тело там, где оно находилось изначально, а не продолжаем находиться в сетях воображаемого). Только из-за этого я могу сказать, что «узнал в этом образе себя» или «ребенок в период с 6 до 18 месяцев начинает узнавать в отражении себя», – но все это лишь *вывод, сделанный постфактум*, то есть высказывание человека, по идее, уже давно прошедшего «стадию зеркала». В тот момент, когда ребенок смотрит в зеркало, у него нет никакого «Я», он никого узнавать не в состоянии. И нельзя сказать, что это всего лишь оборот речи, я *себя* не узнаю, а просто заимствую образ у зеркального отражения, присваиваю его, – а *меня*, по сути, и нет. Это тоже не решает проблему, ибо тогда возникает другой вопрос: а *кто*, собственно, его присваивает, этот образ? Чтобы присвоить себе «Я», нужно это «Я» уже иметь, иначе не получится полного присвоения, а будет только, как Лакан и говорит, бесконечное приближение. Нет того, кто смотрит с зеркальной поверхности, – ибо он только *образ, «обманка»*, за неимением собственного бытия; как и нет того, кто этот образ присваивает, – он только *слепая, анонимная конструкция*, за неимением собственного «Я».

Как мы видим, вряд ли в этом состояло намерение самого Лакана – еще раз просто повторить, воспроизвести эту историю, рассказ

про рождение «Я» (который обязателен для современного публичного поля, одержимого идеей «становления», «развития»). С одной стороны, действительно Лакан разворачивает свою мысль о «статии зеркала» именно в физиологической перспективе, постоянно ссылаясь на данные зоологии, гистологии, неврологии и т. д. – что вполне соответствует заявленной логике реконструкции. Но при этом он вводит в эту перспективу *неопределенность для наблюдателя*, которая как раз ставит под сомнение безупречность, «аутентичность» самого (реконструирующего) физиологического механизма: выстраивает оптическую схему с перевернутым букетом и старается донести мысль о различии между реальным и мнимым изображениями. Мнимое изображение – это образ в плоском зеркале, который мы воспринимаем именно как образ, располагаем его в пространстве воображаемого, миража, а реальное изображение – это образ в сферическом зеркале, вследствие определенных оптических эффектов встроенный, так сказать, «имплантированный» в реальность. Его не только сложно выделить из реальности, но он еще и придает «воображаемый распорядок» находящимся рядом с ним реальным объектам – по сути, эту реальность структурирует в соответствии со своей «человеческой формой».

Животное совмещает реальный объект с заложенным в нем самом образом. Более того, я сказал бы, как указано и в тексте Фрейда, что совпадение образа с реальным объектом упрочивает этот образ, дает ему воплощение. В этот момент через посредничество образа происходит запуск деятельности, направляющей субъекта к своему объекту.

Действует ли такой механизм у человека?

Как нам известно, в сексуальных проявлениях человека царит полный беспорядок. Здесь нигде нет слаженности. Идет ли речь о неврозах, перверсиях – тот образ, от которого мы, аналитики, пляшем, представлен своего рода *раздробленностью, расщепленностью, отрывочностью, разлаженностью, несоответствием* (курсив мой. – А. С.). Тут происходит как бы *игра в прятки⁴ между образом и его нормальным объектом* (курсив мой. – А. С.)⁵.

Животное может пленяться даже мнимым изображением, потому что у него образ и объект совпадают: речь только о том, чтобы объект соответствовал образу, был его зеркальным отражением (как реальный, перевернутый букет цветов и воображаемый, улавливаемый наблюдателем над горлышком вазы). В том-то и дело, что в отличие от животного, которое целиком поглощено средой, захвачено очаровывающим образом, у человека никогда не про-

исходит «полного совпадения реального и воображаемого»: из-за структурного искажения его развития, каковым, собственно, и является стадия зеркала, он не инвестирует (в смысле «либидального инвестирования») свой образ в некий объект, но наоборот, он *перенимает образ от объекта, чтобы сделать этот образ «своим»*, – а потому и испытывает сложности с дальнейшим определением и захватом объекта своего желания. Желать – значит возвращать свой образ обратно, в Природу, туда, откуда как бы взял его взаймы, – то есть лишиться собственного «Я», исчезнуть, погибнуть, умереть. Поэтому Другой, как говорит Лакан, является ему в образе гегелевского абсолютного господина, смерти. Это то, о чем животное и не подозревает: о «переходности индивида по отношению к виду», о том, что в момент любви оно находит свою смерть. Человек же это «знает и испытывает»: он как никто другой видит изнанку очаровывающего образа – ту цену, которую он платит за овладение им.

Если отсутствует совпадение реального и воображаемого, объекта и образа (образ формируется раньше, чем объект появляется), то это потому, что у нас просто отсутствует перспектива, в рамках которой мы могли бы утверждать (или опровергнуть), что субъект № 1 (отраженный) и субъект № 2 (отражение) – один и тот же. То, о чем и шла речь выше. «Игра в прятки» между образом и его объектом, о которой говорит Лакан, вызвана невозможностью полностью объект апроприировать (ибо он несет смертельную угрозу для желающего субъекта), – отсюда «раздробленность, расщепленность, отрывочность...», характеризующие человеческое желание (если только речь не о «влюбленности», фрейдовском *Verliebtheit* – тогда образ и объект совпадают и влечение становится смертельным, – Лакан приводит в пример Вертера, впервые увидевшего Лотту с ребенком на руках). Лакан пытается объяснить, предупредить, но его возможностей явно не хватает: его речь воспринимается в той же перспективе «психологии развития», то есть в поле публичного обсуждения, где господствует политкорректная «коммуникативность» и происходит редукция всех проблем к признанию Другого, просто не опознается тот факт, что Лакан говорит *о чем-то еще*. Пусть даже мэтр прямым текстом объявляет эксплуатацию человека человеком фундаментальной и неустранимой – все равно найдутся те, кто впишут его наследие в гуманистическую перспективу признания Другого.

А между тем дело вовсе не в том, чтобы в очередной раз надеть Другого некими «правами», раз наше «Я» имеет иллюзорный характер и заимствует свое существование у Другого. Скорее речь о том, что в устройстве «стадии зеркала» иллюзия, мираж (так назы-

ваемое Воображаемое) выполняет *определенную функцию*, чтобы могло состояться то, что мы называем «реальной действительностью» (не путать с лакановским «Реальным»). Я вижу только «перевернутое», «инвертированное» пространство – из точки наблюдения, расположенной как бы «внутри» зеркала, то есть смотрю *изнутри иллюзии-миража*, зеркального образа собственного тела. Изначально я не осознаю (предположительно увиденный) образ в зеркале как отделенный от меня в пространстве объект, потому что меня еще нет – нет оппозиции внутреннее/внешнее. И только приняв точку зрения образа (читай – точку зрения иллюзии-миража), я начинаю открывать для себя мир: появляется указанная оппозиция – пространство как таковое, непреодолимая бесконечная дистанция между отраженным и отражением. Фикция, образ, «обманка» – структурно необходимы для создания пространства: иначе было бы сплошное «хаотическое наслоение Реального»: иллюзия встроена в «реальность» (реальное изображение, опыт с перевернутым букетом, помимо всего прочего, иллюстрирует и это) – это как раз то «внутреннее», что противопоставлено «внешнему». Если животное – это реальный букет, а объект его влечения – воображаемый, то у человека все обстоит ровным счетом наоборот: он сам в качестве «собственного Эго» – воображаемая структура, в то время как объект его влечения (Другой, абсолютный господин) – это единственная несомненная реальность, не требующая никакой опоры для своего существования.

Таким образом, отказываясь от картезианского хода мысли, признавая «отчужденный» характер Эго, Лакан открывает ящик Пандоры: он множит вслед за собой толкования, которые при всей своей добросовестности, интеллектуальной честности все-таки искажают его мысль. А потому, что просто не могут не исказить – ведь они уже заключены в ловушку «отчужденного, децентрированного Эго», раздвоенного мышления, где нет нейтральной точки, регулирующей инстанции (наподобие фихтеанского «абсолютного Я»), откуда было бы видна ясно и четко демаркационная линия – «вот Я, а вот не-Я». Здесь есть «Я», которое является результатом отчуждения, а следовательно, уже не-Я, и есть не-Я, которое представляет собой безымянный «носитель», что-то наподобие анонимного ядра «настоящего Я». Потому-то затем в человеческой вселенной объект влечения и его образ вступают в напряженные, амбивалентные отношения – играют в прятки, избегая прямой встречи, которая несет для субъекта смерть. Таким образом, согласившись рассуждать о стадии зеркала, интерпретаторы Лакана попадают в сферу настоящего онтологического парадокса, откуда не так просто вырваться:

каждый их шаг, каждый ход мысли, исходящий от Лакана, *неминуемо раздваивается*, и снова и снова возникает вопрос: о чем речь – об отражении или отраженном? Синтез ведь так и остался незаконченным – дистанция между ними не устранена... Это лишний раз говорит о том, что повторять за Лаканом – опасно: его речь совсем не подходит для того, чтобы превращаться в отрасль академического знания или набор формулировок, которые можно заучить и транслировать без всяких смысловых потерь.

Мысль в рамках психологии развития неизбежно будет стремиться к воссозданию этого (предположительно ценного) опыта «стадии зеркала», чтобы пережить его заново и, возможно, исправить какие-то деформации, которые произошли в свое время и исказили нормальное развитие субъекта. В то время как скорее следует понимать самого человеческого субъекта как непредвиденную деформацию развития, наложение разных темпоральных планов, если угодно, «временную петлю» (как в фантастических фильмах о путешествиях во времени: когда герою самому приходится совершать в прошлом то, что имело место в будущем, откуда он прилетел, чтобы оно в этом будущем появилось), – как раз вследствие *отсутствия у него подобного опыта, принципиальной невозможности прочесть, реконструировать собственное прошлое*. Написание статей, научных работ на данную тему – именно что попытка сделать этот опыт «своим», произвести невозможный диалектический синтез, который зафиксировал бы совпадение субъекта № 1 и субъекта № 2, индивида и его зеркальный образ. Поддержать саму «человеческую форму» – повторять как заклинание, что этот образ и есть Я, что «когда-то давно я проходил “стадию зеркала”, потому что я – человек, как и другие...». При этом вторжение «психологии развития» не является недоразумением, а вполне естественно и объяснимо – именно с точки зрения Лакана: оно отражает следующий логический ход, сделанный в тот момент, когда он усложняет свой опыт с перевернутым букетом.

То, что существующий субъект видит в зеркале, представляет собой изображение *либо четкое, либо фрагментарное, неустойчивое, неполное* (курсив мой. – А. С.). Это зависит от *его положения* (курсив мой. – А. С.) по отношению к реальному изображению. Находясь слишком в стороне, он будет видеть плохо. Все зависит от конкретного угла падения луча на зеркало. Лишь находясь в конусе, можно увидеть четкое изображение.

<...>

Теперь предположим, что наклон плоского зеркала подчиняется голосу другого. Такой зависимости не существует на уровне стадии

зеркала, но она осуществляется позднее всей совокупностью нашего отношения к другому – речь идет о символическом отношении.

<...>

Другими словами, именно символическое отношение определяет положение субъекта в качестве видящего. Именно слово, символическая функция, определяет *большую или меньшую степень совершенства, полноты, приблизительности воображаемого* (курсив мой. – А. С.)⁶.

Иначе говоря, под видом «психологии развития» мы имеем здесь дело с *самим регистром символического*, который латает дыру – фундаментальную утрату, нехватку. И это не простое отсутствие «налично сущего», как сказал бы Хайдеггер, а *нехватка смысла, понимания* – насколько то, что я вижу в зеркале, соответствует тому, что оно отражает, каковы подлинные отношения между «Я» и я, образом и самим индивидом. Как мы уже знаем, ответа на этот вопрос нет – но зато есть *снятие этого вопроса, его сокрытие*, раз за разом возобновляемое в поле научных и публичных дискуссий. Там, где отсутствует эмпирический опыт «стадии зеркала» (ибо он структурно невозможен), располагается *символ* – буквально символ фундаментальной нехватки. И только так происходит корректировка, настройка воображаемого – через речь (т. е. через функционирование регистра символического) вводится хронологическое, индивидуально-историческое измерение, выравнивается «темпоральная кривая»: «стадия зеркала» становится имевшей место *в прошлом*. Символическое регулирует область воображаемого, управляя «наклоном зеркала» и тем самым осуществляя (ре)конструкцию невозможного события.

Собственно, постоянное говорение о самом Лакане – это тоже эффект символического (как и данная статья – которая не является каким-то «метатеоретическим» исключением). В этом и состоит настоящая проблема: его имя, имя «Лакан», не дает никакого алиби – за ним не спрятаться для того, чтобы что-то заявить, – расширить, уточнить, дополнить, интерпретировать исходный лакановский текст. Ты действуешь на свой страх и риск, но не знаешь об этом. Там, где ты хотел что-либо сказать о Лакане, ничего нет, никакого уникального «теоретического содержания», которым можно прикрыться, как щитом, в публичном поле: все лакановские конструкции устроены так (и в этом скорее их достоинство, чем недостаток), что создают больше проблем, чем предлагают решений. А все потому, что здесь «режимная» территория, зона действия

неразрешимого онтологического парадокса: «о чем ты говоришь (если уж начал говорить) – об отражении или об отраженном?»... Но, возможно, ясное и четкое осознание своей ситуации – это уже не так мало.

Примечания

- ¹ В используемом переводе отсутствует следующая ремарка: «неважно, идет ли речь о его собственном образе или об образе кого-нибудь из ему подобных» (“qu’il s’agisse d’ailleurs de son image propre ou d’une image qui lui est donnée par quelqu’un de ses semblables”). *Lacan J. Séminaire I: Les écrits techniques de Freud 1953–1954 // ÉCOLE LACANIENNE DE PSYCHANALYSE.* [Электронный ресурс] URL: <http://ecole-lacanienne.net/wp-content/uploads/2016/04/1954.02.24.pdf> (дата обращения: 17.12.2016).
- ² *Лакан Ж.* Семинары. Кн. I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / Пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). М.: Гнозис: Логос, 1998. С. 108. В цитируемом отрывке не совсем понятно использование словосочетания «завершение *психологического* развития». Французское слово «*physiologiquement*» во фразе «le sujet, en tant que sujet, anticipe sur cette maîtrise *physiologique*» (курсив мой – А. С.) *achevée*» (*Lacan J.* Op. cit.) сложно трактовать как-то иначе, чем относящееся именно к *физиологии*.
- ³ *Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию «Я». [Электронный ресурс] URL: <http://psychic.ru/articles/modern/modern64.htm> (дата обращения: 14.05.2016).
- ⁴ В русском переводе здесь опущен синоним к «игре в прятки» («*jeu de cache-cache*») – «игра в не-совпадение» («*jeu de non-coïncidence*»). *Lacan J. Séminaire I: Les écrits techniques de Freud 1953–1954.* [Электронный ресурс] URL: <http://ecole-lacanienne.net/wp-content/uploads/2016/04/1954.03.31.pdf> (дата обращения: 17.12.2016).
- ⁵ *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 1. С. 185–186.
- ⁶ Там же. С. 188–189.

Эволюционный аспект морального должествования как вида социальной ответственности

В статье рассматривается эволюционный горизонт феномена морального должествования. К освещению генезиса этого вида социальной ответственности привлекаются положения теории эволюционно стабильной стратегии, что продиктовано, в числе прочего, возрастающим вниманием к этическим аспектам эволюции в современной западной философии. В ходе исследования показано, что на протяжении исторического процесса происходила коэволюция витальных и культурных программ с формированием оптимальных моделей социального поведения. Обосновывается, что на определенной стадии развития эволюционные навыки социальности отразились в универсальной форме морали с ее основными принципами, внешними и внутренними санкциями, содержащими представление о моральном должествовании.

Ключевые слова: мораль, моральное должествование, эволюционно стабильная стратегия, теория игр, социальная ответственность.

Должествование выступает одним из основных этических экзистенциалов человеческой жизни. Являясь основным понятием нравственного сознания и этико-философской мысли, должествование рассматривается как добровольное обязательство действий, основанных на идеальных ценностях и принципах, постулируемых моралью.

Должествование апеллирует к понятию долга и само осознается как долг, являясь формой существования морали, способом ее актуализации. Долг выступает как совокупность требований, обусловленных моральными принципами. Эти требования каждый раз преломляются в личностной форме долга, выявляя степень и способ самоконтроля человека в его нравственной деятельности,

обрисовывая его моральный облик. Таким образом, должное с необходимостью ждет своего осуществления посредством феномена морального долженствования.

В процессе своего исторического осмысления долженствование обретает смысл философской категории. Философское обоснование морального долженствования, как рациональная процедура теоретического сознания, ставит вопрос о природе феномена долга, его истоках и причинах, пытаясь подвести теоретический фундамент под абстрактную структуру нравственности, объяснить и ответить на вопрос, почему должно поступать так-то, почему вообще что-то должно?

В данной статье рассматривается эволюционный аспект обоснования этого идеально-практического феномена. Автор прослеживает генезис морального долженствования как социального обязательства в рамках теории эволюционно стабильной стратегии. Этим предпринимается попытка подойти к проблеме долженствования не столько с философской позиции, сколько с математической, с позиции эволюционной теории игр, что, возможно, поможет представить новую альтернативу традиционной интерпретации морали.

Теория эволюционно стабильной стратегии (ЭСС) к настоящему времени оформилась в отдельное крупное направление исследований. Концепция была предвосхищена работами Р.Х. Маккартура¹ и У.Д. Гамильтона². Сам термин эволюционно стабильной стратегии (*evolutionary stable strategy*) был введен английским биологом Джоном Мэйнардом Смитом и американским генетиком Дж.Р. Прайсом в статье «*The Logic of Animal Conflict*»³ и занимает центральное место в книге Дж.М. Смита «*Evolution and the Theory of Games*»⁴. ЭСС, опираясь на теорию эволюции, использует математические инструменты, в том числе и то, что называется «теорией игр», для объяснения и прогнозирования эволюционного поведения. Первоначально разработанная Джоном фон Нейманом и Оскаром Моргенштерном (1944 г.) теория игр представляет собой математический подход к пониманию результатов взаимодействия между двумя или более лицами, когда выгоды и издержки взаимодействия зависят от стратегии каждого человека. Дж.М. Смит применил теорию игр преимущественно в варианте «равновесия Нэша» к поведению животных и обнаружил, что при различных поведенческих вариациях естественный отбор стремится поддерживать баланс между различными альтернативами в пределах вида. Этот баланс был назван им *эволюционно стабильной стратегией*. По мнению теоретиков, ЭСС представляет собой оптимальный набор образцов (паттернов) поведения, который сохраняет устойчивость по отношению к «мутантным вторжениям» в условиях,

когда затраты и выгоды альтернативных вариантов зависят от выбора других лиц при существующей ограниченности ресурсов. Такая стратегия предполагает относительно максимальное удовлетворение ожиданий полезного результата для всех использующих ее индивидов. Поэтому эволюционно стабильная стратегия, по определению, предпочитается и поддерживается большинством членов общества, отличаясь при этом избирательностью и устойчивостью.

Равновесие Нэша (1950 г.) – это фундаментальное понятие в теории игр и наиболее широко используемый метод прогнозирования результатов стратегического взаимодействия в социальных науках, названный по имени своего создателя Джона Нэша, американского математика, лауреата Нобелевской премии по экономике (1994 г.). Совокупность стратегий в игре от двух и более игроков, при которой стратегия каждого игрока является оптимальной с учетом стратегий всех остальных игроков, получила название «равновесие Нэша». При этом ни один участник не может увеличить выигрыш, изменив свое поведение, если другие участники своих стратегий не меняют. Такое равновесное соотношение является самодостаточным: игрокам выгодно сохранять это равновесие, так как любое изменение ухудшит их положение. Джон Нэш в противовес Адаму Смиту утверждает, что лучший результат в обществе будет достигаться только тогда, когда каждый индивид будет действовать не только на благо себя, но и с учетом интересов коллектива. «Равновесие Нэша заставляет нас вспомнить о метафоре “длинных ложек” (the allegory of the long spoons), согласно которой люди, имея только длинные ложки и пытаясь накормить только себя, всегда оказывались бы голодными. Только когда каждый вынужденно начнет заботиться о ближних, мы обнаружим способы, позволяющие позаботиться обо всех»⁵.

По сути, ЭСС является переработанным и эволюционно стабильным вариантом равновесия Нэша. Различие между равновесием Нэша и ЭСС заключается в том, что решение Нэша удовлетворяет только критерию оптимальности, не учитывая критерий эволюционной стабильности. Т. е. в ЭСС речь идет о том, что выбор паритета происходит путем повторяющегося взаимодействия «игроков» и в соответствии с принципом естественного отбора. Дж. Прайс и Дж.М. Смит показали, как равновесие Нэша релевантно применяется в отношении конкуренции и выживания видов. Экосистема, где все ниши способствуют лучшему жизнеобеспечению всех ее участников, является наиболее устойчивой; этот вывод лег в основу ЭСС. Таким образом, и теория игр, и ЭСС демонстрируют эволюцию сотрудничества и взаимного признания на базе эволюции вообще.

Обнаруженный данными теориями этический аспект эволюции в последнее время вызывает повышенный интерес для экономистов, социологов, антропологов и обществоведов в целом. Все чаще прослеживаются попытки объяснить человеческое поведение и социальные структуры с точки зрения эволюционно стабильных стратегий уже в контексте культурной эволюции, связанной с изменениями убеждений и норм с течением времени. Эта концепция в различных формах используется в современной моральной и политической философии. В частности, философия контракционизма (современная версия теории общественного договора) привлекает теорию игр и ЭСС для формализации доктрины общественного договора⁶.

Итак, ЭСС отвечает на вопрос: как возникает «стартовый механизм» социального партнерства в среде доминирующих некооперативных индивидов? Можно представить, что особи (индивидуумы) как бы играют друг с другом в игры, ставки в которых – само их существование. Постепенно в этих играх определяются предпочтительные стратегии. Вкратце: эволюционно в течение миллионов лет люди жили в социальных группах. Всякое отклонение от оптимального поведения наказывалось естественным отбором. Если человек вел себя неправильно, т. е., по большей части, некооперативно, он подвергался смертельной опасности – либо его съедал хищник, либо он умирал от голода, либо погибал в одиночестве и т. д. Условно, каждый день человеческое поведение тестировалось эволюционным отбором.

Здесь можно предвосхитить вопрос: как в ходе эволюции, где, как принято считать, движущей силой является механизм естественного отбора, прежде всего предполагающий «борьбу за существование и выживание сильнейших», могут проявиться кооперация и взаимопомощь? Такая постановка скорее обнаруживает упрощенное понимание механизмов эволюции. На первый взгляд, эгоизм и особая изобретательность в получении собственной выгоды способствуют успешному выживанию индивида. И, казалось бы, ввиду этого естественный отбор должен провоцировать развитие лишь хищнических инстинктов, алчности, воли к господству и т. п. Но наряду с этим такая специфика эволюционного процесса, как продолжение рода, потребовала от людей постоянной заботы о потомстве, его защиты, и как следствие, развития родительской любви и самоотверженности. Кроме того, слабая выраженность в группе реакций коллективной защиты потомства и самой группы снижала ее шансы на выживание. Поэтому при существовании элементарного индивидуального отбора и межклановой конкуренции именно внутригрупповой отбор стимулировал развитие взаимной поддержки в борьбе за выживание среди

враждебной природы и других сообществ. Стоит также отметить, что самоотверженность и боевая доблесть приводили к коллективному признанию, возрастанию популярности, включая репродуктивный успех.

Соответственно формировались социальные качества как формы общественно-целесообразного поведения. Если поначалу доминировали простые стратегии, такие как «око за око», то со временем появляются расширенные паттерны, развивающиеся на основе более элементарных и т. д. Так, закон сохранения социума наряду с законом самосохранения стал основой проявления зачатков нравственности, представ своеобразным первоучителем этики. Нравственность обнаружилась как эволюционная конституция и одновременно как главное эволюционное преимущество человека, благодаря которому человеческий вид продолжает свое существование.

Таким образом, на протяжении всего общественного развития происходила своего рода экстракция социально адекватных моделей поведения. Рост человеческих социумов приводил к усложнению внутривидовой коммуникации, что порождало появление социальных регламентов, которые со временем закрепились в морально-нравственных нормах. Долженствование социальной нормы обозначилось как самый выгодный и эффективный способ успешного выживания. Нормы становились функциями социального поведения и сутью феноменов человеческого общения. Для поддержания «эволюционно стабильного» типа отношений общество закрепляло правила поведения различными социальными установлениями, табу. Соблюдение табу обеспечивалось применением мер психологического и физического воздействия: наказаниями, отлучением, изгнанием или смертью.

В построенной нами модели возможно предположить последующее формирование важнейших нравственных состояний и регуляторов человеческого поведения, таких как страх, стыд, совесть, вина, ответственность, сопереживание, сострадание. Существенным оказывалось не только само представление о моральной норме, а палитра чувств, переживаемых личностью от совершаемых ею поступков. Это способствовало тому, что чувство справедливости становилось почти инстинктивным. Моральная интуиция побуждала к нахождению оптимального ролевого баланса в отношениях с другими людьми, установлению равновесия между желаемым и необходимым, личным и коллективным. Таким образом, обобщая, можно сказать, что мораль предстает своего рода экстрактом оптимальных социокультурных стратегий, выработанных в ходе исторического процесса.

Здесь дополнительно может возникнуть вопрос: «не принижает ли все сказанное само понятие этики, морали, даже элементарной порядочности до уровня утилитарности, банальной полезности? Не оскорбляем ли мы бесчисленных героев и героинь прошлого, настоящего и будущего сведением их поступков к простой реализации туманных, палеонтологически древних биологических импульсов?.. Не уничтожается ли и не опошляется ли понятие этики как понятие чистого бескорыстия и самоотверженности? Не исчезает ли идея бескорыстия, если оказывается, что приобщение к высочайшим идеалам базируется на конкретных материальных механизмах? Может показаться, что если этическое поведение более выгодно для человечества (пусть в целом, а не индивидуально), то тем больше обесценивается и деградирует самое понятие этики? На все эти вопросы можно, как нам кажется, дать четкий, категоричный отрицательный ответ. И не только потому, что объединение десятков или сотен инстинктивных, полуинстинктивных, условно-рефлекторных, экстраполяционно-рефлекторных реакций, обнаруживаемых у различнейших видов животных, создает у человека качественно особую этику. Не только потому, что нарастание отбора на альтруизм и социальность приводило к ряду качественных скачков. Может быть, всего важнее то, что категория полезности вообще исчезает, заменяется стремлением к возвышенному. Человек, сознательно или подсознательно этичный, оказывается особой системой, зачатки которой, зародившись на примитивных ступенях, становятся высоким активным началом, катализатором бесчисленных реакций внутри индивида и вне его, началом, порождающим бесконечно сложную, непредсказуемую систему социальной преэмптентности»⁷.

Действительно, эволюционную этику часто упрекают в упрощенном объяснении морали как формы адаптивно-подражательного поведения, в отказе от духовно-ценностного понятийного аппарата, от теоретического наследства этико-философской мысли. Вышеизложенное обоснование делает попытку снять этот упрек, объясняя возникновение морали как трансформацию эволюционно стабильных социальных стратегий в духовную программу с развитием идеальных ценностей.

Содержание, которое для современного человека соединено с моральными требованиями и ассоциируется по большей части именно с императивностью, первоначально осваивалось в процессе осмысления отдельных ситуаций принятия решения, конкретных конфликтов и образующихся предпочтений по их разрешению⁸.

Попытки выйти за пределы одного лишь социального опыта изначально были естественны и неотвратимы, ибо отвечали духовным запросам человека, поскольку он человек. Посредством ретрансляции рефлексий наиболее развитыми творческими индивидами, накопленный социодуховный опыт через означивание, повторение и репрезентацию укоренялся в общественном сознании, языке, культурной памяти. Моральные нормы и нормативное поведение, став инструментами культуры, затем сами оказались объектом ценностной регуляции – следование нормам начало определяться как положительная ценность, а их нарушение оцениваться отрицательно.

Таким образом, данный опыт со временем модифицировался в идеально-ценностную систему морали, которая в итоге обрела конститутивный характер, переходя от означаемого к означающему, императивно структурируя сознание и разум. Как следствие, мораль становится предзаданной, идеально необходимой, сверхэмпиричной. И здесь позволительно допустить, что чувство долга, изначально порожденное отработанным за десятки тысяч поколений эволюции комплексом психических, поведенческих реакций, перешло в кантовский моральный закон. На этой основе возможно предположить и разрешение принципа Юма (гильотина Юма).

Здесь опять может возникнуть вопрос: как, исходя из данной концепции можно объяснить тот факт, что история человечества больше предстает в виде вечных войн, жестокости, преступности и т. п., что скорее внушает мысль, что агрессивность, эгоизм и хищность – природные неискоренимые свойства человечества в целом, и оптимальные эволюционные стратегии не отличаются большой устойчивостью? Факты – «упрямая вещь», но правда важнее фактов. И историческая правда в достаточной степени демонстрирует, что такие дикие проявления имеют свойство саморазрушительности в результате обратных связей, предопределяя неизбежный распад. Примером могут служить истории Греции, Египта, Римской империи и т. д.; это касается и отдельной личности. Впоследствии состояние дикости, всеобщего произвола сменяется повышенным требованием справедливости.

В связи с этим также необходимо подчеркнуть сложный характер должноствования в отношении социальных норм, ибо действительность моральных требований определяется прежде всего внутренним убеждением человека. Человек потенциально нравственное существо, но реализация этого потенциала зависит от комплекса биогенетических и социальных факторов, включая уровень развития нравственного сознания. Кроме того, поведение людей вообще подвержено множеству влияний физического и психологического

свойства, которые могут ускользать от их контроля. Нравственное чувство может подавляться, вытесняться другими эмоциями. Вообще, чувство долга есть прежде всего самовеление, самообязывание, самоограничение, лишь в каких-то обстоятельствах переходящее во внутреннюю склонность. Уместно упомянуть и социально-экономический аспект долженствования.

Логично допустить, что и разброс качества «человеческого материала» определяется уровнем экономической организованности. Она задает степень востребованности, полезности работника, получая в ответ от него соответствующий градус инициативности, дисциплинированности, стремления к совершенствованию (или, от другой точки отсчета, градус отчуждения и социальной апатии)⁹.

Итак, в своем генезисе общественное сознание, отражая практико-коммуникативный опыт, сообразовывалось с требованиями социальной реальности, формируя идеально-ценностную систему, включающую особые механизмы социального регулирования в виде нормативных предписаний. Степень соответствия индивидуального поведения выявленным нормативным образцам стала определяться категорией ответственности.

Понятие социальной ответственности отражает взаимоотношения между личностью и коллективом, характеризует человека с точки зрения его ориентации на принятые в сообществе нормы и принципы, осознания им социальной значимости своего поведения и его последствий. Социальная ответственность – обобщающее понятие, включающее все виды ответственности в обществе. С этой точки зрения моральная ответственность – разновидность социальной ответственности. Моральная ответственность, безусловно, является наиболее распространенной, так как сфера регулирования общественных отношений нормами морали шире какой-либо другой. Это предполагает ответственность лица не только перед другими членами общества или социальными институтами, но и нравственную ответственность перед самим собой, рассматриваемую как чувство долга, выражаемого в моральном долженствовании.

Упрощенно можно сказать, что социальные нормы, мораль, закон – правила игры в социуме, которые представляют собой определенные договоренности, разделяемые всеми взаимные обязательства-ожидания, благодаря чему жизнь среди себе подобных становится предсказуемой и надежной. Объединяя усилия с другими, желая за счет взаимопомощи решать собственные проблемы,

человек включается в определенное поле взаимных ожиданий и гарантий, которые сводят соучастников в единое целое.

Моральная обязанность, вытекающая из соглашений, проявляется через чувство правого и неправого. Соглашения, изначально заключенные *ради интереса*, по самому своему факту получают моральную санкцию. Эта санкция подкрепляется моральным чувством. Благодаря моральной санкции соглашения начинают восприниматься как значимые сами по себе. Соглашения самим своим наличием детерминируют определенные действия людей. В основе этой детерминации лежат уже не изначальные частные интересы, а ценность соблюдения соглашений как таковая. Соответственно поддержание общественного порядка воспринимается как добродетель, а его нарушение – как порок¹⁰.

В действительности моральные требования и принципы выражают общественный интерес, взятый в предельно всеобщей форме, как принцип человечности вообще. Превращение их в личную задачу человека отражается в понятии морального долга, где должное, полагаясь на социальную ответственность, ожидает своего воплощения посредством морального долженствования. Само содержание морального долженствования в контексте личностного идеального феномена определяется автором как спонтанное переживание сопричастности в своих действиях моральным императивам. Эта спонтанность вырабатывается в сознании человека посредством осмысленного отражения индивидуальных и социальных факторов в его жизнедеятельности как морального субъекта. Так, основными характеристиками морального долженствования являются: добровольность, осознанность, самостоятельность, соучастие (социальная активность и забота).

Моральное долженствование отличается от прочих обязанностей тем, что оно претендует на безусловность, т. е. его выполнение самоценно, приоритетно вне зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Сама моральная необходимость здесь является непреложным и достаточным мотивом для поступка. Особо важно подчеркнуть, что развитие социальной ответственности в виде морального долженствования связано с предоставлением личности свободы нравственного самоопределения. Это дает возможность человеку осознавать собственное достоинство, свою социальную значимость, признавать права других людей, самостоятельно оценивать свои поступки с точки зрения последствий для себя и окружающих. И именно эта свобода в сочетании с ответственностью возводит субъекта в статус демиурга своей судьбы и судьбы

сообщества. Ввиду этого сама общественная мораль – не закостенелая система, находящаяся в состоянии стабильного равновесия, а система, пребывающая в движении, постоянно оценивающая саму себя и заново себя конструирующая. Внутри устоявшихся правил всегда есть место для творчества, создания новых смыслов, ибо меняются условия человеческого существования, расширяются горизонты познаний.

В заключение, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что сама эволюционирующая реальность содержит в себе такие структурные компоненты, которые гипотетически возможно отнести к моральной конститутивности. Иначе наша моральная интуиция не имела бы оснований (т. е. наши представления и факты не могли бы соотнестись). Таким образом, на протяжении исторического процесса происходила коэволюция витальных и культурных программ с формированием оптимальных моделей социального поведения. На определенной стадии развития эволюционные навыки социальности перешли в конститутивную форму морали с ее основными принципами. Так возникла моральная санкция. Данный феномен воплощается в мотиве долга, который санкционирует только те действия, какие не противоречат моральным императивам. Моральная санкция получила выражение в виде укора совести, чувства вины, либо гордости за свой поступок, а также в виде реакции общественного мнения, что обусловило преобразование морального долженствования и во внешнюю обязанность, выраженную понятием социальной ответственности.

Современная реальность предоставляет нам невиданные ранее возможности, но и выдвигает сверхсложные проблемы как вызовы времени. Это, с одной стороны, глобальная интеграция, современные коммуникационные технологии, достижения науки, техники, медицины; с другой стороны, политический и религиозный экстремизм, международный терроризм, этнические конфликты, угроза «столкновения цивилизаций». Следует отметить, что при современной преобладающей антинормативной тенденции общественного дискурса в снижении ценностного статуса морального долженствования довлеет опасность, что безотчетная свобода может превратиться во вседозволенность, а сверхиндивидуализм – в «моральный аутизм». Отсутствует понимание, что «все люди являются держателями акций в деле сохранения окружающей среды, социально-экономической устойчивости и международной безопасности»¹¹. Ввиду этого вопрос социоморальной идентичности и ответственности – «Чем ты обязан сообществу, в котором ты живешь?» – вновь выходит на первый план.

Моральный скептицизм и предельный релятивизм в эпоху глобальных вызовов становятся стратегически неадекватными. Это вновь возвращает нас к проблеме выбора более оптимальной эволюционно-этической стратегии, которая гармонично поддерживала бы общую жизнеспособность в интересах устойчивого развития как отдельного человека, так и общества в целом. При этом понятно, что такая стратегия не может предполагать рецепт вечного благоденствия. Это не абсолютная программа, а ориентир, метод, с помощью которого человек мог бы проживать свою жизнь наиболее плодотворно и счастливо в конструктивном сотрудничестве с обществом, природой и самим собой. И такая эволюционно-этическая стратегия по определению отличается открытостью, постоянным изменением и развитием ввиду родства с творческим характером самой мировой эволюции.

Примечания

- ¹ *MacArthur R.H.* In *Theoretical and mathematical biology* / Waterman T., Horowitz H. (eds.). N.Y.: Blaisdell, 1965.
- ² *Hamilton W.D.* Extraordinary sex ratios // *Science*. 1967. 156 (3774). P. 477–488.
- ³ *Maynard Smith, John and George Price.* *The Logic of Animal Conflict* // *Nature* 1973. 146, P. 15–18.
- ⁴ *Maynard Smith.* *Evolution and the Theory of Games*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
- ⁵ *Макулин А.В.* Законы этики и crab mentality: Таблица этических искажений // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 4. С. 110.
- ⁶ *Game Theory and Ethics* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Электронный ресурс] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/game-ethics/> (дата обращения: 11.07.2016).
- ⁷ *Эфроимсон В.П.* *Генетика этики и эстетики*. СПб.: Талисман, 1995. С. 27.
- ⁸ *Апресян Р.Г.* Коммуникативный источник морального должностования // *Этическая мысль: Ежегодник*. Вып. 11. М.: ИФ РАН, 2011. С. 18.
- ⁹ *Осипов Г.А.* Третье измерение в социологии П.А. Сорокина: Оценка нравственности современного общества // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2009. № 4. С. 74.
- ¹⁰ *Апресян Р.Г.* Проблема моральной обязательности у Юма // *Теоретический семинар сектора этики ИФ РАН*. 27 сентября 2011 г. М.: ИФ РАН, 2011. С. 4.
- ¹¹ *Степанянц М.Т.* Цены и ценности в эпоху глобализации // *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 47.

Светскость и религия: трансформация понятия «религиозное образование» в современном мире

Статья посвящена проблемам религии, секуляризации, религиозного образования в современном обществе. Вопрос о формах и путях организации религиозного образования в государственных школах, на теологических факультетах – предмет постоянной дискуссии. Статья предлагает некоторые итоги обсуждения, подходы к организации религиозного образования.

Ключевые слова: религиозное образование, секуляризация, постсекулярное общество, религиозные конфессии, теология, светская школа, транспредметность.

Когда слышатся голоса в пользу неконфессионального, атеистического религиозного образования под предлогом того, что сами конфессии уже не могут обеспечить его достаточный уровень, ситуация начинает выглядеть достаточно парадоксально: то, что является неотъемлемой частью религиозной традиции – процесс самовоспроизводства, – из этой традиции изымается и делегируется тем, кто «правильно понимает» религию, может «лучше» сохранить ее и научить. Интерпретация того, что понимается под термином «религиозное образование», зачастую напоминает ситуацию с ювенальной юстицией, когда приемные родители имеют больше прав на ребенка, чем родные. В значительной степени данный подход обусловлен секулярной парадигмой модерна, где религия и религиозный опыт трактуются в суженном и упрощенном смысле.

Один из современных подходов к реализации религиозного образования в светской школе – феноменологический, предполагает, с одной стороны, презумпцию неверия учащегося, с другой –

интроспективный подход к изучению религиозных феноменов. Презумпция неверия, таким образом, – отправная точка, а свобода религиозных убеждений – формат взаимодействия учителя и ученика. Религия включает экзистенциальный план восприятия, воспитывает учащегося, улучшая его внутренний мир. В этом феноменологический метод принципиально отличается от научного, отстраненного изучения религии, также и от катехизических, миссионерских подходов, направленных на привлечение учащихся в религиозное объединение. В контексте религиозного дискурса необходимый уровень профессионализма, знакомство и погруженность в религиозную традицию являются недостаточным, но необходимым условием для изучения религии в светской школе. Это, в свою очередь, выстраивает узкий мост между школой и реальной жизнью религиозных конфессий.

Современная педагогическая практика знает различные формы сотрудничества, в том числе и те, которые предполагают участие конфессий в обеспечении аутентичности содержания образования и использование феноменологического подхода. Противоречия в этом нет. Напротив, полноценная реализация данного подхода по-настоящему возможна лишь в том случае, если речь идет об экзистенциальном содержании религиозной традиции. В статье учитываются позиции нескольких кругов авторов: в первую очередь, собственно теоретиков религиозного образования (А.Ф. Козырев, М. Гриммит, Дж. Халл), затем феноменологов, репрезентирующих интроспективный подход к изучению религии (Ф. Шлейермахер, Р. Отто), и, наконец, авторов, описывающих современные трансформации религии из перспективы феноменологической социологии (Ч. Тейлор, О. Абель, О. Руа). Из совмещения этих кругов и рождается специфика подхода, который можно было бы охарактеризовать как постсекулярный, предпринимается попытка обоснования такого понимания.

Религиозная составляющая в системе светского образования – это всегда диалогичность и динамическое равновесие последнего. Наличие различных мировоззренческих подходов к изучению религии как раз и свидетельствует о том, что движение и взаимный обмен информацией идет. Принципы светскости и плюрализма реализуются на практике. Казалось бы, решение проблемы лежит на поверхности, – изучать религию в той форме, как она сама себя понимает, «исходить из присущего ей способа познания истины». Это в принципе соответствует феноменологическому подходу к пониманию религии. Но более распространенная и удобная практика настойчиво заявляет о себе: «Изучать религию нужно так, как

этого требует светская школа». Вопрос относительно приоритетности одного из двух подходов не имеет однозначного решения: светская школа, безусловно, определяет формат, рассматриваемое явление, экзистенция дает содержание исходя из собственных внутренних принципов. Возможно, в перспективе, с учетом секуляризации общества и образования, потребуются дальнейшее упрощение понимания религии, сведение знаний о ней к элементарному ликбезу. Но не является ли такого рода компромисс на самом деле отступлением от базовых принципов светской школы, отказом от адекватного понимания реальности?

Религиозная составляющая, в том или ином виде, – часть современной системы образования. Требования системы меняются, вслед за этим трансформируется и религиозный компонент, часто входя в противоречие либо с внутренними принципами, либо с внешними установками. Существует и обратная связь: религиозный фактор качественно преобразует образовательное пространство.

Что есть религия и что есть религиозная традиция? Может ли религиозное образование существовать вне религиозной традиции? Как трансформируется религиозное образование в секулярном обществе? Попытка найти ответы на эти и ряд других вопросов принята в данной статье.

Светскость

Портрет мира, который мы уже потеряли – мира, где духовные силы неотразимо влияли на деятелей, где социальное основывалось на сакральном, а секулярное время коренилось в высших временах¹

Когда речь идет о светскости, то в зависимости от контекста предмету дискуссии придаются разные смыслы. Европейское светское общество – это, прежде всего, общество, которое сознательно декларирует невозможность и недопустимость принуждения в вопросах религиозных убеждений. В определенном смысле, подобный отказ от претензий на обладание абсолютной истиной можно считать плодом христианского смирения и покаяния, победа разума и мудрости над разрушительным действием экстремизма и наси-

лия. Одновременно это и осознание того, что религиозность в масштабе человечества не есть нечто унифицированное, а религиозное согласие современного общества, достигнутое через понимание безысходности религиозных войн, крайне хрупко. Немецкий теолог XX в. Карл Барт настаивал на том, что светскость и секуляризация должны быть обстоятельно пересмотрены, и, возможно, следствием этого будет разрушение сложившегося, традиционного для Европы понимания общественного мира и согласия на основе базовых принципов светскости. Действительно, в современном мире существует целый ряд факторов, которые не позволяют рассматривать сложившееся равновесие общественных сил как нечто неизменно стабильное, а понятие светскости как неизменное.

Отказ от попыток мировоззренческой унификации – главный принцип мирного сосуществования религиозных и нерелигиозных мировоззрений в одном социальном пространстве, одна из главных демократических ценностей, основа безопасности. Исходя из этого, светскость можно определить следующим образом – это понятие, обозначающее мирное и равноправное сосуществование в едином обществе различных религиозных традиций, социальных групп, партий и др. Основание светскости – признание в качестве предпосылки политической конституции наличия в обществе полярных точек зрения, возможности мировоззренческого плюрализма. Отсюда происходит требование нейтральности государства, а от каждой из мировоззренческих групп – необходимости отказа от требований особого социального статуса. Таким образом, исходное понимание светскости – очень простая идея, утверждающая свободу совести и социальное равенство различных религий. Современное правовое содержание понятия светскости – независимость политической жизни от религиозных институтов.

Но правовое содержание светскости и ее современное понимание в различных контекстах имеют существенные различия. В этой связи невозможно обойти вниманием парадокс «светскости», когда она, с правовой точки зрения, фиксирует юридическую форму нейтралитета государства по отношению к мировоззренческому многообразию и в тоже время выступает как самостоятельная квазирелигиозная традиция, формирующая по собственному усмотрению пространство межконфессионального и межкультурного диалога. В этом смысле вполне правомерен вопрос: «Светскость по-прежнему остается пространством религиозной свободы или это доминирующая мировоззренческая (религиозная) традиция со своим сакральным центром, ритуалом, священными традициями»? Если светскость – священная традиция, то, претендуя на определяющую

идеологическую роль, она входит в конфликт с исходным принципом недопустимости религиозной унификации. Тем самым под вопрос ставится другой, не менее значимый посыл – мировоззренческая нейтральность государства, которую она (светскость) защищает. В процессе своего развития, преодолевая сопротивление религиозных традиций, «расколдовывая» мир, светскость приобретает новые качества, трансформируется в «гуманизм». Чарльз Тейлор в своей монографии «Секулярный век» дает следующую характеристику этому философскому течению:

Исключительный гуманизм закрывает трансцендентное окно, как если бы вовне ничего не было. Более того, как если бы речь не шла о неудержимой потребности человеческого сердца открыть это окно и сначала посмотреть, а затем выйти наружу. Как если бы ощущение этой потребности было результатом ошибки, ошибочного мировоззрения, плохого воспитания или, что еще хуже, некоей патологии².

Сегодня светскость – это критическое отношение к любым религиозным верованиям, являющееся всеобъемлющим правилом, которое само по себе не подвержено критическому рассмотрению. Этот процесс смещения центра тяжести в пользу одной из мировоззренческих традиций принято называть секуляризацией. Светскость, таким образом, постоянно трансформируется, порождая трансформации всего, что входит в область ее гравитации. Разделение церкви и государства в Европе в эпоху Нового времени отвечало взаимным интересам: нужно было предоставить свободу конфессиям самостоятельно решать свои внутренние вопросы и десакрализовать государство. Но этот идеальный посыл совершенно не отражает современной расстановки сил: религия все больше и больше вытесняется на периферию общественного сознания. Современное христианство сосуществует со множеством самых разных религиозных и нерелигиозных мировоззренческих и духовных традиций в сфере индивидуального выбора. «В контексте секуляризации религии постепенно отрываються, удаляються от своих культур: они детерриторируются, становятся объектом личных решений, в результате которых люди порывают со всеми традициями и оказываются неукорененными в культуре их собственной религиозной традиции. Опасность теперь заключается не в разрыве культуры с верой, а в отрыве веры от культуры, которая порождает фундаментализм без корней», – пишет профессор Парижского протестантского теологического института Оливье Абель³.

Многие мыслители XIX в. безапелляционно предсказывали замену религии наукой. Характерной чертой европейской цивилизации Нового времени становится вытеснение вопросов религиозного содержания из общественного пространства. Светскость принимает на себя многие важные функции социального регулирования, которые прежде принадлежали религии, и отчасти ошибочно, отчасти преждевременно начинает трактоваться как определяющее, магистральное направление развития общества, его окончательное «расколдовывание». «Создается особый климат – философский, социополитический, литературный, личностный, – в котором Бог становится непознаваемым. Природа самого общества, урбанистического, индустриализированного, материалистичного, была фоном для безбожия, которое философия и наука не столько выявили, сколько санкционировали»⁴. Если добавить к предложенной перспективе наличие тенденций крайнего плюрализма и религиозного многообразия, то в этом наброске можно вполне узнать также ситуацию конца XX – начала XXI в.

Еще одно важное направление трансформации светскости, о котором нельзя не упомянуть – «Духовность без религиозности». Как пишет Тейлор:

Это один из западных феноменов, обычно он означает духовную жизнь, несколько дистанцирующуюся от дисциплин и авторитетов религиозных конфессий. Дистанция здесь отражает реакцию на притязания религиозных авторитетов и властей и на осторожность профессиональных лидеров⁵.

Подводя итоги рассмотрению «светскости» как противоречивого и разнопланового явления, можно сделать некоторые предварительные выводы: влияние светскости на религию и религиозное образование двояко. С одной стороны, это оттеснение религии на периферию общественной жизни и лишение ее сколь-нибудь значимой, самостоятельной позиции в образовательном процессе. С другой – повышение значения религиозного образования в качестве актора в процессе передачи религиозных, культурных традиций, что приводит к укреплению эпистемологических позиций религии и взаимосвязи образования и конфессий с целью сохранения аутентичности религиозного образования. В любом случае, по мнению большинства современных исследователей в области социологии религий, мы находимся в самом начале некой новой эпохи существенных трансформаций динамики взаимодействия светскости и религиозности, исход которой пока сложно предвидеть.

Это открывает перспективы для дальнейшей разработки данной проблематики. Транспредметность в современном образовании уже сегодня предполагает выход за сужающиеся рамки светскости, из прокрустова ложа современной секуляризации. Предметом рассмотрения в таком случае выступает не феномен личной веры или религиозных переживаний, но духовность, понимаемая как суть традиции, максима нравственной жизни внутри общины, предельная забота и истина в конечной инстанции.

Религия

Туристические маршруты сходятся у соборов и храмов минувших эпох. Возможно, это просто потому, что люди очарованы прошлым, но единственное прошлое, которое у нас есть, – религиозное⁶

То, что мы понимаем под словом «религия», непрерывно эволюционирует. На протяжении длительного исторического пути это понятие неоднократно получало различную интерпретацию. Казалось бы, не составляет особого труда проследить трансформацию заложенного в нем смысла. Но вместе с тем возникает вопрос: эволюционируют ли только мнения людей относительно того, что представляет собой «религия»? Или эволюционирует и сама духовная, информационная среда, посредством которой происходит наполнение и формирование самого понятия? И если это так, то не зависит ли понимание религии в конечном счете от того, как сама религия готова открыться, быть ангажированной в тех или иных условиях, с теми или иными целями? Мы полагаем, что дело обстоит именно так и что понимание религии тесно связано с понятием жизни, традиции, особого религиозного дискурса. Данное положение по-особому формирует возможности изучения религии и ее места в образовательном пространстве.

Однако найти точное определение религии, адекватно отражающее направление изменений этого понятия в современном мире, крайне сложно. Также непросто предложить определенный набор терминов для ее описания в образовательных целях. Схваченные и переформулированные на современном языке отдельные понятия сакрального и профанного, трансцендентного и имманентно-

го, высших проявлений человеческой психики, веры, предания, священных текстов и истории способны составить общее представление об этом многофункциональном духовном, социальном явлении, но не более. Эмпирическое его рассмотрение, таким образом, вряд ли будет иметь определяющее значение в его объяснении. В последнее время в различных контекстах все большее влияние на изучение религии оказывает интроспективный подход. Одним из первых специфику этого подхода обозначил Фридрих Шлейермахер:

У неподвижных систематиков и у плоских индифферентистов вы не найдете духа какой-либо религии; вы найдете его лишь у тех, кто живут в ней, как в своей стихии, и подвигаются в ней все дальше, не питая безумной мечты охватить ее целиком... Религия может быть понимаема лишь через самое себя, и что ее особое строение и характерные отличия уяснятся вам не ранее, чем когда вы сами будете принадлежать к какой-либо религии⁷.

В этих словах присутствует один важный акцент, предпосылка для правильного понимания религиозных феноменов – причастность к опыту веры, принадлежность к определенной религиозной традиции.

Само понятие «религия» латинского происхождения, его появление относится к периоду религиозного плюрализма Римской империи. Оно практически не используется в Средние века, вновь входит в активное употребление в Европе после Реформации, когда уже внутри христианства возникает необходимость в диалоге разных конфессий. По причине разнообразия тех явлений, которые в европейской традиции принято относить к области религии, найти нечто общее между почитанием языческого пантеона, христианством и «четко очерченным комплексом верований, практик и институтов, к которым применяется данный термин в нашем обществе, представляется чрезвычайно сложной или даже вовсе неразрешимой задачей»⁸. В качестве определения, способного очертить первоначальный круг смыслов и удовлетворить максимально широкому пониманию религии, можно привести выражение Шлейермахера:

...религия в целом есть, конечно, не что иное, как совокупность всех отношений человека к Божеству во всех возможных формах непонимания, которые каждый сознает как свою непосредственную жизнь⁹.

Чарльз Тейлор, подчеркивая разницу между современным секулярным пониманием религии и тем, что, по его мнению, является сутью духовной жизни, делает акцент на преображающем начале, присутствующем в христианстве. Подобное понимание отличается от секулярных теорий религии, в которых она представлена как «вера в некоторого рода деятеля или некоторую силу, трансцендирующих имманентный порядок»¹⁰.

Очевидно, что любые попытки перевода религиозных терминов на язык философии вписывают их в ту или иную философскую традицию, делают их доступными для понимания, но одновременно и более плоскими. Видимо, по этой причине в западноевропейской религиозноведческой и философской традиции существует обусловленное различие в понимании религии как общего родового понятия и христианства как религии по преимуществу – Откровения. То, о чем мы можем и вправе говорить – это человеческие искания Бога – религия. То, что не имеет адекватных форм для словесного выражения – обращение Бога к человеку, – Откровение. Диалогичность – один из ключевых принципов сферы Богочеловеческих отношений. Если рассматривать религию не просто как священную историю, сохранившую для потомков основные моменты этой Беседы, то современное понимание религии должно исходить из перспективы и продолжения диалога, – это есть религия. Дилемма участия или неучастия в Диалоге определяет и подходы к изучению, толкованию религии. Интроспективный подход к этой теме, пожалуй, наиболее образно и емко охарактеризовал Шлейермахер, сказав, что «истинная религия есть чувство и вкус к бесконечному».

Попытка приближения к сути религии возвращает нас к пониманию многообразия смыслов, заложенных в этом слове, изучение которых едва ли может быть произведено при помощи научных методов, без постановки вопроса изнутри самого феномена. Это соотносится с подходом к изучению религии, в котором субъект и объект исследования во многом совпадают. Феноменологический подход к религии предполагает, что здесь исключается нейтральное объективистское отношение. Наука о религии и религиозное образование в этом контексте плотно примыкают друг к другу. У понятия «религиозное образование» традиционно есть два значения. Одно общее, подразумевающее различные формы изучения религиозных феноменов. Оно включает в себя и религиозное воспитание детей, и получение знаний о религии на уроках в школе, и теологию в вузах, – все эти формы, в соответствии с общим определением, есть религиозное образование. В последнее время, однако, сложилось такое специальное понимание данного термина,

когда под «религиозным образованием» понимают исключительно изучение религии в общеобразовательной школе. В этой статье не проводится четкого разделения между двумя подходами, так как в основе обоих лежат общие принципы, связанные с отношением и пониманием феномена в целом.

Образовательный подход на основе феноменологии религии, сочетая научность религиоведческого «learning (teaching) about religion» (изучения/преподавания о религии) и конфессионального «learning (teaching) religion» (изучение/преподавание религии), находит все более широкое применение в государственных и частных конфессиональных школах Западной Европы. Его рассмотрению, сравнению различных подходов к изучению религии в светской школе, исходя из общих принципов соотношения образования и религии, посвящена третья часть статьи.

Религиозное образование

Христианство postmortemdei оказывается перед перспективой полной бессмысленности всех теологических высказываний. Бог, быть может, еще стоит в центре теологических вопросов, но стоит ли Он еще в центре теологических ответов?¹¹

Относительно религиозного образования в секулярном мире возникает целый ряд вопросов, на которые нет и, по всей видимости, не может быть окончательных и однозначных ответов ни в среде педагогов, ни в среде теологов. Существуют различные мнения относительно того, что является предметом религиозного образования, кто определяет его содержание, цели и задачи, что есть светское религиозное образование и т. д. Даже в привычной Новověременной парадигме ответ на эти и другие вопросы не представляется как нечто сформулированное раз и навсегда. Возможность различных подходов к пониманию и реализации религиозного образования допускают даже его крайние противники или сторонники. В этой связи невозможно не согласиться с Рудольфом Отто, от-

мечавшим, что религиозное образование, по сути, является частью религиозной традиции. Образование без опоры на религиозную традицию утрачивает аутентичность, в свою очередь, традиция, лишённая определенного присущего ей способа познания и передачи истины, теряет способность к продолжению и развитию.

Как известно, изначально в Европе общеупотребительным был термин «христианское воспитание», который в процессе реформации был замещен современным словосочетанием «религиозное образование». Кроме изменений в этноконфессиональном составе населения Европы трансформация понятий отражает еще и тенденцию к рационализации всех сторон жизни, в том числе и образования. Относительно происходящих в западноевропейском социальном сознании процессов Шлейермахер пишет: «Преподавание религии, в том смысле, как будто можно обучить самому благочестию, есть пошлое и бессмысленное слово. Наши мнения и учения мы можем, конечно, сообщить другим – для этого нам нужны только слова, а для слов нужна только воспринимающая и воспроизводящая сила рассудка; но мы хорошо знаем, что это – лишь тени наших религиозных чувств; и когда наши ученики не разделяют с нами последних, то, если они даже действительно понимают сообщаемое как мысли, они не приобрели этим ничего подлинно ценного»¹². В процессе рационализации духовность, религиозные смыслы уходят из области того, что фундирует частную и общественную жизнь человека, становятся всего лишь одним из вариантов объяснения реальности и места человека в этой реальности. Иными словами, религиозное образование продолжает информировать, ориентировать в упорядоченном мире, но уже не оказывает определяющего влияния на поведение человека, не узаконивает или разрушает общественный порядок.

Тем не менее, как справедливо замечает А.Ф. Козырев, термин «религиозное образование» (religious education) «прочно вошел в международный профессионально-педагогический обиход в качестве широкого понятия, обнимающего различные виды образовательной деятельности, так или иначе связанной с изучением религии, воспитанием религиозного чувства и развитием религиозного сознания»¹³.

Прежде чем говорить о соответствии или несоответствии религиозного образования требованиям светской школы, необходимо определиться с пониманием самого феномена религиозного образования в его исходном значении. Задаться вопросом о том, без чего религиозное образование перестает существовать. По нашему глубокому убеждению, связь с традицией – главный и необходимый

критерий определения религиозного образования. Если мы примем определение светскости как пространства диалога, в котором обеспечивается свобода совести и мировоззренческого плюрализма, то появляется реальная возможность для согласования действительно разных позиций и требований, которым должно отвечать религиозное образование в светской школе. Проблема не снимается, возможно, вопросов становится даже больше, но это открывает перспективу поиска адекватных форм получения знаний о религии в условиях трансформации социальных условий.

Предварительный анализ понятий «светскости» и «религии», которые в данном случае являются необходимой основой для понимания специфической сути религиозного образования, был принят в первых двух частях статьи. Так что теперь можно более обстоятельно перейти к рассмотрению того, что представляет собой религиозное образование и в какой связи употребляются в этом контексте слова «религиозное», т. е. относящееся к области религии, и «образование» – относящееся к сфере воспроизводства и передачи знаний, умений, навыков, необходимых для жизни в светском обществе.

Взаимодействие религиозной общины с государственной (муниципальной) системой образования во многом определяется как раз тем пониманием, которое вкладывается в понятие светскости. В пространстве мировоззренческой свободы участие конфессий в обеспечении аутентичности соответствующих разделов знаний в принципе не должно ни у кого вызывать озабоченности или беспокойства. Напротив, если придерживаться понимания светскости как доминирующей мировоззренческой тенденции, требующей абсолютного признания и подчинения, то возникает необходимость разграничения территорий, сфер влияния. Школа – секулярная территория, в идеале не предполагающая никакой религии. Конфессии, в той или иной степени, уже удалены из образовательного пространства, по крайней мере, ограничены в правах на самостоятельную интерпретацию собственного наследия. Тейлор пишет: «Мы сконструировали особую среду, и теперь живем в ее единообразном, строго секулярном времени, которое, чтобы добиваться успеха в своих делах, пытаемся измерять и контролировать. И, может быть, именно этот “временной каркас” больше, чем какая-либо иная черта современности, соответствует знаменитому веберовскому определению *stahlhartes Gehäuse* (“железная клетка”)¹⁴.

Чтобы избежать конфронтации и напряженности, важно отказаться от категоричности и предубежденности в вопросах, связанных с изменениями, трансформациями в области религиозного

образования. Жесткие формулировки провоцируют искусственное противопоставление. В одном случае это утверждение о том, что религиозное образование – это всегда «Закон Божий». В другом – радикальный тезис о недопустимости присутствия какой бы то ни было религии в светской школе. Где-то посередине открывается пространство для обсуждения возможных форм, выходящих за жесткие рамки секуляризации и строго конфессиональных методов. Это многообразие подходов было структурировано профессором Бирмингемского университета Майклом Гриммитом, предложившим различать три пути получения религиозного образования: в религии (*learning religion*), о религии (*learning about religion*), у религии (*learning from religion*).

В рамках этой классификации Козырев определяет первый путь как интроспективный, практически соответствующий понятию катехизического образования и реализуемый в форме «Закона Божия». Второй и третий – как пути светского религиозного образования, «не обремененного конфессиональными интересами». Делая акцент на третьей форме получения знаний *у религии* (*learning from religion*), он пишет:

Основная идея Гриммита состоит в том, что от научного образования необходимо отличать направление, или подход, в котором не научная, а педагогическая составляющая выходит на первое место и в целеполагании, и в методике преподавания, и в профессиональной этике педагога. <...> Религия в данном случае предстает не столько в роли объекта наблюдения и анализа, сколько в качестве ресурса развития личности¹⁵.

Если согласиться с тезисом о постепенной тотальной секуляризации, то очевидно, что сужающееся пространство религиозной жизни находит адекватное отражение в образовании в форме так называемых неконфессиональных подходов, т. е. подходов, не предусматривающих непосредственной связи учебного предмета с жизнью традиции. Это также предполагает определенную трактовку допустимых и приемлемых форм религиозного образования. Конфессиональное образование – образование для единоверцев. Неконфессиональное – для всех. Конфессиональное образование – догматично, индоктринально, авторитарно. Неконфессиональное – демократично, педагогично, основано на принципе плюрализма. Можно было бы согласиться с подобной трактовкой, если бы не наличие противоположных тенденций в современном образовании.

Религиозный фактор подчас приобретает неожиданные интерпретации, проявляет себя в совершенно неожиданных контекстах, казалось бы, совершенно не имеющих отношения к сфере образования. С одной стороны, как пишет Оливье Абель: «Можно заметить, что режим отделения церквей от государства, который казался столь удобным одновременно и для демократической современности, и для евангельского благовестия, содействует, вопреки ожиданиям, тому, что религии сжимаются, готовы бежать из общества, становятся неподъемным бременем в повседневной жизни»¹⁶. В контексте современных процессов контрсекуляризации все больший удельный вес приобретает и обратная крайность – активно возрождается религиозный фундаментализм, изучение религии динамично развивается вне рамок школ и университетов. Современные процессы в этой области едва поддаются внешнему контролю, утрачивают связь с историческим прошлым. Чтобы противостоять деструктивным социальным процессам, от школы требуется определенный риск и решимость. В плане феноменологического подхода, транспредметности современного образования, это предполагает интроспективный взгляд, выступание из пространства светскости «на территорию чужой юрисдикции», в ту область, где совершается реальная, подчас непонятная, жизнь конфессий.

Рудольф Отто, один из основателей феноменологии религии, пишет о своем понимании подходов к ее изучению: «В религии есть очень многое, чему можно научиться, т. е. передаваемое посредством понятий, и даже на школьных уроках. Не передается подобным образом только эта подпочва, эта подоснова религии. Меньше всего этого можно достичь с помощью одних только слов, но можно так, как обычно передаются чувства и душевные состояния – посредством сочувствия и вчувствования в то, что происходит в душе другого человека»¹⁷.

Похожей точки зрения в целом на религиозное образование придерживаются и многие современные авторы. Маккуорри в своей работе «Принципы христианской теологии» определяет теологию как «исследование (study), которое благодаря соучастию (participation) в религиозной вере и размышлению над ней стремится выразить содержание этой веры в наиболее ясной и последовательной и доступной языковой форме»¹⁸. Проводя параллели между школьным религиозным образованием и теологией, необходимо принимать во внимание и их органичное единство, и отличия. Это соотношение можно охарактеризовать с определенными оговорками как взаимосвязь определенной научной отрасли и учеб-

ного предмета в области светской. Необходимость такого соотношения постфактум подчеркивал английский исследователь Джон Халл. Он, в частности, писал:

...академическая независимость педагогов привела к значительному охлаждению интереса к школьному образованию со стороны богословов, что не замедлило негативно сказаться на качестве образования¹⁹.

В результате взаимного дистанцирования и разделения школы и конфессий, теологии и светской науки «в большинстве европейских стран под религиозным образованием стали понимать такое изучение религии в школе, которое носит более или менее критически отстраненный характер, не сопряжено с религиозной самоидентификацией учащихся и противостоит в этом отношении тому, что традиционно определялось как христианское воспитание, катехизация и т. п.»²⁰. Таким образом, возникает некий замкнутый круг, в котором, несмотря на все усилия теологов, педагогов, ученых, религиозное образование, лишенное своих корней, т. е. связи с живой традицией, утрачивает свое значение. Как следствие, непонятным и двусмысленным становится присутствие религиозного образования (как некой предметной области, лишенной предмета изучения и минимального практического значения) среди других светских дисциплин. Если добавить к этому еще один фактор – отсутствие у большинства учащихся и их родителей знания традиции и опыта религиозной жизни, то задача возрождения и развития религиозного образования представляется едва ли не утопической. Наверное, умаление значимости религии, как в обществе, так и в образовании, можно было бы признать закономерным и оправданным, отказаться от попыток изменить ситуацию, если бы специфика образовательного пространства по своей сути не предполагала обсуждение метафизических вопросов между религиозной и нерелигиозной частью общества. Сегодня это одна из немногих социальных сфер, где еще возможен компетентный, научный диалог по данной проблематике.

С другой стороны, европейский педагогический опыт представляет немало ценного в плане использования феноменологического подхода в религиозном образовании. Данная трактовка «религии как дара» и религиозного образования как развивающего, формирующего личность учащегося вполне совместима и не противоречит соработничеству конфессий и научного сообщества. В условиях светского государства это сотрудничество подразумевает в первую очередь вза-

имное признание и пересечение сфер компетентности и полномочий: методическое, организационное и административное обеспечение образовательного процесса – по преимуществу, сфера компетенции государства, научного и педагогического сообщества, аутентичность и качество содержания религиозного образования – область ответственности конфессий, напрямую соотносящаяся с теологией. Хотелось бы подчеркнуть, что взаимное пересечение границ, транспредметность здесь неизбежна и необходима.

В качестве вывода по данной части статьи хотелось бы более четко сформулировать мысль о том, что никакие формы и методы религиозного образования, включая сюда конфессиональный и неконфессиональный подходы, в принципе не могут существовать без активного взаимодействия в образовательном поле представителей педагогической науки, теологии, конфессий. Это, пожалуй, тот самый вариант, который еще недостаточно апробирован в отечественной практике. *Условие* его успешной реализации – диалог и поиск форм для эффективного сотрудничества. Существует много позиций, но, по всей видимости, адекватным ответом на поставленный вопрос будет формирование совместными усилиями особого дискурса религиозного образования в формате постсекулярности. Непосредственное участие в этом процессе религиозных конфессий могло бы придать ему, по крайней мере, легитимность.

* * *

Было бы преждевременно из предварительного анализа понятий «светскость» и «религия» выводить унифицированные модели «религиозного образования», или траекторию его трансформации. Вопрос о том, что в данном случае имеет определяющее значение – светская школа с системой требований или специфика содержания религиозной традиции – по сути, не имеет однозначного ответа и даже не дает повода к его поиску. Чем обусловлено такое противопоставление, нет ли здесь надуманного противоречия или искусственного упрощения ситуации? Что может быть естественней: представители конфессий имеют возможность участвовать в образовательном процессе и обеспечивают аутентичность содержания и подходов к его интерпретации, а школа контролирует процесс, имея все необходимые полномочия, чтобы не допустить клерикализации светского пространства? Казалось бы, все просто. Но, вероятно, суть проблемы значительно глубже. С одной стороны, не секуляризованная, т. е. живая религиозная традиция, не вписывается вообще в предложенные для нее секулярные рамки современного светского общества. С другой – смягчение требований к рели-

гиозному образованию неизбежно повлечет за собой качественную трансформацию уже сложившегося понимания светскости.

Современная ситуация стремительно меняется. Направления происходящих трансформаций часто имеют противоположные векторы. Сложно прогнозировать, даже в краткосрочной перспективе, какая из существующих тенденций окажется преобладающей в ближайшем будущем. Какая из мировоззренческих традиций – более плодотворной в долгосрочной перспективе.

Вполне возможно, что дальнейшая гуманизация религиозного образования на фоне углубления секуляризации будет проходить параллельно с активным развитием конфессиональных форм религиозного образования на фоне возрождения фундаментализма и рекрутирования религиозных организаций в сферу нравственного и патриотического воспитания. В этой связи пророчески звучат слова Ч. Тейлора:

Понимать наше время в христианских категориях означает, среди прочего, распознавать эти новые пути, выявляемые первооткрывателями, которые пробираются сквозь все запутанные лабиринты современного мира, где мы живем, все его дебри и бездорожные пустоши, к Богу²¹.

Уже нельзя не признать факт вхождения в образовательный процесс религиозных организаций и историческую обусловленность этого процесса. Появление нового субъекта образовательных отношений – проблема и не только организационная. Один из вариантов ее решения, довольно простой и понятный – изучать религию так, как этого требует современная школа, применительно к уровню восприятия заказчиков, рассматривать сам феномен религиозного образования, не усложняя ситуацию и не замечая присутствия других участников процесса. Иной подход – безусловно, более сложный, основанный на приоритете аутентичности содержания и методов интерпретации религиозных феноменов, – выработка новых форм взаимоотношений с учетом социальных изменений, тенденций в современном светском образовании и обществе в целом.

Примечания

¹ *Taylor Ch. A Secular age. L., 2007. P. 61.*

² *Ibid. P. 638.*

³ *Abel O. Laicite, secularite, urbanite // Charles Taylor. Religion et secularization. P., 2014. P. 59.*

- ⁴ Cit. ex.: *Taylor Ch.* Op. cit. P. 552.
- ⁵ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 535.
- ⁶ Ibid. P. 712.
- ⁷ Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирующим. М., 2015. С. 264.
- ⁸ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 15
- ⁹ Шлейермахер Ф. Указ. соч. С. 238.
- ¹⁰ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 20.
- ¹¹ Коначева С.А. Бытие. Священное. Бог. Хайдеггер и философская теология XX века. М., 2009. С. 205.
- ¹² Шлейермахер Ф. Указ. соч. С. 167.
- ¹³ Козырев А.Ф. Религиозное образование в светской школе. СПб., 2005. С. 13.
- ¹⁴ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 59.
- ¹⁵ Козырев А.Ф. Указ. соч. С. 52.
- ¹⁶ *Abel O.* Op. cit. P. 62.
- ¹⁷ Отто Р. Священное. СПб., 2008. С. 44.
- ¹⁸ Цит. по: Коначева С.А. Указ. соч. С. 196.
- ¹⁹ Цит. по: Козырев А.Ф. Указ. соч. С. 434, 526.
- ²⁰ Козырев А.Ф. Указ. соч. С. 15.
- ²¹ *Taylor Ch.* Op. cit. P. 755.

Социология: теоретические и эмпирические исследования

И.О. Шевченко

Сводные семьи: отношения и проблемы

В статье рассматриваются отношения отцов, матерей и детей в сводной семье, социально-психологические условия появления такой семьи, влияние других взрослых родственников и проблемы, в ней возникающие.

Ключевые слова: сводная семья, отношения в семье, мать, отец, отчим, мачеха, пасынок, падчерица, повторный брак

Сводная семья – что это такое? Сводной называют семью, основанную на повторном браке мужчины и женщины (или такой брак является повторным для одного из них), где есть дети (ребенок) от предыдущего брака.

Количество сводных семей определить сложно, поскольку современная российская статистика не предполагает отдельного учета повторных браков. Таким образом, примерную цифру можно получить экспертным образом. Количество разводов в России в целом по стране составляет 70% от заключаемых браков, в 60% семей разводящихся супругов есть дети. Количество повторных браков составляет примерно 30% от общего числа регистрируемых браков¹. По данным социологического исследования Т.А. Гурко, примерно 10–14% детей живут в сводных семьях². По данным нашего исследования, получается примерно та же цифра. Когда говорят о сводных семьях, имеются в виду, прежде всего, семьи с отчимом. Связано это с тем, что ребенок после развода в России чаще всего остается с матерью³. Некоторое количество сводных семей образуется в результате вдовства, но количественных данных относительно таких семей нет.

Отношения отцов, матерей и детей в сводной семье, социально-психологические условия появления такой семьи, влияние

других взрослых родственников и проблемы, в ней возникающие, рассматриваются в данной статье⁴.

Социально-психологические условия появления сводных семей. Важнейшим условием создания сводной семьи является принятие ребенка жены мужчиной. Принятие это должно быть настоящим, а не декларированным. Для женщины чрезвычайно важно, как складывается взаимодействие ребенка и нового мужа. Большинство респонденток прямо говорили, что отношение мужчины к ее ребенку (детям) определило их совместное будущее или его отсутствие:

Мое мнение, нужно сразу смотреть, как вот этот мужчина относится к детям... и если это меня бы устроило, допустим, вот мне нравились эти отношения, что он тянулся к ним, что они бы к нему тянулись, может быть, я бы и продолжала с ним жить или может даже оформили отношения и действительно у нас была бы полноценная семья, но если я этого не вижу сразу... – то есть, я оцениваю сразу по отношению к детям – значит, отношения дальнейшие строить нет смысла⁵.

Это подтверждают и мужчины: «Для жены было важно, чтобы я нашел общий язык с ее ребенком. Она так мне и сказала: “Найдешь общий язык с Дашей – значит, у нас есть будущее”»⁶.

Второе условие – позитивная позиция женщины. От поведения женщины, от ее отношения к мужчине в значительной степени зависит благоприятный фон в семье. «Я вообще считаю, что в семье мир и покой – это заслуга женщины, да...»⁷. Если мать доверяет мужчине, соответственно позволяет ему вмешиваться в воспитание ребенка, то отношения между отчимом и ее ребенком складываются более близкие. В обратном случае мужчина «отстраняется» от воспитания.

Должны ли отношения быть «симметричными», т. е. что лучше – когда оба супруга имеют за плечами схожий опыт отношений или когда один из супругов вступает в первый брак? Мнение психологов однозначное: когда супруги прошли уже примерно одни и те же этапы отношений и у каждого есть дети от предыдущих браков (или у обоих их нет) – этот вариант предпочтительнее. Но наши респонденты имели разный опыт семейной жизни. И считают, что главным, определяющим в отношениях является желание совместной жизни, стремление наладить взаимодействие и понимание, терпение, умение ждать.

Отчимы и приемные дети. Возраст детей на момент знакомства с отчимом является существенным условием формирования отношений. Чем старше ребенок, тем сложнее их взаимодействие. Но

если отчим не любит детей (ребенка) или не хочет идти на контакт с ребенком, не желая обременять себя лишними заботами, отношения не складываются и с малышом: такое поведение порождает отторжение со стороны детей, поскольку дети все прекрасно чувствуют, хотя и не всегда могут выразить это словами. Если же они изначально не чувствуют отчужденности нового мужчины матери, они сами готовы идти на сближение. В свою очередь, это стимулирует и отчимов: несколько респондентов именно после первого шага детей пошли с ними на контакт:

Да, в принципе, никаких сложностей не было [в отношениях с ребенком], даже, наверное, это больше его заслуга, чем моя. Потому что он все время бегаёт за мной, я понял это. Ну у него, естественно, нарастающая любовь ко мне шла более прогрессивно, чем у меня к нему, но, соответственно, это так и должно быть, потому что у ребенка генетически заложена любовь к маме, так как мама любит папу, соответственно, любовь и к нему передается... Но чем больше тебя любят, тем ты соответственно больше любишь⁸.

Маленькие дети часто воспринимают «заменителя отца» как родного человека, с ними легче наладить контакт, они быстро забывают, что имеют дело с «чужим дядей». Дети старшего возраста, даже подростки, отличающиеся «ершистостью», при условии правильного поведения взрослого принимают ситуацию как должную, признавая право матери на личную жизнь, но скорее будут воспринимать отчима как старшего, возможно авторитетного взрослого, но – не отца.

Влияет ли наличие собственных детей у мужчины на его поведение по отношению к ребенку жены в новой семье? Как минимум, это означает присутствие некоторого опыта общения и взаимодействия с детьми вообще. Тем не менее однозначной зависимости выявить не удалось. Можно попытаться сгруппировать респондентов: 1-я группа – те, у кого есть собственный ребенок, воспринимающие ребенка жены как «чужого»; даже при желании мужчины наладить отношения пасынок (падчерица) остаются для него таковыми. Видимо, это те мужчины, про кого психологи говорят, что они способны по-настоящему любить только того, кто им полностью принадлежит, своеобразные «собственники». 2-я группа мужчин – способны принять и любить и своего, родного по крови ребенка, и ребенка жены. Иногда такие отцы, если их лишили возможности часто (или вообще) видеть своего ребенка, воспринимают пасынка (падчерицу) как «замену» родного. Кстати, представители первой группы

на такую «замену» неспособны. 3-я группа, увы, лишена отцовских чувств начисто. Насколько много мужчин принадлежат к той или иной группе, качественными методами выявить невозможно.

Особенности отношений, связанные с гендерной принадлежностью ребенка, практически не проявились. Большинство респондентов-мужчин (преимущественно активно участвующих в воспитании) указывали на то, что есть некоторые тонкости (примерно тоже самое говорят любые отцы), но более важными оказывались психологические особенности ребенка: контактен / замкнут, общителен / закрыт и т. п. Но в исследованиях других авторов указывалось, что девочки более чувствительны в восприятии отчимов.

Многие респонденты говорили, что присутствие ребенка сблизило взрослых, поскольку «жизнь семьи крутилась вокруг него». Любопытен вывод одного из мужчин, что при наличии ребенка отношения становятся полноценными и более разнообразными:

Сейчас (через 7 лет) скажу, что [без ребенка] было бы хуже. Не знаю, дошли бы наши с Наташей отношения до какой-либо точки вообще. Мне удобно, что он есть, не надо ежесекундно общаться с ней, ну и вообще когда три человека – бывают паузы (двое вместе, третий переключается на «отдых», на себя). Я в гостях – они вместе... 3 пары отношений – полнее и легче, а все время вместе вдвоем – утомляет⁹.

Только если изначально не сложились отношения между взрослыми, респонденты предполагают, что ребенок тому причиной. Проблема ревности ребенка, конечно, возникает, но она снимается в повседневном общении. Таким образом, для большинства взрослых (и женщин, и мужчин) ребенок – это проверка чувств и прочности отношений взрослых, а также то, что укрепляет взаимоотношения между мужчиной и женщиной:

Вы знаете, как всегда, все встречи и все знакомства, нас, наверное, сдерживал ребенок больше. Мы бы, может, и не построили в свое время семью, если бы не было Егора. Он нас связал. Заставил где-то уступать, где-то смягчать что-то. То есть, Егор как-то создал семью¹⁰.

Обычно в таком духе высказываются отчиму, у которых сложились хорошие отношения с детьми жены (пускай, возможно, и не сразу), а также их жены. Чаще всего они также говорят, что их взаимодействие с пасынком или падчерицей сродни взаимодействию отцов и детей, родных по крови. А вот если что-то не сложилось и контакты с ребенком скорее дружеские, чем «отцовские»,

или семья вообще распалась, то ребенок превращается в «объект, усложняющий жизнь»¹¹.

По итогам исследования мы можем утверждать, что в повторных семьях наличие отчима не обязательно негативно сказывается на ребенке. Порой в первобрачных семьях ребенок испытывает большой стресс от общения с постоянно конфликтующими родителями или пьющим и агрессивным отцом. Супруги не разводятся якобы в интересах ребенка, не понимая, что тем самым разрушают психику ребенку, трансформируя его представления о благополучной семье, что впоследствии экстраполируется на другие поколения. Таким образом, получается, что лучше хороший отчим, чем плохой отец. При определенных обстоятельствах отчим вполне способен заменить ребенку родного отца «Отец – это тот, кто воспитывает, а не биологический»¹². Этот вывод подтверждается мнением самих детей:

Мы стараемся всегда поддерживать друг друга... Ко мне папа относится также, как и к остальным членам нашей семьи... Во многом мой взгляд на жизнь воспитал во мне папа... Я писал о своем отчине, хотя с двух лет зову его папой. Да, по бумагам он мне не отец, но бумаги для нас ничего не значат, куда важнее наша дружба и любовь: он любит меня как родного сына, а я его – как самого родного отца¹³.

Отметим также, что отчимы, которых младшее поколение воспринимает как отцов (пускай и не называя папой), не отстраняются от детей жены, а участвуют в их воспитании совместно с ней. Видимо, это очень значимый фактор, влияющий на степень близости ребенка и взрослого. Кстати, следует подчеркнуть, что большинство респондентов-женщин указывали, что растить ребенка с мужем легче в материальном плане: то есть отчимы не жалели денег на неродных детей. Но этого, оказывается, недостаточно: для развития позитивного фона в семье необходимо взаимодействие всех взрослых и детей. Совместные занятия также укрепляют отношения.

Немаловажно, что формальное (юридическое) усыновление-удочерение не связано с возникновением отцовско-сыновних (отцовско-дочерних) связей: в большинстве семей официальное оформление усыновления отсутствовало. Зачастую не заключался и официальный брак. Многие пары задумывались о государственной регистрации только перед рождением общего ребенка, а до этого события порой проходило немало лет. Так вот, наличие или отсутствие зарегистрированного брака также само по себе практиче-

ски никак не влияло на взаимодействие отцов и детей. Возможно, это связано с тем, что женщины, имея сына или дочку, изначально «примеривали» возможные контакты с учетом интересов детей.

Отношения детей с отчимами могут не складываться по разным причинам. Первое – это не генетическая связь, и то, что прощается родному отцу, не прощается отчиму. Но при длительном совместном проживании и сложившихся теплых отношениях данная проблема становится несущественной, люди как бы «забывают», что не являются родными по крови.

Отношения детей в сводных семьях. Выявилась интересная закономерность: если в семье сложились хорошие отношения, в ней обычно появляется еще и общий ребенок, даже если старшие дети (как мужа, так и жены) уже взрослые.

Отдельным вопросом является, как складываются отношения пасынков (падчериц) и общих детей супругов в повторной семье. Прослеживается следующее: сложились теплые или хотя бы дружеско-нейтральные отношения с отчимом – и братья-сестры ощущают себя родными. Остался отчим чужим человеком для приемного сына или дочери – и братско-сестринских отношений тоже практически нет.

Сводные семьи и другие взрослые. Наличие собственного отца, как выясняется, играет роль только в случае активного участия родного отца в жизни ребенка. В этом случае отчиму, при самом благоприятном раскладе, уготована роль старшего авторитетного друга. Опять же и это зависит от реакции отчима на выпады ребенка, который неизбежно пытается сравнить двух мужчин:

Поначалу он говорил: «Мой папа самый лучший (лучше всех играет в ..., у него самая лучшая...)». Я ничего не имел против. Это у него через год-другой прошло. Сейчас у нас отношения близкие, теплые, как родные¹⁴.

Но женщины обычно – и их большинство – склонны вытеснять родных отцов из жизни их детей, потому что они «мешают» им строить новую семью. Справедливости ради скажем, что и отцы далеко не всегда рвутся общаться с детьми после развода¹⁵. В любом случае, конечно, наличие еще одного участника отношений, пускай и косвенно, накладывает отпечаток и на взаимодействие отчима и ребенка. Как вариант – мужчина отстраняется от воспитания, поскольку есть родной отец, «вот он пусть и воспитывает». Чаще всего это лишь внешний повод, оправдывающий нежелание заниматься ребенком.

Безусловно, оказывают влияние на ситуацию и на отношения в сводной семье позиция родного отца ребенка и родственников бывшего мужа и влияние родственников матери. Однозначно ребенка, особенно маленького, можно соответствующе настроить – как в «плюс», так и в «минус».

Проблемы сводных семей. Существованию сводных семей мешает отсутствие социальных норм (в том числе устоявшихся обыденных), регулирующих повторные браки. Каждая семья устанавливает нормы сама, а представления мужа и жены о «правильных» отношениях часто отличаются. В повторном браке, где есть дети от первого, пара вынуждена преодолевать бытующий в обществе стереотип, что по-настоящему можно любить только родного ребенка. Как указано выше, это не всегда так, а вот опровергать соответствующий обывательский предрассудок зачастую приходится. Существенное значение имеет позитивная позиция других родственников. Другие семейные проблемы не являются специфическими: взаимодействие и понимание мужа и жены в семейной жизни, в процессе воспитания детей, отношения детей, в том числе ревность к родителям и друг другу – это все мы видим и в первобрачных семьях.

Примечания

- ¹ Демографическая ситуация в России на 1 декабря 2010 г. // Демография.ру. [Электронный ресурс] URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=1855 (дата обращения: 06.09.2016); Браки и разводы // Демография.ру. [Электронный ресурс] URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=164 (дата обращения: 06.09.2016); Статистика браков и разводов в России за 2000–2009 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.svadba-online.ru/zags/statistika_brakov_i_razvodov_v_rossii_po_2009_god_news.html (дата обращения: 06.09.2016).
- ² Гурко Т.А. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 78–85.
- ³ Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70–77.
- ⁴ В статье использованы результаты следующих исследований, проведенных под рук. Шевченко И.О.: «Авторитет отца в семье», 2010–2011 гг., глубинное интервью, 20 респондентов, 10 мужчин и 10 женщин (семейные пары) разного возраста; «Отчим в семейных отношениях», 2010–2012 гг. (две волны), методом глубинного интервью опрашивались отчимы и их жены, в том числе бывшие

- (т. е. ныне разведенные) супруги, 20 семей; «Отец в моей жизни», 2009–2016 гг., опрос в форме эссе, 693 респондента.
- ⁵ Интервью 3, с. 4. Женщина, врач-педиатр, 50 лет, образование высшее. Двое взрослых детей, второй гражданский брак распался.
 - ⁶ Интервью 12, с. 9. Мужчина, 60 лет, пенсионер, образование среднее специальное. Двое взрослых родных детей и падчерица.
 - ⁷ Интервью 6, с. 1. Мужчина, 44 года, бизнесмен, хозяин ресторана. Сын жены и свой сын от первого брака, общих детей пока нет.
 - ⁸ То же.
 - ⁹ Интервью 14, с. 2–3. Мужчина, 43 года, предприниматель, образование высшее. Сын жены, своих детей нет.
 - ¹⁰ Интервью 10, с. 2. Женщина, 40 лет, медсестра, образование среднее специальное. Сын жены, общих детей нет.
 - ¹¹ Интервью 2, с. 2. Мужчина, 35 лет, рабочий, образование среднее. Сын жены, общая дочь.
 - ¹² Интервью 5, с. 3. Мужчина, 43 года, таксист, образование среднее специальное. Двое детей жены, один общий ребенок.
 - ¹³ Эссе, с. 2. Юноша, 19 лет. В семье еще двое младших братьев, общих детей его матери и отчима.
 - ¹⁴ Интервью 14, с. 1. Мужчина, 43 года, предприниматель, образование высшее. Сын жены, своих детей нет.
 - ¹⁵ См. исследования: *Валетас М.-Ф., Прокофьева Л.* Отцы и дети после развода. [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/009/tema01.php> (дата обращения: 06.09.2016); *Гурко Т.А.* Участие отдельно проживающих отцов в жизни детей после развода // Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 211–237.

Доверие как категория социологического анализа

В статье рассматриваются различные теоретические подходы к изучению феномена доверия в контексте истории социологической мысли. Автор показывает, что существование множества трактовок затрудняет операционализацию понятия «доверие», что негативно влияет на его дальнейшие теоретические и методологические разработки.

Ключевые слова: доверие, теоретическая концепция доверия, социальный капитал.

Исследования доверия в контексте истории социологической науки характеризуются большим числом различных как теоретических, так и методологических противоречий. Это связано, в первую очередь, с тем, что само понятие «доверие» не имеет однозначной дефиниции, и все исследователи, занимающиеся данной проблематикой, сталкиваются с проблемой операционализации изучаемого явления, что, в свою очередь, порождает множество определений и приводит к недостаточной структурированности исследований специфики реального функционирования данного феномена. При этом признается несомненная важность отношений доверия в жизни как отдельного индивида, так и общества в целом. В связи с этим представляется необходимым обзор существующих научных подходов к определению понятия доверия и попытка формирования единого представления о данном феномене.

Обращаясь к философскому пониманию доверия, стоит отметить сильную взаимосвязь понятий «доверие» и «вера», которые в трудах ученых-философов достаточно редко разделяются. В социологическом контексте такое понимание доверия представляется

важным, поскольку в трудах философов отмечается иррациональное начало в поведении людей; мнения и убеждения индивида зачастую не содержат объективных предпосылок¹. Доверие, по своей сути, является актом веры, т. е. отношения доверия, в первую очередь, характеризуются отсутствием уверенности. Однако у доверия и веры есть и различия. Так, веру, в отличие от доверия, не удастся измерить эмпирически, хотя, конечно, используемые методики измерения доверия тоже вызывают достаточно много споров. Кроме этого, существует мнение, что доверие возникает только как ответ на неопределенность и риск в общественной жизни, вера же всегда существует как чувство уверенности и определенности.

Обратимся к историческим предпосылкам изучения доверия в социологии. Проблематика доверия у социологов разных направлений актуализировалась с середины XX в., что нашло отражение в их теоретических размышлениях на данную тему и многочисленных эмпирических исследованиях. Так, П. Штомпка, говоря об истоках изучения данного феномена, в первую очередь рассуждает о двух основных парадигмах, сложившихся в разные периоды существования социологической науки. Во время своего зарождения социология была сосредоточена на идее «общественного организма», изучении общества в целом, его структур и способов их функционирования (О. Конт, К. Маркс, Г. Спенсер). В современной науке такой подход соответствует формированию макротеории и теорий среднего уровня. Согласно другому подходу, внимание ученых акцентировалось на изучении особенностей действий, ценностных ориентаций, поведенческих установок людей в рамках их общественных взаимодействий (В. Парето, М. Вебер, Дж. Мид).

Таким образом, в истории социологии произошел переход от системного видения общества в плане строгой детерминированности всех происходящих процессов к более «мягким» интерпретациям. Конечно, изменения во взглядах на общество не могли остаться незамеченными для эмпирической составляющей социологии. Все большую популярность приобретают методы качественного анализа (на фоне доминирующих долгое время количественных). На смену объяснению всех происходящих процессов с помощью достаточно четких и ясных причинно-следственных связей приходят многомерные и субъективированные интерпретации общественных процессов. Такой переход сказался и на изучении вопросов доверия.

Кроме обозначенного перехода социологии к изучению индивида с его культурными и ценностными установками, следует отметить возникновение социологии повседневной жизни, начало кото-

рой положили Г. Зиммель, И. Гофман, Г. Гарфинкель и А. Шюц. В центре внимания «третьей социологии» находятся события, составляющие основу человеческого существования, т. е. конкретные практики, реализуемые в конкретных жизненных ситуациях. По мнению Дж. Тернера, единственной действительностью, которую должны изучать социологи, является только то, что «можно заметить, наблюдая за людьми»², остальное же составляют теоретические обобщения и «навязанные аналитические категории». Говоря о повседневной жизни, следует отметить некоторые особенности, которые отличают ее от других уровней общественной жизни: повседневная жизнь проявляется в различных межперсональных связях; характеризуется рутинностью, ритмичностью и ритуальностью действия; имеет исключительно конкретный, уникальный контекст.

В связи с этим социология повседневной жизни имеет специфические задачи: объяснение смыслов, различные интерпретации того, что происходит в жизни каждого конкретного человека; рассмотрение принципов жизненных стратегий (которые прослеживаются в поступках, ежедневной активности, практических навыках и т. д.); обобщение схем жизни, выражающихся в повседневных практиках.

В данном контексте феномен доверия начинает рассматриваться неотрывно от культурных особенностей общественной жизни. Стоит отметить, что здесь доверие понимается как «ожидание добросовестного поведения других лиц по отношению к нам»³. Почти все человеческие действия ориентированы на будущее. Однако будущее непознаваемо, и люди никогда на 100% в нем не уверены. При этом все члены общества зависят от конкретных (но неопределенных) обстоятельств, что приводит к тому, что именно доверие становится тем основным средством, которое позволяет жить в условиях неопределенности.

Исходя из этого, доверие предполагает два основных компонента:

- особые ожидания в отношении того, как поведет себя другой в некоей будущей ситуации;
- убежденность, уверенность в действии (ставка).

Таким образом, можно утверждать, что истинной областью доверия являются общественные явления, спецификой которых является их непредсказуемость и невозможность установления полного контроля. Говоря о взаимодействии с другими людьми, можно утверждать, что их будущие действия нам неизвестны, так как мы не в состоянии узнать непосредственно мотивы действий других. Помимо этого, у людей есть право на свободу действий, и они всег-

да могут поступать совершенно не так, как ожидается. Даже обоснованные прогнозы могут провалиться, так как люди обладают «неопределенной властью». Исходя из этого, можно заключить, что люди живут в условиях неопределенности и невозможности полностью предсказать будущие действия других людей. Таким образом, приведем наиболее общее определение: «*Доверие является залогом, принимаемым на будущие неуверенные действия других людей*»⁴. Однако необходимо отличать «доверие» от таких понятий, как «надежда» и «уверенность», характеризующихся пассивной установкой или просто размышлением о будущем. Тогда как доверие проявляется в активных действиях, устремленности к будущему через принятие решений, т. е. доверие представляет собой уверенность, за которой следуют какие-либо действия. Достаточно часто случаются ситуации, когда залог на доверие не оправдывается, и наоборот, небольшой кредит доверия оборачивается превышением возложенных на него обязательств. Здесь следует отметить одну из присущих доверию особенностей: отношения доверия обладают асимметрией, т. е. гораздо проще потерять доверие, чем вернуть потерянное.

Дефиниции и измерения доверия приобретают все большую значимость в контексте разработки теории социального капитала, где доверию как показателю уровня развития и функционирования общества зачастую отводится ключевая роль.

Доверие и социальный капитал анализируются как связанные между собой, взаимодополняющие категории. Социальный капитал, с одной стороны, – это результат существующего уровня доверия в обществе, с другой стороны, достигнутый уровень доверия есть выражение накопления социального капитала. Так, например, Дж. Коулмэн считает, что наличие доверия способствует накоплению социального капитала. При этом Р. Патнэм, наоборот, уверен, что именно аккумуляция социального капитала является условием увеличения уровня доверия в обществе. По мнению П. Бурдье, «социальный капитал – это сумма резервов, которыми располагает личность или группа, благодаря владению более или менее институциональной реляцией взаимного познания и ориентирования»⁵. Однако не любая сеть является социальным капиталом. Так что же отличает социальный капитал от остальных кумулятивных свойств личности или группы? По мнению П. Штомпки, общественный капитал возникает только в том случае, когда связи в сети формируются добровольно, «снизу». Сеть, в которой связи являются не естественным, а навязанным образованием, может представлять собой социальный капитал только в том случае, если интеракции

между людьми или группами людей происходят на добровольной основе, минуя формально закрепленные отношения.

Итак, актуализированные Дж. Коулменом теоретические проблемы социального капитала привели к эмпирическим поискам реального феномена. Р. Патнем не только эмпирическим путем обосновал наличие данного феномена, но и искал его составляющие⁶. С этой целью ученый провел сравнительные исследования в 14 штатах США, ввел многомерный индекс социального капитала. В результате своих исследований Р. Патнем обнаружил сильную корреляцию между высоким уровнем доверия (т. е. высокими баллами при ответе на вопрос «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожнее?») и остальными составляющими индекса, что, по мнению исследователя, позволяет утверждать, что именно доверие является ядром социального капитала.

П. Штомпка, анализируя взаимосвязь между доверием и социальным капиталом, приходит к выводу, что наличие социального капитала ведет к его же увеличению и накоплению. Та же самая ситуация происходит в отношении доверия: индивид или группа людей, которые пользуются доверием, с высокой долей вероятности будут пользоваться еще большим доверием. Здесь следует упомянуть асимметричность в отношении наличия/отсутствия как социального капитала, так и доверия: поддерживать высокий уровень доверия/социального капитала оказывается гораздо проще, чем выйти из ситуации недоверия/отсутствия (или недостатка) социального капитала: «капитал доверия очень хрупок, а багаж недоверия очень трудно снять с плеч»⁷.

В настоящее время наиболее популярным среди исследователей становится мнение о формировании социального капитала через функционирование механизмов социальных сетей, общих норм, ценностей и убеждений, взаимного доверия людей⁸. Дж. Коулмен считает, что доверие и есть социальный капитал, и именно доверие является основой для построения общественных отношений. Развивается идея трансформации различных форм капитала, например, социальный капитал (в том числе социальные связи, доверие) может обеспечить получение финансового капитала.

Итак, доверие и социальный капитал исследуются как тесно связанные, взаимозависимые категории. Механизм появления и преумножения доверия изучается как процесс укрепления социального капитала. Несомненно, эти два феномена не могут существовать вне общества, вне его истории и культуры. Социальный капитал (как и доверие) функционируют в рамках существующей в обществе системы норм и ценностей, культурных особенностей.

Подводя итог, отметим, что феномен доверия начал изучаться достаточно давно, однако, несмотря на это, знания, накопленные об этом явлении, носят не систематизированный, а скорее разрозненный характер. Это связано с трудностью определения границ доверия, специфичностью подходов к его изучению представителей различных научных направлений. Однако в последние годы начали появляться разработки по систематизации теоретико-методологических представлений о доверии.

Проведенный обзор показывает, что доверие рассматривается в качестве одного из условий обеспечения стабильности, эффективного функционирования и развития общества. Доверие понимается в целом как *ожидание надежности* и, в частности, *предсказуемости* действий других индивидов. Потребность в доверии возникает в силу отсутствия у людей уверенности в полном контроле над будущими событиями, зависящими от действий других индивидов.

Доверие может рассматриваться не только на индивидуальном уровне, но и как феномен макроуровня, когда речь идет об изучении уровня и культуры доверия общества. «Чем крепче взаимные доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, тем устойчивее и эффективнее общество»⁹. Тем самым именно доверие обеспечивает надежность и прочность отношений в социуме.

Примечания

- ¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 222.
- ² Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 103–156.
- ³ Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс. 2002.
- ⁴ Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. С. 80.
- ⁵ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 14.
- ⁶ Putnam R. D. Bowling Alone: The collapse and revival of American community. N.Y.: Simon and Shuster, 2000.
- ⁷ Штомпка П. Указ. соч.
- ⁸ Красилова А.Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. 2007. № 4. С. 158–165.
- ⁹ Белова Д.А. Доверие как социальный фактор развития банковской системы в России // Социально-экономические проблемы инновационного развития российской экономики: Материалы Междунар. науч. студ. конгресса, 19–28 апреля 2010 г. / Под ред. О.В. Карамовой. Часть V. М.: Финансовый ун-т, 2010. С. 114–117.

Методологические и методические перспективы развития метода неоконченных предложений

В данной статье анализируются современное состояние и проблемы разработки и применения метода неоконченных предложений в рамках социологических исследований; обозначаются перспективные направления дальнейшего развития метода и возможности творческого его использования для сбора эмпирических данных.

Ключевые слова: метод неоконченных предложений, методологическая рефлексия, возможности и ограничения метода неоконченных предложений.

Качество информации, получаемой в результате социологического исследования, зависит от качества его инструментария, поэтому одной из основных задач социолога является разработка инструментария, адекватного целям проводимого исследования. Помимо грамотного применения уже имеющихся методов и методик сбора данных, перед социологическим сообществом стоит задача развития и совершенствования способов сбора и анализа данных с целью постоянного повышения точности социологических измерений. Проблематика методического обеспечения социологических исследований, способствующая расширению проблемного поля эмпирической социологии, в особенности актуальна для методов, позволяющих изучать социальные феномены именно в том контексте, в котором их понимают и воспринимают сами действующие субъекты. Именно к таким методам относится метод неоконченных предложений.

На наш взгляд, метод существенно недооценен и его потенциал в современных социологических исследованиях раскрыт далеко не полностью. Распространено представление о методе неокончен-

ных предложений как о дополнительном инструменте социологических исследований, несмотря на разработанные Г.Г. Татаровой и А.В. Бурловым стратегии его применения в том числе и как самостоятельного метода познания¹. В связи с этим дискуссия о познавательных возможностях и границах применения метода, а также о проблемах, возникающих при конструировании инструментария и анализе данных, видится нам крайне актуальной и заслуживающей дополнительного прояснения, в первую очередь, в работах методического характера, направленных на апробацию и адаптацию метода в различных исследовательских ситуациях.

В рамках данной статьи предполагается сосредоточить внимание на проблемах разработки инструментария и применения метода неоконченных предложений (далее МНП). С этой целью необходимо произвести краткий экскурс в историю развития метода, в первую очередь, с точки зрения экспериментов по апробации различных способов его применения.

Метод неоконченных предложений, он же тест на завершение предложений, относится к классу проективных методов, первоначально разработанных в психологии. Психологические идеи, на которых основан МНП, как и другие проективные методы, появились задолго до непосредственной реализации конкретных методик. Само понятие «проекция» было введено в психологию З. Фрейдом в 1896 г., а термин «проективные» для обобщения целого класса методик впервые употребил Л. Френк в 1939 г.²

Сам метод неоконченных предложений впервые начал формироваться в конце XIX в. и использовался сначала для изучения воображения, творческих способностей и интеллектуальной деятельности людей³. В качестве проективного метода изучения личности он был опробован в начале XX в. А. Пейном и А. Тендлером⁴. Потребность психологов того времени в гибком и экономичном диагностическом инструментарии вызвала рост популярности проективных методов изучения личности.

Обратимся к некоторым конкретным экспериментам по применению МНП. В психологии исследователи применяли неоконченные предложения с крайне широкими «полями поиска ответа», что позволяло достигать максимальной степени свободы респондента при выборе ответа. Предложения могли состоять всего из одного или нескольких слов, например, «Ночью...», «Дома...», «Хотелось бы мне знать...». Подобные предложения позволили психологам затронуть широкий спектр внутренних аспектов жизнедеятельности человека. Однако в рамках социологии подобный подход малоинтересен, так как внимание ученого, как правило, сосредоточено

на сборе конкретных сведений об интересующем его предмете, а значит, в противовес психологическому подходу, ответы респондентов, не относящиеся к теме исследования, не представляют интереса.

Одним из экспериментов по максимальному сужению поля поиска ответов стала методика А. Мейерсона⁵, в рамках которой испытуемым предлагались неоконченные предложения с несколькими вариантами их завершения. Подобный подход значительно сокращает возможности МНП, но, с другой стороны, упрощает процесс анализа данных.

Ряд экспериментов по применению МНП был направлен на поиск способов повышения искренности респондентов и получаемой информации за счет подачи неоконченного предложения от третьего лица или от лица стороннего персонажа: «Когда Френка просят быть за старшего, он...»⁶. Среди других методик повышения искренности респондентов ученые пробовали сообщать респондентам ложную цель, тем самым отвлекая испытуемого от попыток предугадать, что именно пытается узнать у него исследователь⁷.

Еще одной группой экспериментов по применению МНП являются попытки ограничить опрашиваемых по времени заполнения теста⁸, при этом могут применяться различные вариации: от отведения фиксированного времени на заполнение до фиксации времени завершения респондентом каждого конкретного предложения.

Проводились попытки ограничить респондентов по допустимой длине завершения предложения, например, испытуемым предлагалось заканчивать предложение всего одним словом (подход, в чем-то похожий на метод словесных ассоциаций).

Интересной является апробация в работе Л.С. Солнцевой и Т.В. Галкиной⁹ идеи сформулировать предложения так, чтобы респондент не только завершал их, но и оценивал степень согласия с ними (по шкале от -2 до 2). Это позволило при сборе информации получать не только обоснования – завершения предложений, но и присваивать числовые значения каждому ответу в соответствии с высказанной респондентом оценкой (от полного отрицания до полного согласия с позицией, изложенной в исходном стимуле).

Это далеко не полный перечень проведенных исследовательских экспериментов по обозначению границ и возможностей применения метода, однако стоит отметить, что большая часть подобных работ произведена в психологии.

В социологической науке разработка МНП связана с такими исследователями, как О.Б. Ольшанский, С.Г. Климова, Г.Г. Татарова. В отечественной социологии хорошо известны методологи-

ческие разработки стратегий использования метода неоконченных предложений Г.Г. Татаровой и А.В. Бурлова. Эти исследователи выделили три основные исследовательские стратегии применения метода для сбора данных, определили основной понятийный аппарат для анализа данных, полученных с его помощью¹⁰. Ими были выделены стратегии применения МНП как дополнительного и самостоятельного метода исследования, предложен способ построения «пирамиды обобщений» для анализа полученных данных.

Очертив круг возможностей МНП, обратимся к конкретным примерам того, в каком русле могут проходить дальнейшие его разработки в социологической науке. На наш взгляд, подобные изыскания можно условно разделить на два основных направления:

1) процедуры конструирования и применения МНП для сбора и анализа данных (для удобства в рамках этой статьи назовем это направление «процедурным»);

2) методологические обоснования применения и адаптация метода в рамках конкретных социологических теорий (назовем это направление «адаптивным»).

В свою очередь, в рамках первого направления можно выделить две дополнительные подгруппы:

– методические эксперименты, целью которых является уточнение способов использования и конструирования «исходных стимулов» – самих неоконченных предложений для более качественного и релевантного получения информации;

– апробация симбиоза метода неоконченных предложений и других методов сбора данных для получения наиболее целостных и полных результатов (в том числе, использование сторонних методов на разведывательно-подготовительном этапе для более точной формулировки инструментария и составления априорной модели изучаемого явления).

Стоит отметить, что подобное разделение носит преимущественно условный характер и предназначено, в первую очередь, для более структурированного представления перспектив развития метода. В реальных исследованиях методического характера решаемые задачи, скорее всего, будут затрагивать сразу несколько из выделенных нами направлений.

Обратимся к первому направлению, «процедурному», а именно: процедуре конструирования инструментария метода. Для решения этой задачи необходимы методические разработки, нацеленные на систематизацию и расширение знаний о зависимости между конструкцией, формой и содержанием исходного стимула – незавершенного предложения, с одной стороны, и полем поиска ответа – с другой.

Сейчас эта проблема решается на интуитивном уровне: очевидно, что чем «короче» исходное предложение, чем меньше в нем слов-составляющих, тем более широким является поле поиска ответа для испытуемого. И наоборот, чем более конкретно задана ситуация в предложении, чем больше в нем смысловых элементов, описывающих ситуацию – тем меньше простор для «творчества» со стороны респондента. Однако отсутствие методических работ, направленных на прояснение и четкое описание характера взаимосвязи между структурой исходного стимула и обоснования, даваемого респондентом, видится нам существенным пробелом в практике применения МНП.

Если полагаться в решении данной проблемы на интуицию и догадки исследователя, то складывается ситуация, в которой социолог, используя МНП, скорее всего, будет обращаться к относительно немногочисленным «классическим» исследованиям Г.Г. Татаровой, С.Г. Климовой, В.Б. Ольшанского. Соответственно, инструментарию именно этих исследований зачастую служат прообразами инструментариев последующих применений МНП, так как социолог, ранее не работавший с МНП, сталкивается с проблемой практически полного отсутствия рекомендаций и наработанных данных о подходах к формированию стимульного материала.

На наш взгляд, существует потенциал для дополнения знаний о способах применения МНП:

– определение характера взаимозависимости между количеством смысловых элементов в предложении и шириной поля поиска ответа. Например, в предложениях «Я с отцом...» и «Я с отцом хорошо ладим, но...» смысловыми элементами можно считать «я», «с отцом», «хорошо ладим» и «но». Каждая из этих составляющих направляет сознание респондента при выборе ответа в определенное русло. Очевидно, что поле поиска ответа во втором предложении куда меньше, нежели в первом, однако интерес представляет именно научное знание о том, как именно и какие смысловые ограничения влияют на полученные результаты: какое количество смысловых элементов оптимально? До какой степени нужно сузить поле поиска ответа, чтобы избежать тривиальных результатов? Возможно, необходима некоторая классификация смысловых элементов или хотя бы подходов к их использованию;

– изучение взаимосвязи между наличием определенных слов, словосочетаний в предложении и получаемыми результатами. Частой формой, хорошо зарекомендовавшей себя в использовании, является «некоторое утверждение», с добавлением после него «но». Такая конструкция позволяет сузить поле поиска ответа до

конкретных моментов, которые сложно извлечь иными способами. Например, в предложении «чрезмерное употребление алкоголя – это плохо, но...» мы, делая акцент на негативном явлении и социально одобряемой установке в его отношении в начале, затем отрицанием «но» ставим респондента в ситуацию поиска позитивных или приемлемых для респондента аспектов употребления алкоголя. Являясь сенситивной проблемой, находящейся под социальным давлением, подобная тема достаточно сложна для извлечения из сознания респондента. Однако, используя такую форму МНП, мы можем получить следующие обоснования: «...но иногда это единственный способ расслабиться», или «...но по праздникам можно» и т. д. Подобные результаты весьма сложнодостижимы другими методами. Поиск подобных высокоинформативных и эффективных форм, методические рекомендации по их применению могут значительно улучшить практику применения МНП;

– определение эффективности использования первого и третьего лица в предложениях. Считается, что предложения, построенные от третьего лица, снижают градус сенситивности проблемы для респондента, но при этом есть риск получения не мнения респондента, а его представления о социальном стереотипе. Поэтому проблема нуждается в уточнении: в каких ситуациях эффективнее оказывается третье лицо, а в каких первое, какие еще подобные механизмы могут применяться в МНП;

– определение эффективности ограничения ответа конкретными частями речи. МНП предлагает исследователю возможность ограничить ответ респондента рамками определенной части речи, например, чтобы подчеркнуть свойство какого-то изучаемого образа, можно сформулировать предложение так, чтобы ответ логичным образом был в форме прилагательного: «Качество нынешнего школьного образования я бы оценил, как...»; или для определения функций какого-либо образа можно использовать форму ответа в виде глагола – «Государство должно...»; или для выделения структуры образа можно ограничить ответы лишь существительными – «Близкие отношения невозможны без...».

Это далеко не полный список возможных способов манипуляций с полем поиска ответа респондента. Возможности для творческого подхода к применению МНП очень велики. Некоторые из приведенных способов конструирования незаконченных предложений могут показаться слишком очевидными и не нуждающимися в проработке. Однако лишь строгий научный подход и детальный анализ каждого аспекта применения и конструирования мето-

дик с использованием неоконченных предложений в итоге может обусловить дальнейшее развитие метода.

Помимо детальной проработки способов конструирования неоконченных предложений, в рамках «процедурного» направления, представляются крайне перспективными и иные возможности для экспериментов с МНП, в их числе:

– сочетание МНП с другими методами, такими как контент-анализ при подготовке инструментария, апробированное А.Г. Тертышниковой при изучении социальных представлений об интеллигенции¹¹;

– нестандартные способы подачи инструментария МНП, например, требование к респондентам несколько раз закончить одно и то же предложение. Анализ аспектов такого подхода может дать новую информацию для рефлексии на тему вариаций применения метода, например, продемонстрировать иерархию элементарных обоснований испытуемых при завершении предложения и границы ширины поля поиска ответов;

– составление и апробация концептов, позволяющих эффективно изучать структуру группового сознания через МНП, например, концепт жизненных стратегий. Поясним: в рамках апробации применения МНП в различных исследовательских ситуациях можно выделить некоторые концептуальные фрагменты изучаемой социальной реальности, среди этих концептов выделить наиболее эффективные и описать методические решения по их применению для сбора социологических данных. В дальнейшем опыт применения такого концепта может использоваться повторно, как некоторый зарекомендовавший и не нуждающийся в серьезной доработке метод получения информации о конкретном феномене в его динамике и для сравнительного анализа социальных групп по представлениям об изучаемом явлении. Подобные концепты, при некотором систематизированном их применении, будут способствовать как расширению предметного поля МНП, так и общей интеграции социологического знания.

В контексте второго направления, связанного с адаптацией МНП под конкретные социологические теории, подразумевается, в первую очередь, удобство и гибкость метода, которые могут позволить исследователям максимально сократить условное «расстояние» между теорией и эмпирией для повышения эффективности их взаимодействия. Например, в контексте теории социального действия представляется возможным использование МНП и доработка его инструментария таким образом, чтобы реакцией на исходные стимулы незаконченных предложений ста-

ло описание конкретных потенциальных социальных действий индивидов.

В данной статье были осмыслены перспективы развития инструментария МНП, однако не стоит забывать и про возможности дополнительного изучения способов анализа эмпирических данных, полученных в результате применения неоконченных предложений. Это отдельный, значительный пласт исследовательских задач, связанный с такими важными темами, как работа со слабо-структурированными данными, математическая формализация и проблемы социологического измерения в целом.

Примечания

- ¹ *Бурлов А.В., Татарова Г.Г.* Метод неоконченных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1997. № 9. С. 5–31.
- ² *Franck L.K.* Projective methods. Springfield, 1948.
- ³ *Уитл Г.М.* Руководство к исследованию физической и психической деятельности детей школьного возраста. М.: Мир, 1913.
- ⁴ *Райне А.Ф.* Sentence completion. N.Y., 1928.
- ⁵ *Солнцева Л.С., Галкина Т.В.* Метод исследования личности учащегося. М.: ИПАН, 1997.
- ⁶ *Getzels J.W., Walsh J.J.* The method of paired direct and projective questionnaires in the study of attitude structure and socialization. Washington: Whole, 1958.
- ⁷ *Ibid.* P. 31.
- ⁸ *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 153.
- ⁹ *Солнцева Л.С., Галкина Т.В.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях: Учеб. пособие. М.: Высшее образование и наука, 2009.
- ¹¹ *Тертышников А.Г.* Методологические и методические аспекты изучения социальных представлений об интеллигенции // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2012. № 4. С. 35–39.

Профориентационная работа вузов со школьниками: новые возможности традиционных форм

В статье рассматриваются традиционные формы профориентационной работы вузов со школьниками: довузовская подготовка, олимпиады, дни открытых дверей, лекции вузовских преподавателей, экскурсии на кафедры и в научные лаборатории. На основе мониторинга сайтов вузов раскрываются их новые возможности по привлечению в высшую школу талантливой молодежи.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, профориентационная деятельность, абитуриент, рейтинг высших учебных заведений, довузовская подготовка, олимпиады, дни открытых дверей.

Сегодня профориентационная деятельность вузов является важнейшей составляющей их повседневной жизни. Высшая школа, в силу потребности в профессионально ориентированных молодых людях, использует многочисленные формы работы со школьниками на собственных площадках.

Перечень образовательных услуг, предоставляемых современными вузами, достаточно широк и включает большой спектр различных специальностей и направлений подготовки. Поэтому очень важен вопрос осознанного выбора абитуриента, формирования его устойчивых профессиональных интересов, позволяющих выбрать направление подготовки в вузе. Сегодня вузы ведут активную, широкомасштабную профориентационную работу по привлечению школьников. Почти в каждом вузе существует либо центр профориентации, либо программа довузовской подготовки, либо специальный отдел, занимающийся профориентацией школьников.

Рассмотрим виды и формы деятельности вузов, направленные на профориентацию школьников. На сегодняшний день наиболее простым и доступным способом получения информации о вузе является его официальный сайт. Сайт вуза – открытый, а главное – официальный источник информации. На нем в обязательном порядке размещается актуальная информация об образовательной деятельности вуза. Кроме того, для современной молодежи такой способ поиска информации является наиболее привычным.

Исследование сайтов вузов проводилось в два этапа. В 2013 г. прошел первый этап, который включал в себя отбор вузов и анализ их сайтов. Вузы были отобраны на основе рейтинга, предоставленного РИА Новости и Высшей школой экономики (НИУ ВШЭ)¹ «Мониторинг качества приема студентов, зачисленных в 2012 г. по результатам ЕГЭ на бюджетные места в государственные вузы» и «Мониторинг качества приема в вузы – 2016». Из общего числа государственных вузов России (496), участвующих в рейтинге, для анализа были отобрано 20% вузов по каждому профилю соответственно. В итоге в авторском мониторинге сайтов участвовало 100 государственных вузов. Также были проанализированы сайты негосударственных вузов. Эти вузы были отобраны на основе рейтинга, подготовленного РИА Новости и НИУ ВШЭ «Качество приема в негосударственные вузы 2011: средние и минимальные баллы ЕГЭ (в расчете на 1 предмет) по вузам»². Из 32 негосударственных вузов для анализа были отобраны 11 вузов. Для выбора вузов был применен метод генерации случайных чисел. Анализ сайтов проводился на основе составленного бланка анализа. Всего было проанализировано 111 сайтов государственных и негосударственных вузов.

По профилям подготовки был проведен анализ 11 (10%) – аграрных вузов, 3 (3%) – архитектурных вузов, 7 (6%) – гуманитарных вузов, 19 (17%) – классических вузов, по 12 (11%) – медицинских и педагогических вузов, 19 (17%) социально-экономических вузов и 28 (25%) технических вузов. В анализе участвовали 94 региональных и 17 столичных вузов соответственно. Вся информация о вузах была получена на официальных сайтах.

Второй этап исследования был проведен в 2016 г. В рамках исследования были рассмотрены те же сайты вузов, которые были отобраны в 2013 г. Это позволило проследить динамику изменения форм профориентационной работы вузов в период с 2013 по 2016 г.

В результате проведенного анализа было установлено, что такая традиционная форма профориентационной деятельности, как довузовская подготовка или подготовительные курсы, не утратила

своей актуальности, несмотря на введение Единого государственного экзамена.

Каждый вуз заинтересован в привлечении наиболее подготовленных школьников, которые профессионально ориентированы на получение выбранной ими специальности. Один из способов добиться такого результата – дополнительно подготовить абитуриентов к поступлению в данный вуз (так называемая довузовская подготовка). К числу приоритетных задач такой подготовки относятся: профессиональное самоопределение учащихся, их психологическая адаптация к новым условиям; систематизация и обобщение знаний, подготовка к поступлению и обучению в вузе; выявление и развитие качеств у обучающихся, необходимых в их будущей профессиональной деятельности³.

Довузовская подготовка как «форма образования, осуществляющая обучение старшеклассников для поступления в вуз на базе конкретного высшего учебного заведения»⁴ по-прежнему востребована школьниками в качестве подготовки к успешной сдаче ЕГЭ и поступлению в вуз. Кроме того, и подготовительные курсы продолжают активно использоваться вузами как форма подготовки абитуриентов к обучению в вузе, а также форма профориентационной работы со школьниками. Более 50% государственных вузов размещают на своих сайтах информацию о довузовской подготовке и о подготовительных курсах. Количество вузов, реализующих на своих площадках программы подготовительных курсов с 2013 по 2016 г., увеличилось. Если в 2013 г. 57% вузов открыли подготовительные курсы, то в 2016 г. уже более 70% используют подготовительные курсы, как форму подготовки школьников, так и как форму их профориентации. 50% из числа негосударственных вузов также организовали у себя подготовительные курсы. Если смотреть по профилям вузов, то довузовскую подготовку и подготовительные курсы наиболее активно используют архитектурные, медицинские, классические и технические вузы. Вполне вероятно, это вызвано специфическими требованиями данных вузов к абитуриентам (наличие профильных собеседований, экзаменов). Несколько менее активно этими формами пользуются гуманитарные и педагогические вузы.

Еще одной традиционной формой профориентационной работы вузов со школьниками остаются олимпиады. Олимпиады всегда являлись важным средством привлечения школьников к поступлению в вуз, так как давали ощутимые преференции при поступлении. Интеллектуальные соревнования школьников (олимпиады, конкурсы проектов и др.) до сих пор являются не только формой

профориентации, но и одним из способов подготовки к поступлению в вуз. Необходимо учитывать тот факт, что вузу выгодно и престижно проводить олимпиады для школьников, привлекая талантливых и одаренных, а главное – мотивированных и профессионально ориентированных абитуриентов. Как показал мониторинг сайтов, в период с 2013 по 2016 г. увеличилось число государственных вузов (с 39 до 43), использующих олимпиады в качестве одного из направлений профориентационной работы со школьниками. Что касается негосударственных вузов, то эта форма деятельности их не привлекает. К примеру, Московский университет государственного управления проводил олимпиаду⁵ в 2013 г., однако в 2016 г. эта форма работы с абитуриентами больше не используется.

В целях популяризации и продвижения своих специальностей вузы используют такие формы профориентационной деятельности, как дни открытых дверей и научные фестивали с организацией открытых лекций, семинаров, мастер-классов.

Необходимо подчеркнуть, что в период с 2013 по 2016 г. вузы стали активнее использовать очные лекции, научные семинары, мастер-классы для школьников: количество вузов, анонсирующих такие мероприятия, увеличилось вдвое (с 15 вузов в 2013 г. до 31 – в 2016 г.). Особенно активны в этих формах технические вузы, наиболее заинтересованные сегодня в привлечении абитуриентов. Однако не отстают от них педагогические, гуманитарные и архитектурные вузы. Действительно, лекции и семинары, проводимые для школьников преподавателями вузов, дают возможность активно популяризировать соответствующие профессии, показывать новые научные достижения и открытия. Кроме того, такая работа не требует от вузов привлечения особенных ресурсов и материально-технического оснащения. Следовательно, эти традиционные формы профориентационной деятельности вузов следует считать достаточно эффективными и для настоящего времени.

Следует обратить внимание на профессионально-образовательный проект для школьников, студентов и взрослых – «Университетские субботы»⁶, который стартовал в столице в сентябре 2013 г. при поддержке Департамента образования г. Москвы. В проекте участвует сегодня около 40 московских вузов, он существует 3 года и интерес к нему растет.

Еще одна традиционная форма профориентационной работы со школьниками – экскурсии на кафедры и в научно-исследовательские лаборатории вуза. Особенно активно данная форма работы используется во время дней открытых дверей, однако есть

и специально организованные экскурсии для мотивированных групп школьников, которые хотели бы получить образование по определенному профилю. Ряд вузов уже начал использовать данную форму работы, анонсируя эту деятельность на сайтах и приглашая школьников посетить кафедры и лаборатории по индивидуальному графику не только во время дней открытых дверей. Количество вузов, освещающих на своих сайтах проведение подобных экскурсий, увеличилось за три года (с 2013 по 2016) в два раза.

Часть вузов включили в свои профорientационные мероприятия со школьниками интернет-технологии. Дистанционные формы подготовительных курсов, онлайн-трансляции лекций и семинаров, виртуальные лектории нельзя в полной мере отнести к традиционным, скорее они открывают новые возможности для вузов в работе с абитуриентами.

Итак, проведенный анализ сайтов позволяет утверждать, что вузы активно используют традиционные формы профорientационной работы со школьниками, оказывают им помощь в подготовке к поступлению в вуз и в профессиональном самоопределении. Довузовская подготовка, подготовительные курсы, олимпиады, дни открытых дверей, лекции, научные семинары, мастер-классы, экскурсии открывают новые возможности привлечения в вуз талантливой и подготовленной молодежи.

Примечания

- ¹ Качество приема в государственные вузы РФ по профилю – 2012. [Электронный ресурс] URL: http://ria.ru/ratings_rt2012/#ixzz2Uz61nfw0 (дата обращения: 05.09.2016).
- ² Качество приема в негосударственные вузы 2011: средние и минимальные баллы ЕГЭ (в расчете на 1 предмет) по вузам. РИА Новости. [Электронный ресурс] URL: http://www.ria.ru/social_ratings/private_school_2011/ (дата обращения: 05.09.2016).
- ³ Шульгина Н.А. Качество довузовской подготовки: Специфика современного этапа // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 4 (16). С. 238–246.
- ⁴ Волгина Т.Ю. Особенности системы довузовской подготовки в России на современном этапе // Деятельность структур довузовской подготовки в условиях проведения Единого государственного экзамена: Всероссийская заочная научно-практическая конф. / ГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет». Омск, 2010. С. 10–12.

- ческий университет». [Электронный ресурс] URL: http://www.ped55.ru/conf/december_09/26.html (дата обращения: 06.09.2016).
- ⁵ Математическая олимпиада для школьников «Инновации в образовании: формула успеха». [Электронный ресурс] URL: <http://conf.mfua.ru/o/math2013/> (дата обращения: 10.06.2013), URL: <http://conf.mfua.ru/o/> (дата обращения: 10.09.2016).
- ⁶ Просветительско-образовательный проект для школьников, студентов и взрослых «Университетские субботы». [Электронный ресурс] URL: <http://us.dogm.mos.ru/> (дата обращения: 17.04.2016).

Культура городского парка в 1920–1950-е годы (на примере Нескучного сада)

В статье представлена такая форма городской культуры 1920–1950-х гг., как парк культуры и отдыха. На примере средней части московского ЦПКиО им. М. Горького – Нескучного сада – раскрываются организация, функции, предназначение первых парков культуры, ставших образцом, площадкой для новых форм и нестандартных решений в области городской архитектуры и служивших отдыху трудящихся.

Ключевые слова: городская культура, городской парк культуры и отдыха, Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького, Нескучный сад.

Неотъемлемой частью любого современного мегаполиса являются «зеленые зоны» – сады и парки. Подобные комплексы имеют давнюю историю, однако их значимость резко возросла в конце XIX – начале XX в., в условиях урбанизации, стремительного роста промышленного производства, и, как следствие, сокращения количества «зеленых зон» и растительных насаждений в городах.

В начале XX в. городские парки использовались, прежде всего, как место отдыха и прогулок, а также как площадки для народных гуляний в дни различных (прежде всего, религиозных) праздников. При этом часть парков и садов находились в «закрытом пользовании» и оставались недоступными для простых жителей. К подобным «закрытым» местам относились, в первую очередь, сады, входящие в состав территорий купеческих, дворянских или императорских усадеб. В отдельных случаях публика получала доступ на территорию парков. Так, в 1905 г. территория Нескучного сада, принадлежавшего императорской семье, была открыта для всех желающих¹, однако подобная практика не носила массовый характер.

Примечательно, что в начале XX в. в России фактически не существовало государственных структур, занимавшихся садово-парковой деятельностью. Более того, в Российской империи не было и единого органа управления досугом граждан. Формально эти функции были отнесены к сфере деятельности Министерства народного просвещения. Однако на уровне губерний, уездов и городов подобных учреждений не было. Подавляющее большинство населения самостоятельно занималось организацией своего досуга. Существовали и «гибридные формы» досуга, когда государство объединялось с частными предпринимателями – сюда можно отнести ярмарки, традиционные народные праздники и гулянья. Русская православная церковь (РПЦ), оказывая большое влияние на образ жизни верующих, также участвовала и в организации их досуга.

Городской парк начала XX в. являлся местом самостоятельного отдыха и развлечений граждан – прогулок, пикников, игры в мяч или проведения праздничных гуляний. Культурная и образовательная составляющие в то время в деятельности парков отсутствовали, а сама эта деятельность практически не регулировалась государством.

После Октябрьской революции ситуация меняется кардинальным образом. Советское правительство, стремившееся полностью контролировать как трудовую деятельность, так и досуг граждан, в короткие сроки создает централизованную систему управления во всех областях культуры. Первоначально вопрос организации досуга советских граждан был возложен на Народный комиссариат просвещения СССР.

Поставив перед собой задачу «выковать новых людей», советская власть использовала все имеющиеся средства для того, чтобы вложить в головы населения «нужные идеи». Особое внимание уделялось досугу советских граждан – здесь органы власти, партийные ячейки и лояльные власти организации полностью формировали и планировали программу отдыха людей. В своей деятельности и центральные министерства, и местные советы использовали все многообразие существовавших ранее методов наглядной агитации и пропаганды. К таким «старым» формам относились плакаты, газеты, инсталляции и оформление территории, скульптура, радио, музыка, театр, кино, лекции, выступления видных советских деятелей, спортивные занятия, работа с детьми и некоторые другие. При этом каждый из существовавших старых методов видоизменяли, добавляли новое, связанное с задачей построения социализма. Возникали и новые формы: городки однодневного отдыха, парки

культуры и отдыха, кружки самодеятельности, дома культуры, сапатории и дома отдыха, общественные фонды и иные организации.

При этом в формировании и развитии досуга намеренно нивелировались и отодвигались на второй план национальные, этнические и религиозные традиции. Все, что касалось художественного и аналитического наследия дореволюционного периода, либо искажалось по форме и смыслу, либо было недоступно вовсе. Основной упор в организации досуга был сделан на идеологию, пропаганду и марксистскую философию. Основными принципами работы в сфере досуга были массовость, наглядность, доступность (простота) и прямые формы общения с людьми.

Практически сразу в число «культуробразующих» объектов были включены городские сады и парки, что выразилось в создании парков культуры и отдыха (ПКО) – «учреждений нового типа, где политико-просветительская работа сочетается с культурным отдыхом»². В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Советском Союзе формируется система ПКО: такой статус получают все достаточно крупные парки каждого советского города. Если первый подобный парк был открыт в Москве, на Крымском Валу, 12 августа 1928 г., то уже через 13 лет, к началу Великой Отечественной войны, число ПКО на территории СССР перевалило за тысячу. Поэтому вопрос о культуре городского парка в 1920–1950-х гг. неразрывно связан с организацией и функционированием Парка культуры и отдыха.

Чаще всего ПКО создавались либо на базе уже существовавших общедоступных парков (в Москве ярким примером служил парк Сокольники, открытый для публики в 1876 г.³), либо на месте национализированных дворянских усадеб (так возник ПКО им. Сталина⁴, ныне Измайловский парк), либо путем слияния этих двух типов территорий (так возник ЦПКиО им. М. Горького, в состав которого вошли располагавшиеся у Крымского Вала Орловские луга и Нескучный сад).

ЦПКиО им. М. Горького стал не только первым из городских парков культуры, но и своего рода образцом, площадкой для новых идей и нестандартных решений, которые затем воплощались в других ПКО. При этом сам Парк Горького состоял из нескольких частей – так называемого Партера, Нескучного сада и Воробьевых гор, и хотя все они являлись лишь фрагментами одного полотна, каждая из частей ЦПКиО была своеобразным «Парком в парке» – со своими особенностями, культурно-досуговыми заведениями и уникальными мероприятиями.

Особенно следует выделить «среднюю часть» Парка Горького – Нескучный сад. Свое название сад получил от созданной в

1728 г. князем Н.Ю. Трубецким усадьбы «Нескучное». Благодаря деятельности Трубецкого эта подмосковная территория в середине XVIII в. стала местом обитания известнейших дворянских родов империи – Голицыных, Демидовых, Орловых. В XIX в. территория сада была приобретена императорской семьей: с 1842 г. и до Октябрьской революции сад был частью территории царской усадьбы⁵. При открытии Парка Горького Нескучный сад сразу же входит в его состав, территория сада начинает активно использоваться. Конец 1920-х – 1930-е гг. – период превращения городских парков из площадок для прогулок и пикников в культурно-досуговые мультифункциональные комплексы, где основной упор делался на образование, физическую подготовку и повышение культурного уровня населения, а также пропаганду советского образа жизни.

Городские парки преобразовывались в соответствии с новыми реалиями и требованиями советского руководства. Их деятельность (и это хорошо видно на примере Нескучного сада) была крайне разнообразна – от военной подготовки до проведения кинопоказов, театральных постановок и концертов классической музыки, от массовых занятий спортом до выступлений писателей, художников, ученых и политиков, от решения бытовых вопросов до многотысячных праздников и карнавалов.

Менялся и облик городских парков – возникли новые сооружения, изменили свое назначение как бывшие дворянские усадьбы, так и различные павильоны на их территории. При этом каждый из парков обладал достаточно стандартным (по типам, а не по форме) набором сооружений, отвечающим его деятельности.

Так, в Нескучном саду на месте, где некогда находился Ботанический сад Прокопия Акинфиевича Демидова, в 1928 г. возникает Площадь смычки, посвященная кооперации города и деревни. На площади была установлена эстрада, где выступали политические деятели, устраивались митинги и концерты.

В 1932 г. на месте площади был сооружен Зеленый театр: на тот момент самый большой, в СССР театр под открытым небом. Театр вмещал 20 000 человек, причем большинство мест были стоячими. В нем ставили различные спектакли, в том числе артисты Большого и Малого театров. В качестве декораций выступали деревья и кусты. На сцену, по ходу действия некоторых спектаклей, въезжали всадники⁶.

Наибольшей популярностью пользовались кинопоказы – в 1936 г. специально для Зеленого театра за рубежом был куплен киноэкран, получивший название «Гигант», размером 15 на 17 метров⁷ (фактически с трехэтажный дом). На тот момент второго

такого экрана не было во всем Советском Союзе. На киноэкране «Гигант» шла как обычная демонстрация фильмов, так и премьеры. Так, в 1936 г. в Зеленом театре впервые показали фильм «Цирк» с Любовью Орловой в главной роли⁸.

В 1930-е гг. функции парков значительно расширились, поэтому зачастую рядом располагались сооружения совершенно разного назначения. Так, в Нескучном саду рядом с театром соседствовал «Военный городок» ОСОАВИАХИМа, разместившийся в Летнем домике – бывшем павильоне усадьбы Орловых. В городке проводились спортивные занятия, сдавались нормы на значки «ГТО» и «Ворошиловский стрелок», учили детей и взрослых пользоваться противоголозом, ставить палатки, метать гранаты, демонстрировали образцы оружия и снаряжения⁹. После окончания Великой Отечественной войны милитаристская тематика отходит на второй план, и военный городок в Летнем домике ликвидируется. В конце 1940-х гг. его место заняла публичная библиотека.

Помимо культурных и спортивных объектов, во всех парках активно развивается сеть общепита – на смену пикникам приходят столовые и кафе, предлагавшие незамысловатую, но вкусную, недорогую и полезную еду. Так, в ЦПКиО в 1930-е гг. действовала собственная небольшая фабрика по производству цитрусовых соков.

Главным заведением Нескучного сада считалось кафе «Поплавок», открывшееся в начале 1930-х гг. в бывшем Ванном домике усадьбы Орловых. Благодаря живописному положению на берегу Екатерининского пруда и классической архитектуре кафе часто посещали почетные гости парка. Так в 1932 г. в «Поплавке» ужинал английский писатель Герберт Уэллс¹⁰.

Помимо территорий самих парков, активнейшим образом использовалось водное пространство. Москва-река долгое время носила неофициальное название «Главной аллеи» Парка Горького. На реке, в районе Нескучного сада, находились купальни и вышки для ныряния, действовала школа плавания и прокат лодок, проводились соревнования по гребле и даже целые представления на воде. Так, в 1925 г. в честь выхода фильма «Броненосец Потемкин» на Набережной в Нескучном саду была сооружена модель корабля.

В попытке создать модель полностью регламентированного досуга в Нескучном саду был реализован один из первых проектов «Городка однодневного отдыха». Каждое утро в городок привозили группы рабочих и крестьян, которые проводили здесь время по досуговой, но достаточно регламентированной программе – с за-

рядкой, завтраком, обедом и ужином. В программу были включены занятия спортом, слушание лекций, посещение кинопоказов, концертов и обязательной политинформации. Все отличие от обычного дома отдыха заключалось в том, что вечером группа уезжала: программа была рассчитана на один день и не предусматривала ночевок¹¹. Возникновение подобных «городков» было связано с переходом на «непрерывное производство на предприятиях СССР» в 1929 г. и введением пятидневок¹². Впоследствии, после отмены этой достаточно непопулярной у населения системы, деятельность городков однодневного отдыха была свернута, а с началом Великой Отечественной войны прекратилась вовсе.

Война внесла свои коррективы не только в работу, но и в облик городских парков. Практически в каждом из них появились монументы и сооружения, посвященные памяти о войне. В Нескучном саду эту роль выполняла Беседка имени 800-летия Москвы, построенная в 1951 г. Чаще всего мемориальные сооружения хорошо вписывались и органично дополняли сложившуюся планировку парков – ведь их первоначальную функцию прогулки и отдыха на природе никто не отменял.

Говоря о парковой культуре 1920–1950-х гг., можно отметить значительное расширение функций городских парков и переход от концепции «прогулки в парке» к разнообразным образовательным, культурным и спортивным мероприятиям. Из мест отдыха парки превращаются в общедоступные рекреационные зоны с развитой инфраструктурой и культурной программой, рассчитанные на самый широкий круг посетителей. Одновременно с этим вся деятельность парков строго регламентируется и идеологизируется – для руководства важно не столько занять или просветить людей, сколько вложить в их головы определенные идеи.

Если «перекинуть мостик» к настоящему времени, после распада Советского Союза идеологическая составляющая деятельности парков исчезает. На ее место приходит коммерческая составляющая – некоторая часть деятельности современных парков тесно сопряжена с частными организациями и направлена на извлечение прибыли. Вместе с тем сохранилось разнообразие форм деятельности парков – выставки, концерты, спектакли, соревнования и кинопоказы. Городские парки, помимо досуговых и рекреационных функций, по-прежнему предлагают обширную культурную программу, а благодаря современным технологическим решениям и отсутствию идеологических цензурных ограничений во многом превосходят культурную программу парков 1950-х гг.

-
- ¹ *Иванов О.* Из истории Нескучного сада // ЯТЬ. 2000. № 9. С. 15.
 - ² *Писаревский Д.* Парки культуры и отдыха. М.: Московский рабочий, 1940. С. 23.
 - ³ По Москве: Справочник-путеводитель. М., 1958. С. 409.
 - ⁴ Парк культуры и отдыха «Измайлово» // Москва: Атлас туриста / Отв. ред. И.К. Жданова. М.: ГУГК при СМ СССР, 1985. С. 98–99.
 - ⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 60. Д. 29712. Л. 62.
 - ⁶ *Глан Б.Н.* Праздник всегда с нами. М., 1988. С. 86.
 - ⁷ Там же. С. 131–136.
 - ⁸ Там же. С. 134.
 - ⁹ *Романюк С.К.* Москва за Садовым кольцом. М.: АСТ, 2007. С. 453.
 - ¹⁰ Центральный московский архив – музей личных собраний (ЦММЛС). Ф. Л-33. Оп. 1. Д. 210. Л. 2.
 - ¹¹ *Хазин Е.* Отдых миллионов. М., 1932. С. 17.
 - ¹² *Иванов О.* Указ. соч. С. 15.

Спортивная социализация как процесс интеграции спортсмена в профессиональное сообщество

В статье рассмотрен процесс спортивной социализации как профессионального становления спортсмена. Автор анализирует основные механизмы спортивной социализации – типизацию, рутинизацию, подражание и их роль в изучаемом процессе, затрагивая такие вопросы, как влияние спортивных субкультур на интеграцию спортсмена в профессиональное сообщество, этические и нравственные проблемы в спорте и роль тренера в их решении. Автор уделяет особое внимание теоретическим основам изучаемого процесса и в заключение, основываясь на проведенном анализе, предлагает определение спортивной социализации.

Ключевые слова: современный спорт, допинг, механизмы спортивной социализации, интеграция, спортивная социализация.

На современном этапе развития общества спорт представляет собой индустрию производства и потребления спортивных практик. Это производство направлено, прежде всего, на удовлетворение социального спроса, потребность в котором возникла с эмансипацией большого спорта, его распространением и превращением его в социокультурный феномен современности.

Спорт стал модой, на него появился спрос, что не могло не повлечь роста предложения, направленного на удовлетворение возникшей потребности. Спорт так глубоко проник во все сферы общества, что каждый человек так или иначе становится потребителем спортивного «товара». Это может быть обсуждение новостей, покупка кроссовок популярного бренда, посещение спортивной секции или фитнес-центра. Все чаще спорт, замаскированный под культуру развлечений, выходит из своих традиционных границ и

входит в нашу обычную жизнь, все сильнее втягивая нас в роль активных потребителей спортивного предложения.

Эти процессы закономерно привели к тому, что представление об успешном человеке уже не ограничивается образованием, хорошими манерами, устойчивым социальным положением или финансовым благополучием. Современный житель большого города обязан соответствовать его ритму, везде успевать, а значит быть в хорошей форме, быть подготовлен не только к моральным, но и к физическим нагрузкам. Помимо этого, пропаганда здорового образа жизни политикой государства, фитнес-индустрия, реклама, диктующая нам идеал здорового спортивного тела, культивируют ценности спорта, формируют желание соответствовать современным стандартам и моде.

Огромное количество людей ежедневно приходят в спортивные секции и начинают осваивать различные виды спорта, учиться совершенствовать свое физическое мастерство, сталкиваясь с трудностями адаптации и социализации в новом для них социальном пространстве спортивного зала. Но с развитием технологий и науки происходит усложнение спортивного знания. Бурное развитие спортивного движения, популяризация спорта, появление новых спортивных дисциплин, разработки теоретических основ и сложных тактических построений, углубление и рост спортивного знания, которым должен овладеть человек в процессе его обучения, ставят спортсмена в нелегкое положение. Прибавим сюда сумму взаимоотношений спортсмена с тренером, другими спортсменами, судьями, административным аппаратом, социально-ролевое поведение и определенную спортивную иерархию, и мы обнаружим, что, начав заниматься спортом, индивид сталкивается с рядом проблем, которые носят социальный характер и решение которых представляется нам неоднозначным.

Мы подчеркнем и то, что для нас будет второстепенным понимание спортивной социализации как части глобального процесса социализации личности, т. е. вопроса, как спорт помогает формированию социально компетентной личности, как качества, приобретенные в спортивной деятельности, могут использоваться в деятельности, не имеющей прямого отношения к спорту. Вместо этого мы обратим наше внимание на спортивную социализацию как процесс интеграции спортсмена в новую для него социальную реальность, обозначив основные механизмы и теоретические основания данного процесса. Помимо этого, на основе предприняемого нами анализа спортивной социализации как процесса, посредством которого индивид приобретает систему физических и ментальных

диспозиций, на основании которых мы можем называть его спортсменом, автор предложит определение спортивной социализации.

Приходя в спортивную секцию, индивид оказывается погружен в новое социальное пространство со своими правилами, обычаями, распорядком дня. Процесс «встраивания» в систему будет регулироваться некоторыми механизмами, которые направлены на закрепление индивида в группе, превращение его в одного из «своих». Нам необходимо сказать, что мы будем понимать под нормой успешной социализации. Под ней мы будем подразумевать установление высокой степени симметрии между субъективным и объективным миром, то есть интернализацию социальных ролей, принятие норм и правил, отождествление себя как члена сообщества, в котором проходила социализация. И наоборот, «неуспешной» мы будем называть такую спортивную социализацию, где расхождения в субъективной и объективной реальности будут настолько существенны, что будут препятствовать нормальному функционированию в спортивной среде.

Нам представляется очевидным, что социальная реальность в зале будет поддерживаться в процессе ее разделения с другими участниками. Основными же агентами социализации станут спортсмены и тренеры, постоянно контактирующие с новичком. Первым механизмом спортивной социализации, который мы рассмотрим, станет типизация. П. Бергер и Т. Лукман говорят о типизациях как об определенных типах социального взаимодействия, которое происходит между социальными агентами, которое может происходить в привычных рамках повседневной жизни¹. Они отмечают, что типизации могут видоизменяться, корректироваться или меняться полностью.

Спортсмен в процессе своего обучения постоянно взаимодействует лицом к лицу с другими участниками тренировки. В результате этого взаимодействия происходит обмен информацией, которая может носить когнитивный или эмоциональный аспект. В результате индивид интерпретирует жесты, эмоции, взаимодействия других участников тренировочного процесса, типизирует и интерпретирует их. По ходу пребывания спортсмена в новой социальной среде он изучит большую часть взаимодействий, типизирует их, что позволит ему нормально функционировать в ней. Полностью социализированный спортсмен (в жизни его не будет существовать, так как спортивная социализация никогда не бывает полной и никогда не завершается) будет знаком со всеми типизациями и полностью изучит все шаблоны ролевого поведения группы.

Конечно, типизация, как механизм спортивной социализации, не ограничивается совокупностью взаимодействий лицом к лицу с социальными агентами или социально-ролевыми установками каждого участника группы, например, новичок, опытный спортсмен, тренер, судья и т. д. «Чем дальше типизации социального взаимодействия удалены от ситуации лицом-к-лицу, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – тем более они анонимны»². Рассмотрим примеры анонимных типизаций, которые играют не менее важную роль в успешной спортивной социализации. Мужество и мастерство профессиональных спортсменов, плакаты с которыми часто украшают стены спортивного зала, оказывают глубокое социализирующее воздействие. Их спортивные подвиги вдохновляют работать над собой, а принадлежность к одному виду спорта вызывает чувство гордости и желание доказать свою спортивную состоятельность. Это взаимодействие часто опосредовано различными СМИ, когда начинающий спортсмен может «познакомиться» с жизнью профессионалов посредством интервью или фильмов о них, часто о них можно судить на основании встреч, которые, скорее всего, больше не повторятся (на соревнованиях или открытых тренировках).

Спортивная секция в процессе принятия в свои ряды новичка будет давать ему исчерпывающие знания, связанные с конкретным видом спорта, и поверхностные, неточные или общие о том, с чем напрямую не связана. Помимо теоретических основ, связанных с тактикой, схемами взаимодействия с партнерами, советами по восстановлению организма и подготовки к соревнованиям, новичок познакомится с фольклором или субкультурой спортивной секции, которая будет играть интеграционную роль в спортивной социализации. Такие маркеры субкультуры, как определенный вид или марка одежды, которую спортсмены одевают и в повседневной жизни, небольшие атрибуты в виде брелоков, нашивок спортивных секций, сленг, анекдоты или легенды, клятвы и обряды посвящения в спортсмены, помогают новичкам почувствовать себя в «братстве», они чувствуют единение с членами секции, гордятся своей принадлежностью к клубу.

Без сомнения, спортивная субкультура будет зависеть от конкретного вида спорта, ее сформировавшего, более того, она будет зависеть от такого понятия, как «дисперсия» спорта, под которой П. Бурдые понимал различные способы заниматься одним и тем же видом спорта. «Так, теннис, – пишет Бурдые, – в маленьких муниципальных клубах, когда занимаются в джинсах и кроссовках “Адидас” на жестком покрытии, имеет очень мало общего с теннисом в белом костюме и плиссированной юбочке, что было

правилом двадцать лет назад и что воспроизводится в клубах для избранных»³.

Вторым механизмом спортивной социализации будет рутинизация. Под рутинизацией, как механизмом спортивной социализации, мы будем понимать особое отношение к повседневным ритуалам, которые становятся привычными спортсмену и не требуют дополнительных разъяснений или мотивирующих действий к их выполнению. Другими словами, происходит переход от формулы «Мы делаем это снова» к «Так это делается».

Таким образом, рассматриваемый нами мир приобретает устойчивость и ясность в сознании спортсмена. Он не кажется ему, как раньше, чужим и загадочным, спортсмен начинает понимать логику действия, воспринимать этот мир как часть основного мира, где он живет. Постоянно повторяющиеся типизации со временем станут для новичка привычными и знакомыми, не будут больше вызывать вопросов, а будут выполняться при помощи лингвистической объективации со стороны тренера или партнера. Добавим сюда мелкие ритуалы, которые новичок будет выполнять на «автопилоте» просто потому, что так делают все, так принято или это закономерная часть тренировки. Например, рукопожатие с тренером и партнерами, запись в журнал, десятиминутная разминка в начале, помощь тренеру, разговор с партнером, игровая часть тренировки, десятиминутный бег или силовые упражнения в конце и т. п. Со временем, благодаря повторениям, новичок будет знать все нюансы процесса, начиная от того, где взять ключ от раздевалки, если ты опоздал, до правил общения с судьями на соревнованиях. Усвоение ритуалов и норм поведения будет являться маркером успешной спортивной социализации.

Отметим, что само понятие правил играет в спортивной социализации очень важную роль. Это комплексное понятие включает в себя формальные правила поведения в зале, список которых обычно вывешен на видном месте, неформальные правила, или обычаи, принятые в зале, о которых можно узнать только из поведения старших спортсменов, тренера или заключить из того, что «никто так не делает» или «здесь так не принято» (в основном они сводятся к тому, чего нельзя делать в зале). Помимо этого существуют правила игры в конкретный вид спорта и неформальные правила «рыцарского поведения» фэйер-плей. Со всеми правилами новичку предстоит познакомиться и принять их. Даже формальные правила конкретного вида спорта не такое простое понятие, как может показаться на первый взгляд. Эти правила по своей сути нелогичны и усложняют путь к победе. Как отмечает Гуттман: «Играть

в игру – значит пытаться достичь определенной, заранее известной цели, оставаясь в рамках установленных правил, когда эти правила запрещают использовать более эффективные пути, оставляя предпочтительными менее эффективные (конститутивные правила), и когда такие правила принимаются просто потому, что делают данные действия возможными (игровое отношение)»⁴. Действительно, интернализация ребенком того факта, что, спрятав мяч в карман и дойдя до лунки, положить его туда гораздо проще, чем посредством ударов клюшкой загнать мяч в лунку, но правила требуют идти по более сложному пути и повсеместное принятие правил не упрощают игру, но делают ее возможной.

Куда более сложным вопросом в процессе спортивной социализации является вопрос соблюдения правил фэйер-плей, которые соблюдать не обязательно, точнее, за несоблюдение их игрок не получает непосредственного наказания во время игры. Здесь стоит упомянуть еще об одном важном механизме спортивной социализации – подражании, под которым мы будем понимать сознательное или бессознательное воспроизведение спортсменом модели поведения или опыта других индивидов, значимых в конкретном социальном пространстве. Этот механизм играет важнейшую роль в передаче социального опыта и обучении «быть спортсменом». Если негласным правилам зала новичок может научиться только подражая поведению других спортсменов, то обучение правилам фэйер-плей – это комплекс мер, важнейшую роль в котором будет играть тренер. Здесь мы сталкиваемся с проблемой научения, которая особенно остро стоит в спорте. Ведь в спорте, как и в искусстве, возьмем, к примеру, классический танец или балет, очень часто понимание является телесным, тренер только и может сказать «смотри и делай, как я». П. Бурдые касался вопроса соотношения теории и практики не только в спорте, но и в танце, говоря, что «неоднократно замечено, что книги, написанные очень знаменитыми танцорами, не передают почти ничего из того, что составляет “гениальность” их автора»⁵.

Как в спорте заставить понять кого-то, как делается то или иное упражнение, передать технику выполнения элемента, является основной задачей для каждого тренера. И механизм подражания играет важную роль. Мы выделяем два типа подражания: произвольное – когда спортсмен по просьбе тренера повторяет за ним движения, и непроизвольное – когда спортсмен непроизвольно копирует поведение тренера или партнера. Проблема этического спортивного поведения требует комплексного подхода, тренеры обязаны прививать это на тренировках и следить за выполнением принципов фэйер-плей всеми спортсменами.

Нарушения нормы, приносящие выгоду нарушителям, совершенно неизбежно порождают подражание, если они не влекут за собой возмездие, внушающее страх наказания или компенсации, и при этом ставят в худшее положение тех, кто честно придерживается правил⁶.

Бескомпромиссность современного спорта, желание победить любой ценой, ориентированность на рекорд оставляют свой след на процессе спортивной социализации. Итог соревнований, каким бы он ни был, является для спортсмена важным маркером, отправной точкой, временем работать над своими ошибками, анализировать и двигаться дальше. Непринятие ничейного результата (посредством дополнительного времени, серии пенальти и т. д.) ведет к тому, что 90% спортсменов будут цитировать знаменитые слова Пьера де Кубертена о победе и участии и уходить с поля проигравшими. А стресс от проигрыша прямо пропорционален тому, как близко спортсмен подошел к возможности стать чемпионом.

Но мы настаиваем на том, что поражение не может быть столь деструктивным и распространенным одновременно. В спортивных неудачах заложен огромный социализирующий потенциал. Спорт, будучи моделью всего общества, где поражение и неудачи являются неотъемлемой его частью, способен подготовить молодежь к трудностям взрослой жизни, дать им бесценный опыт их преодоления и напомнить, что, как и в спорте, в жизни возможны любые исходы – главное не сдаваться, не опускать руки и твердо двигаться к назначенной цели.

В заключение скажем, что все три основных механизма спортивной социализации – типизация, рутинизация и подражание – тесно связаны друг с другом, изучение их требует комплексного подхода, направленного на установление связей между ними. Данная статья ставила целью обозначить механизмы спортивной социализации, играющие, на наш взгляд, ведущие роли в изучаемом процессе, предложить теоретические основания для дальнейшего изучения спортивной социализации.

Спортивная же социализация, как интеграция спортсмена в профессиональное сообщество, представляется нам последовательным вхождением индивида в пространство спортивных практик путем интернализации телесных и ментальных схем, которое осуществляется при непосредственном участии тренера и спортивного коллектива и опосредовано воздействием спортивной субкультуры.

-
- ¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности М., 1995. С. 56.
 - ² Там же. С. 57.
 - ³ Бурдьё П. Начала / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. [Электронный ресурс] URL: <http://bourdieu.name/content/programma-dlja-sociologii-sporta> (дата обращения: 07.08.2016).
 - ⁴ Гуттман А. Игра, забавы, состязания, спорт // Логос. 2014. № 3. С. 196.
 - ⁵ Бурдьё П. Указ. соч. С. 208
 - ⁶ Ленк Х. Этика спорта как культура честной игры: Честное соревнование и структурная дилемма. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/lenk21.html> (дата обращения: 07.08.2016).

Искусствоведение: современные проблемы теории и истории искусства

Ю.С. Мерецкая

Специфика реалистической живописи в Германии конца XIX в.: на примере анализа творческого метода и педагогической системы Антона Ажбе

Статья посвящена изучению своеобразия реалистического направления в немецкой живописи конца XIX в. на примере принципов мюнхенской частной школы словенского педагога и живописца Антона Ажбе. В статье рассматривается влияние творческого метода и педагогической системы Ажбе на развитие реализма, а также его взаимосвязи с импрессионистическими и экспрессионистическими направлениями в среде восточноевропейских и русских учеников Ажбе.

Ключевые слова: реализм, импрессионизм, экспрессионизм, педагогическая система Ажбе.

В Германии период реализма начался в середине XIX в. и продержался до 80-х годов. Однако в «чистом» виде реалистического направления практически не было, так как оно постоянно перемешивалось с другими живописными течениями и существовало параллельно с поздним романтизмом. В 70-е годы начался период неоренессанса (по Р. Хаману), сменившего реализм, позже стали появляться несколько запоздавшие импрессионистические веяния, частично подхваченные А. Ажбе и его учениками. К концу реалистического периода сильны были натуралистические тенденции.

Художественная жизнь Германии во 2-й половине XIX в. отражала общеевропейскую ситуацию. Как пишет Д. Сарабьянов¹, начиная с середины столетия в европейском искусстве начал назревать конфликт между официальным искусством и прогрессивными художниками. Это привело к созданию независимых художественных объединений, организации выставок и открытию част-

ных школ, работающих в иной, отличной от академической, манере. Живописцы стали выходить на пленэр и уделять больше внимания существующей действительности.

В конце XIX в. Мюнхен являлся одним из важнейших культурных центров Германии, куда стекались талантливые живописцы со всей Восточной Европы для получения образования в Академии художеств или же в частных художественных школах. Последние возникли в ответ на проблемы подавляющего большинства абитуриентов, пытавшихся поступить в Академию. Это было довольно сложной задачей из-за жестких условий приема и огромного конкурса. Например, в 1900 г. в городе было более 20 000 абитуриентов и художников, а в Академии обучалось менее 400 человек.

Устав Академии запрещал принимать на обучение женщин вплоть до окончания Первой мировой войны, и даже потом поступить могли только женщины в возрасте от 18 до 35 лет. Все абитуриенты-иностранцы должны были написать автобиографию на немецком языке, что также приводило к отсеву желающих.

Частные школы готовили абитуриентов к поступлению в Академию, а также являлись альтернативной формой обучения. Есть сведения, что некоторые студенты, уже принятые в Академию, отказывались от возможности там обучаться и предпочитали именно частные школы². Такая популярность имела следующие причины: во-первых, частные школы учитывали личные интересы студентов и позволяли развиваться их индивидуальности. Во-вторых, сам процесс обучения был не столь утомительным, как в Академии с ее бесконечными штудиями. И в-третьих, интернациональный коллектив создавал приятную атмосферу, способствующую живому обмену идеями и творческими приемами.

Крупнейшей и самой востребованной частной художественной школой Мюнхена была школа, основанная А. Ажбе.

Антон Ажбе (1862–1905) – педагог и художник словенского происхождения – сегодня, к сожалению, практически неизвестен российской общественности, хотя именно в его мюнхенской школе обучались многие наши талантливейшие живописцы.

Существует всего две русскоязычные публикации об Ажбе. В 1958 г. была издана монография Н. Молевой и Э. Белютина «Школа Антона Ажбе»³, в которой рассматривается, прежде всего, его педагогическая, а не художественная деятельность. В 2001 г. вышла книга В. Барановского и И. Хлебниковой «Антон Ажбе и художники России»⁴, в которой тщательно проработаны исследования о жизни, педагогической деятельности и творчестве Ажбе.

Словенцами выпущено значительно больше работ о художнике-педагоге. Например, сборник статей и воспоминаний «Антон Ажбе и его школа» под редакцией К. Добиды, опубликованный в Любляне в 1962 г. к выставке, организованной в честь 100-летия со дня рождения Ажбе⁵. Специальный анализ творчества художника полно представлен в монографии словенского живописца, педагога и художественного критика М. Тршара «Антон Ажбе» 1991 г.⁶

Обучаться живописи Ажбе начал в Любляне. Его первым учителем был Я. Вольф (1825–1884) – словенский художник 2-й половины XIX в., оказавший сильнейшее влияние на молодого Ажбе.

Осенью 1882 г. Ажбе был принят в Венскую академию художеств. Там он проучился два года, но остался недоволен методом обучения. По этой причине будущий живописец решил закончить образование в Мюнхене, куда переселился в 1884 г. Там он около семи лет обучался в Академии художеств. Ажбе часто корректировал работы своих сокурсников, особенно ценились его правки, касающиеся строения человеческого тела⁷.

По предложению друзей в 1891 г. Ажбе открыл собственную частную художественную школу, пользовавшуюся неизменной популярностью в течение почти 15 лет, вплоть до смерти художника в 1905 г.

Школа была интернациональна, в ней обучались русские, поляки, венгры, сербы, хорваты, словенцы, чехи, немцы, австрийцы, эстонцы, литовцы, словаки, швейцарцы. Ученик Ажбе М. Добужинский вспоминает также о греках, французах и даже мексиканцах⁸.

В числе более сорока его русских студентов были: Д. Бурлюк, И. Грабарь, М. Добужинский, В. Кандинский, Д. Кардовский, К. Петров-Водкин, М. Веревкина, А. Явленский и многие другие.

У Ажбе обучались и его соотечественники Р. Якопич, И. Грохар, М. Яма и М. Стернен, которые позже образовали течение словенского импрессионизма.

Влияние школы Ажбе было таково, что даже Мюнхенская академия художеств рекомендовала абитуриентам сначала пройти обучение там в качестве подготовки к поступлению. Именно этим путем пошел В. Кандинский. Более того, как указывает сербский искусствовед К. Амброзич⁹, Академия заверяла своей печатью дипломы Ажбе, выдаваемые студентам по окончании обучения.

Словенский педагог пользовался уважением и в России, его очень ценили И. Репин и П. Чистяков. Педагогическая система последнего имела много точек соприкосновения с принципами Ажбе. В. Серов, уже будучи признанным в России и Европе мастером, неоднократно сокрушался, что ему не хватает школы Ажбе¹⁰.

Вращаясь в художественном кругу и будучи знаком с общеевропейскими веяниями искусства, Ажбе, безусловно, испытал некоторое влияние импрессионизма. Однако в своей педагогической системе и в своем творчестве он интерпретировал его по-своему. Признавая необходимым для художника следовать зрительным впечатлениям, он считал, что предварительно все же необходимо разобраться в устройстве изображаемого и свести его к простым формам. Это и был «Принцип шара» – один из основополагающих принципов школы Ажбе. Определив крупную простую форму и проведя светотеневую моделировку, ученик должен был постепенно перейти к малым формам и найти пропорциональные соотношения между ними¹¹. Однако педагог не всегда был достаточно настойчив в последнем пункте, о чем упоминает И. Грабарь:

В Париже большое значение придавали «мерке», то есть проверке пропорций натурщика на глаз путем измерения углем или кистью соотношения его отдельных частей. Ажбе также рекомендовал мерить, ... но никто этого в его школе не делал, считая... прием несущественным¹².

Живописная манера Ажбе также имела черты импрессионизма. Он учил накладывать краски сразу на холст, не смешивая их предварительно на палитре. «В глазу зрителя они сами смешаются, но, по крайней мере, дадут чистую расцветку, а при размазывании на палитре получается одна грязь», – говорил он [Ажбе], демонстрируя свою мысль на палитре и холсте»¹³ вспоминает И. Грабарь. Такой подход позволял писать яркие, живые работы сочными чистыми цветами.

Однако словенский искусствовед М. Тршар, более подробно разъясняя «Принцип кристаллизации красок» Ажбе, указывает на его отличие от импрессионизма. Следуя методу Ажбе, нужно было одной и той же кистью набрать несколько необходимых для мазка красок с палитры и, не перемешивая их на ней, сразу нанести на холст. В итоге на самом холсте они все же смешивались непредсказуемым образом. Импрессионисты же каждый раз брали кистью только один цвет¹⁴.

Р. Лозар¹⁵, известный в Словении деятель культуры, считал, что упражнения с цветом Ажбе должны быть рассмотрены в широком контексте живописи XIX в. и растущего недовольства отупляющей практикой предварительных штудий. Внимание к цвету Ажбе обусловлено не столько влиянием импрессионизма, сколько его абсолютно художественным мышлением: он – художник в абсолютном смысле этого слова, и поэтому его стиль – художественен¹⁶.

Проявлением несомненного педагогического таланта Ажбе было развитие способностей учеников и помощь в выработке индивидуальной живописной манеры. Эта методика оказала влияние на формирование множества ярких творческих индивидуальностей.

А. Ажбе интересен не только как педагог, но и как художник. На протяжении творческого пути живописная манера Ажбе переросла из академической в реалистическую. Он был не чужд и опытам в духе импрессионизма и экспрессионизма. Как пишет сербский искусствовед К. Амброзич, «по своему художественному определению Ажбе был реалистом, однако нес в себе темперамент с подчеркнуто экспрессионистской нотой»¹⁷.

Как ни парадоксально, но дошедшие до нас работы Ажбе отнюдь не являются полным отражением его основных педагогических принципов. Это обусловлено тем, что большая часть из них по сути являются ученическими студиями и написаны до открытия частной школы. Произведения художника очень разные, но все они отличаются подкупающей непосредственностью, реалистичностью, легкостью и виртуозностью письма.

Неиссякаемый интерес словенских исследователей вызывают две ранние работы Ажбе, написанные на одном холсте: «Баварец» 1889 г. и «Старик в черном галстуке» 1890 г. (Национальная галерея, Любляна). Обе они по-своему замечательны, но что же побудило живописца использовать уже готовую картину в качестве основы для новой?

К. Амброзич полагает, что сам Ажбе считал «Баварца» некачественной работой и поэтому решил его использовать как холст¹⁸. Однако М. Тршар выдвигает версию о том, что, скорее, под рукой у художника не оказалось иного подходящего материала¹⁹.

Сам Ажбе выше всего ставил работу «Негритянка» (1889 г., Национальная галерея, Любляна), которую считал воплощением своих живописных принципов, с чем сложно не согласиться. Однако И. Грабарь отзывался о картине так: «...строго построенная, прекрасно нарисованная, жизненная и экспрессивная, но суховатая по живописи голова», при этом признавая, что «рисунок, лепка и бросающиеся в глаза знания произвели сильное впечатление»²⁰.

Профессионально исполненная, живописная «Негритянка» действительно именно «воплощенный принцип», так как в ней не хватает какой-то капли, какой-то искры одухотворенности до шедевра.

Несомненно, самой спорной и неоднозначной картиной Ажбе является одна из его поздних работ «В гареме» (1903 г., Национальная галерея, Любляна), написанная в свободной эскизной манере, близкой к синтезу импрессионизма с экспрессионизмом.

М. Тршар высоко ставит эту работу, полагая ее шагом навстречу новым живописным течениям. При этом он не отрицает возможность того, что это только эскиз²¹. Искусствовед прослеживает явное влияние экспрессионизма, выражающееся в деформации форм (нога женщины неестественно вывернута) и энергичной манере нанесения красочных мазков на холст.

Однако, воздавая должное стремлению Ажбе написать работу в новаторской, свободной манере, сложно не заметить, что эта попытка не увенчалась успехом. Полотно производит впечатление некоего беспорядка, не лишённого при этом экспрессии, которая будет в дальнейшем прослеживаться и в работах учеников Ажбе.

И. Грабарь дает следующую характеристику художественным наклонностям своего учителя: «Малоодаренный живописец, он был блестящим рисовальщиком и имел замечательно верный глаз»²². Поэтому хочется отдельно отметить поражающие своим реализмом графические студийные работы Ажбе, такие как, например, «Старик, сидящий в профиль» (1886 г., Национальная галерея, Любляна) и «Сидящий мужчина с поднятой правой рукой» (1886 г., Национальный музей, Любляна). Написанные без какой-либо «сверхзадачи», простые и вместе с тем виртуозные, они захватывают внимание и заставляют возвращаться к ним снова и снова.

Для понимания значения школы Ажбе и влияния, оказанного основными живописными принципами педагога на творчество его учеников, необходимо ознакомиться с художественными направлениями, которых они придерживались, а также с некоторыми их работами.

Интересен тот факт, что многие ученики Ажбе, овладев в его школе навыками реалистической живописи, ушли из нее в импрессионизм, экспрессионизм и даже абстракцию.

Четверо учеников и соотечественников Ажбе Р. Якопич, И. Грохар, М. Яма и М. Стернен, являющиеся представителями словенского импрессионизма, в 1904 г. образовали «Свободное сообщество группы художников Сава», которое с переменным успехом функционировало до 1920 г.

Рассмотрим имевшую большой успех на 3-й художественной выставке в «Народном доме» в Триесте картину И. Грохара «Сеятель» (1907 г., Галерея современного искусства, Любляна). Посети-

тели были настолько потрясены, что посчитали ее достойной стать образом словенского народа²³.

Работа написана в теплых тонах и выполнена в технике импрессионизма. Фигура сеятеля, находящаяся в центре полотна, как будто излучает покой и безмятежность. Она окутана зыбким золотистым светом и отбрасывает легкие синеватые тени.

Можно предположить, что именно «Принцип кристаллизации красок» помог И. Грохару создать это произведение.

Этот же метод, возможно, использовал И. Грабарь – ученик Ажбе, выдающийся российский художник, искусствовед и деятель культуры – при написании картины «Мартовский снег» (1904 г., Государственная Третьяковская галерея, Москва). Искрящийся, переливающийся снег «покрывает» больше половины холста, не создавая при этом ощущения пустоты или неполноты, и, быть может, выступает в роли «главного героя» этого произведения, притягивая внимание зрителя.

Другие ученики Ажбе явно тяготели к экспрессионизму. Это обусловлено комплексным использованием его живописных методов. «Принцип шара» научил художников, отбрасывая все лишнее, вычленивать главное – «большую линию» и «большую форму», о которых писал И. Грабарь²⁴, т. е. мыслить объемными конструкциями. Работая в живописной технике «Принципа кристаллизации красок», ученики Ажбе иногда неконтролируемо перемешивали краски в процессе нанесения на холст, что приносило в их работы элемент случайности и даже драматичности, свойственных экспрессионизму²⁵.

В состав художественного объединения «Синий всадник», сформированного В. Кандинским в Мюнхене в 1911 г., кроме него входили и несколько других учеников Ажбе – Д. Бурлюк, М. Веревкина, А. Явленский. Члены этой, в основном, русско-немецкой группы работали в стиле экспрессионизма²⁶.

Обратимся к автопортрету М. Веревиной («Автопортрет I», 1910 г., Городская галерея Ленбаххауз, Мюнхен), написанному контрастными разнородными мазками в свойственных экспрессионизму ярких, сложных цветовых сочетаниях, не имеющих отношения к действительности. Четким контуром очерчен общий силуэт портрета и выделены черты лица – найдена «большая форма».

Такое же умение выявить главное можно наблюдать в «Портрете Александра Сахарова» (1909 г., Городская галерея Ленбаххауз, Мюнхен) кисти А. Явленского. Фон, фигура и лицо портретируемого даны яркими локальными пятнами без светотеневых моделировок и обрисованы черной широкой линией.

Увлечение экспрессионизмом В. Кандинского нашло отражение во многих его работах, таких как «Картина с лучником» (1909 г., Музей Соломона Гуггенхайма, Нью-Йорк), «День всех святых I» (1911 г., Городская галерея Ленбаххауз, Мюнхен) и других. Остро развитое чувство цвета и формы, стремление к деформации изображаемого и к уходу от природы в итоге привели художника к беспредметной живописи – абстракционизму.

Интересен творческий путь другого ученика словенского педагога – Х. Хофманна, который посещал школу Ажбе в 1902–1904 годах²⁷. Немец по происхождению, он в 30-х годах XX в. эмигрировал в США, где уже под конец жизни после долгого периода работы педагогом внес весомый вклад в развитие абстрактного экспрессионизма. Сложно с уверенностью утверждать, что именно два года обучения у Ажбе повлияли на работы Хофманна 40–60-х годов, однако и в ранних его картинах виден интерес к раздельному нанесению красок (*Pointalist Still Life*, 1902 г.) и зачатки будущей беспредметной экспрессии (*Watercolor Landscape*, 1914 г.).

Ознакомившись с творчеством словенского художника и педагога Антона Ажбе и некоторых его учеников, можно прийти к следующим выводам.

Антон Ажбе, с одной стороны, испытал влияние западноевропейского искусства, а с другой – сам воспитал многих восточноевропейских живописцев.

Несмотря на сходство с аспектами импрессионистической доктрины, задачи Ажбе оставались привязаны к видению будущих возможностей живописи в рамках натуралистической концепции XIX в. Суть различия состоит в том, что Ажбе все еще стремился к достижению полной идентичности натуре, а французские импрессионисты осознали необходимость подчеркивания превосходства картинной плоскости в полноцветной живописи.

Очень важен тот факт, что Ажбе более экспрессивен и драматичен, нежели импрессионисты. Это заметно в картине «В гареме» и в упомянутых выше работах его учеников. М. Тршар видит причину этого явления в сложном, выборочном перенимании немцами французского импрессионизма, обусловленном историческим стремлением северян к драматическому выражению. Используя французскую концепцию чистых цветов, художники Германии, а вместе с ними и Ажбе, находящийся в том же культурном пространстве, все же не могли отказаться от контуров и четких форм и дорабатывали работы тоном, часто деформируя их, что приводило к экспрессии²⁸.

Следовательно, изначально ученикам Ажбе были переданы импрессионистические аспекты его живописного принципа, обу-

словенные влиянием Франции. В свою очередь, в либеральных условиях его мюнхенской школы исторически присущие им, как представителям северных народов, экспрессия и драма вырвались наружу и дали толчок экспрессионизму.

Благодаря выработанной им педагогической системе, Антон Ажбе подготовил своих студентов к эволюции нового живописного реализма, основанного на объемных конструкциях, реализованных посредством цвета. Привитое стараниями Ажбе стремление к более абсолютному, менее предметному воображению и чистому восприятию цвета привело И. Грохара в импрессионизм, М. Веревкину и А. Явленского – в экспрессионизм, В. Кандинского – в абстракцию²⁹, а Х. Хофманна – в абстрактный экспрессионизм.

Примечания

- ¹ *Сарабьянов Д.В.* Русская живопись XIX века среди европейских школ. М.: Советский художник, 1980. С. 107, 112.
- ² *Morrin P.* Some remarks on resent Azbe Scholarship // *Slovene Studies Journal*. PRINCETON University, Princeton, Publication for 1979. № 1. P. 26. [Электронный ресурс] URL: <http://journals.lib.washington.edu/index.php/ssj/issue/view/348> (дата обращения: 17.12.2015).
- ³ *Молева Н., Белютин Э.* Школа Антона Ажбе: К вопросу о путях развития художественной педагогики на рубеже XIX–XX веков. М.: Искусство, 1958.
- ⁴ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Антон Ажбе и художники России. М.: Изд-во МГУ, 2001.
- ⁵ *Anton Ažbe in njegova šola.* Katalog in zbornik. Ljubljana: Narodna galerija, 1962.
- ⁶ *Tršar M.* Anton Ažbe. Ljubljana: Založba Park, 1991.
- ⁷ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Указ. соч. С. 14.
- ⁸ *Добужинский М.В.* Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 152.
- ⁹ *Ambrožič K.* Wege zur Moderne und die Azbe-Schule in München // *Pota k Moderni in Ažbetova šola v Münchnu*. Weisbaden; Ljubljana, 1988–1989. С. 200, 216 (примеч. 48).
- ¹⁰ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Указ. соч. С. 7.
- ¹¹ *Молева Н., Белютин Э.* Указ. соч. С. 44.
- ¹² *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: Автобиография. М.; Л.: Искусство, 1937. С. 130.
- ¹³ *Грабарь И.Э.* Указ. соч. С. 128.
- ¹⁴ *Tršar M.* Op. cit. P. 138.
- ¹⁵ Примечательно, что венский и люблянский учителя Р. Лозара в свою очередь были учениками М. Дворжака.
- ¹⁶ *Morrin P.* Op. cit. P. 30.
- ¹⁷ *Ambrožič Katarina.* Указ. соч. С. 182.

- ¹⁸ *Ambrožič Katarina*. Указ. соч. С. 174–175.
- ¹⁹ *Tršar M.* Указ. соч. Р. 67.
- ²⁰ *Грaбарь И.Э.* Указ. соч. С. 121.
- ²¹ *Tršar M.* Op. cit. Р. 78–79, 82.
- ²² *Грaбарь И.Э.* Указ. соч. С. 126.
- ²³ Slovenski impresionisti in njihov čas 1890–1920: vodnik po razstavi, 23. april 2008–8. februar 2009 / Ljubljana: Narodna galerija, 2012. [Elektronski vir] URL: <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:doc-XZV7ONLA/> (дата обращения: 13.12.2016).
- ²⁴ *Грaбарь И.Э.* Указ. соч. С. 126.
- ²⁵ *Tršar M.* Op. cit. Р. 138.
- ²⁶ *Турчин В.С.* По лабиринтам авангарда М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 37. [Электронный ресурс] URL: http://bookscafe.net/read/turchin_v-po_labirintam_avangarda-163486.html#p37 (дата обращения: 15.02.2015).
- ²⁷ Hans Hofmann. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hanshofmann.org/> (дата обращения: 03.02.2015).
- ²⁸ *Tršar M.* Op. cit. Р. 39, 138.
- ²⁹ *Ibid.* Р. 144.

Влияние архитектурных традиций европейского модернизма на проекты Филиппа Джонсона

Филипп Джонсон заслужил славу одного из крупнейших архитекторов XX в. и по праву стал лауреатом первой Притцкеровской премии. Отголоски влияния стилистических и конструктивных особенностей его проектов слышны сегодня в творчестве крупнейших архитекторов современности, таких как Рем Колхас, Норман Фостер и Ренцо Пиано. Но сам Филипп Джонсон, будучи американским архитектором, в свою очередь учился у европейских архитекторов и перенимал их традиции, иногда буквально цитируя своих предшественников. На какие примеры он опирался при создании своих первых проектов и как сумел выработать индивидуальный подход к архитектуре? Ответив на этот вопрос, мы сможем понять и более глобальный процесс того, как европейский модернизм проник в Америку и стал основой для интернационального стиля и всей архитектуры второй половины XX в.

Ключевые слова: интернациональный стиль, модернизм, постмодернизм, Филипп Джонсон, Мис ван дер Роэ, Ле Корбюзье, Фрэнк Ллойд Райт, Стекланный дом, минимализм, принцип «less is more» (*англ.* «меньше значит лучше»).

Филипп Джонсон начал свою архитектурную деятельность лишь в 36 лет, когда он второй раз поступил в Гарвардский университет на архитектурный факультет. Прожив 99 лет, он был практикующим архитектором до конца своей жизни, и, принимая в 94 года сразу три заказа, сказал: «В моем возрасте вы не будете отказываться ни от чего».

Это был невероятно плодовитый зодчий, чье творчество невозможно охарактеризовать каким-то одним стилем или направлением в искусстве. По его собственным словам, он был одновременно

и функциональным модернистом, и структурным классицистом, и функциональным эклектиком, и постмодернистом. Конечно, в этих словах была некоторая степень преувеличения: эти «стили» во многом были придуманы самим архитектором для определения собственного творчества, но, так или иначе, они действительно отображают огромную вариативность формальных, стилистических и композиционных решений, использованных Джонсоном в различного типа постройках. Надо сказать, что Филипп Джонсон был одинаково хорош как в строительстве небоскребов, так и в строительстве небольших частных особняков, музеев, церквей, библиотек, дизайне парков и монументов и даже проектировании здания ядерного реактора¹.

Филипп Джонсон родился в 1905 г. в городе Кливленд, штат Огайо, в семье потомков иммигрантов из Голландии. По окончании колледжа он поступил в Гарвардский университет, где изучал историю философии. Не закончив обучение, Филипп Джонсон вместе с Альфредом Барром и Генри-Рассел Хичкоком отправляется в Европу, и эта поездка стала поворотным событием в его жизни. Здесь он знакомится с шедеврами архитектуры Старого Света – с Шартрским собором, римским Пантеоном, – а также встречается с архитектором Мисом ван дер Роэ, который в тот момент работал над проектом павильона Германии на Всемирной выставке 1929 г. в Барселоне, ставшего настоящей легендой истории архитектуры. Эта встреча по-настоящему перевернула жизнь Филиппа Джонсона.

Вернувшись в Соединенные Штаты, Филипп Джонсон, Барр и Хичкок при поддержке легендарного урбаниста Льюиса Мамфорда организуют в нью-йоркском музее современного искусства проект «Современная архитектура: международная выставка», который состоялся в 1932 г. К выставке Хичкок в соавторстве с Джонсоном написали книгу, которая получила название «Интернациональный стиль: архитектура с 1922 года». В книге Джонсон изложил три важнейших принципа новейшей архитектуры того времени, которые не утратили актуальности даже сегодня:

- 1) архитектурный акцент делается не на массу, а на объем;
- 2) отказ от симметрии;
- 3) отказ от декора².

Выставка стала поворотным моментом в истории всего американского строительства: она утверждала новые принципы архитектуры без политической идеологии или национальных особенностей. А так как эти формальные характеристики архитектурных решений помимо Вальтера Гропиуса, Миса ван дер Роэ, Ле Корбюзье и Филиппа Джонсона стали применять в своих постройках

и другие архитекторы из разных стран по обе стороны Атлантики, то стиль получил название интернациональный³. Результатом выставки стало появление при МОМА (Музей современного искусства в Нью-Йорке) Департамента архитектуры, директором которого первый год был сам Филипп Джонсон. Экспозиция представила результаты значительных исследований в области теории архитектуры и позволила европейским традициям укорениться в американском искусстве. Благодаря образовавшимся связям в 1935 г. Филипп Джонсон смог организовать первый визит Ле Корбюзье в Нью-Йорк, а затем помочь Мису ван дер Роэ эмигрировать в США⁴.

В 1940 г. Джонсон возвращается в Гарвард и поступает в Высшую школу дизайна на курс Марселя Бройера и Вальтера Гропиуса, где в 1943 г. получает степень бакалавра архитектуры.

Первой постройкой Филиппа Джонсона стал жилой дом на Эш Стрит в Кэмбридже, штат Массачусетс. Формально это была его дипломная работа на степень бакалавра высшей школы дизайна Гарвардского университета. Мало кто из студентов мог позволить себе реализовать свою первую теоретическую работу. Но у Филиппа Джонсона к этому времени уже были и деньги и, разумеется, большие связи в архитектурном мире: его дипломная работа стала воплощением всех теоретических принципов, которые были озвучены в теории нового Интернационального стиля и в рамках выставки 1932 г.⁵

Дом 9 выходит на Эш Стрит глухой стеной почти 3 метра в высоту с одной-единственной неприметной дверью, звонком и почтовым ящиком. Внутри участок поделен примерно пополам: одну часть занимает небольшой сад, а другую – дом, составленный из простейших прямоугольных элементов, «коробка», собранная из готовых заводских блоков, с тремя внешними глухими стенами и сплошным остеклением со стороны сада. Подобное решение, с одной стороны, отсылает нас к немецкому павильону Миса ван дер Роэ на барселонской выставке, с другой – предвосхищает такие постройки, как Фансворт Хаус (1945–1951 гг.) того же Миса ван дер Роэ или Стекланный дом в Нью-Канаане (1949 г.) самого Джонсона, а с третьей – показывает, как зарождалась вся архитектура современных торговых и бизнес-центров и небоскребов⁶. Хотя это была всего лишь робкая попытка сделать архитектуру прозрачной: одна стена, сделанная полностью из стекла, как бы открывается внешнему миру, но в то же время открывается она не на улицу и не в город, а в личное пространство небольшого сада.

В 1946 г. Филипп Джонсон получает первый частный заказ. Его заказчиками становится молодая пара из Нью-Йорка, Ричард и Ольга Буф, которые хотят получить небольшой домик для отдыха на выходных недалеко от Манхеттена. Здесь архитектор действует более свободно: не зажимая сооружение в прямоугольную раму из высокой ограды участка, он располагает его на холме так, что задняя часть сооружения оказывается частично прикрыта ландшафтом и зеленью, а часть остается выложенной кирпичом. Следующим шагом Джонсона станет дом, в котором стеклянными будут уже все стены.

Стеклянный дом Джонсона был открытым парафразом к проекту Фансворт хаус Миса ван дер Роэ (штат Иллинойс, США, 1945–1951 гг.), а также развитием той архитектурной концепции, которая сложилась с самых первых построек Джонсона: дома архитектора в Кембридже на Эш стрит и Буф (Дамора) хаус в Белфорд вилледж, где часть фасадов уже была выполнена из стекла. Нужна была известная смелость, чтобы сделать дом прозрачным со всех сторон: ведь Джонсон осознанно бросал вызов не только архитектурным традициям, но и сознанию человека, принимавшему дом как свою «крепость», в которой всегда можно укрыться, понятиям безопасности, домашнего уюта и личного пространства.

И все же оригинальная идея принадлежала именно европейцу Мису ван дер Роэ. Макет Фансворт хауса был представлен на персональной выставке архитектора в 1947 г., которую Джонсон организовал в нью-йоркском MOMA. Надо сказать, что к тому времени Джонсон уже ассимилировал идеи немца в Америке, положив их в основу интернационального стиля⁷.

Проект вызвал шквал критики среди американской культурной общественности. Кто-то восхвалял его за смелые архитектурные решения, кто-то осуждал как «коммунистическую попытку подрывать основы американской культуры»⁸. Особенно невзлюбил европейский модернизм самый «американский» из архитекторов того времени Фрэнк Ллойд Райт, критиковавший впоследствии и Джонсона. В одной из своих статей Джонсон назвал Райта одним из величайших архитекторов в истории. В ответ на что Райт написал ему личное письмо: «Если вы считаете меня великим, то почему же вы подражаете не моей архитектуре?»⁹ Но Джонсон, напротив, создал чистейший образец минималистичного дизайна, геометрии, пропорций прозрачной, «невидимой» архитектуры и один из самых важных и самых влиятельных проектов модернизма¹⁰. Стеклянный дом стал одним из ранних примеров строительства «уникальной» (а не промышленной) архитектуры из индустриальных материалов – стали и стекла.

Дизайном ландшафта занимался сам Джонсон при участии своего друга и компаньона, критика, коллекционера и куратора Дэвида Уитни. В ландшафте они стремились воссоздать пейзажи классических картин: так, с восточной стороны открывался вид на пейзаж с картины «Похороны Фокиона» (1648 г.) французского художника Никола Пуссена. Джонсон говорил, что «такие живые обои стоили ему целое состояние»¹¹. Однажды Фрэнк Ллойд Райт посетил стеклянный дом, и его спросили, понравилась ли ему архитектура Филиппа Джонсона, на что он с улыбкой ответил: «Разве это была архитектура? Мне показалось, что я все время находился в саду»¹².

Стеклянный дом совсем небольшой по размеру: 17 м в длину, 9,8 м в ширину и 3,2 м в высоту. Кухня, спальня и столовая зоны составляют единое пространство, окруженное стеклом внешних стен. Пол вымощен простым кирпичом и приподнят над землей на четверть метра. Интерьер зонирован невысокими кабинетами из орехового дерева. Единственным «непрозрачным» помещением, разграничивающим пространство дома от пола до потолка, стала круглая ванная комната, встроенная прямо в середину дома. Внутри Джонсон в очередной раз подчеркивает свое уважение к Мису ван дер Роэ и воспроизводит интерьеры Барселонского павильона, обставляя Стеклянный дом такой же мебелью (в том числе использует кресло «Барселона» с кожаной светло-коричневой обивкой)¹³. Впоследствии на участке в 47 акров появилось еще 13 построек в модернистском духе. Так как все они были построены в разное время, то, не выходя за пределы участка, можно проследить, как эволюционировал индивидуальный стиль архитектора. Все постройки представляют собой различные вариации и комбинации прямоугольных и округлых форм, повторяя друг друга или чередуясь и образуя пространственную ритмическую композицию.

В 1956 г. Джонсон начинает работать над интерьерами небоскреба Сигрем Билдинг совместно со своим кумиром Мисом ван дер Роэ. Это сооружение стало своего рода манифестом интернационального стиля, воплотив в своем решении архитектурный принцип, обозначенный Мисом как «меньше – значит лучше»¹⁴ и подразумевающий отсутствие нефункциональных украшений и использование открытой конструкции как системы декора. Мис ван дер Роэ хотел вынести стальные балки опорных элементов наружу, но так как такое решение не отвечало требованиям безопасности, ему пришлось сделать имитацию этих конструкций из бронзовых продольных балок во всю высоту здания, покрыв ими фасады. Джонсон прекрасно осознавал всю революционность подобного решения и хотел ему соответствовать. Поэтому он оформляет интерьер в таком же минималистичном

духе: пространство лобби и ресторана Four Seasons он выполняет в светлых тонах, дополняя его акцентами из вертикальных панелей дорогих материалов, темных пород дерева, дверей и мебели.

Параллельно с работой над интерьерами Сигрем Билдинг Джонсон продолжает выполнять частные заказы, разрабатывая те архитектурные решения, которые проявились в Дамора Хаус и Стеклянном доме. Но однообразие чистого интернационального стиля и архитектурного модернизма быстро исчерпывает себя для Джонсона. Поиск независимого творческого самовыражения и попытка освободиться из-под влияния Миса ван дер Роэ приводят к появлению совершенно новых архитектурных решений в заказах, за которые он берется¹⁵.

Институт Искусств Мансон-Уилльямс-Проктор в Утике, штат Нью-Йорк, основанный в 1919 г., в 1957 г. по совету ведущего архитектурного критика Генри-Рассела Хичкока выбирает Филиппа Джонсона архитектором нового здания Музея искусств. Концепция музея была представлена в 1958 г. на Всемирной выставке в Брюсселе, где получила высокую оценку критиков¹⁶. Архитектор предложил новую концепцию музея, включавшую не только выставочные пространства, но также залы для кинопоказов, музыкальных спектаклей, художественных мастер-классов и лекций. В связи с разнообразной программой Джонсон сосредоточил свое внимание на решении вопросов, связанных с циркуляцией посетителей, освещением и приспособляемостью и трансформацией пространств.

Внешняя композиция здания Музея представляет собой кубический монолитный объем, облицованный серым канадским гранитом, с двумя покрытыми бронзой пилонами. Стекло как материал модернистской архитектуры заменяется здесь на камень. Центральный двухсветный зал музея освещается через стеклянную крышу. Вокруг него располагаются выставочные пространства различных форм, размеров и функционального предназначения.

Многие исследователи творчества Филиппа Джонсона, в частности автор главной монографии «Филипп Джонсон: жизнь и творчество» Франц Шульц, утверждают, что в этот период архитектора начинает вдохновлять немецкая неоклассическая архитектура¹⁷. Шульц полагает, что прообразом для музея Мансон-Уилльямс-Проктор становится Старый музей Берлина, построенный в 1830 г. Карлом Фридрихом Шинкелем: общим для них становится осевая симметричная композиция фасада и внутренний двор скульптур со световой крышей, к которым он добавляет минималистичную отделку из очень дорогих материалов. Эта стилистическая тенденция становится главной идеей его выступления с лекцией в 1961 году в Берлине по случаю 180-летия Шинкеля, где

Джонсон заявил, что ему и всем модернистам есть чему поучиться у неоклассиков. Архитектурные критики Зигфрид Гидион и друг Джонсона Генри Рассел Хичкок также акцентируют внимание на влиянии итальянской и немецкой неоклассической архитектуры на творчество Филиппа Джонсона¹⁸.

В то же время нельзя не отметить, что идея кубического объема здания с гладкими, освобожденными от декора фасадами, чья основная масса приподнята над землей (нижняя остекленная галерея здесь существует, просто утоплена на уровень цокольного этажа), принадлежала не Джонсону. Правда, на этот раз и не Мису ван дер Роэ: теперь он начинает цитировать Ле Корбюзье, а здание музея в Утике можно также сравнить с виллой Савой, построенной Ле Корбюзье в 1929–1930 годах. Вилла считается одним из чистейших образцов интернационального стиля в европейском варианте Ле Корбюзье, поэтому нельзя в полной мере говорить о смене ориентиров в творчестве Джонсона: скорее это «вариации на тему».

Так или иначе, музей Мансон-Уильямс-Проктор в Утике 1960 г. стал очередным манифестом Джонсона – на этот раз новой была концепция музейного дизайна. С этого момента музей перестает быть просто выставочным пространством с развешенными и расставленными в нем произведениями искусства и становится мультимедийным комплексом с различными функциональными возможностями.

Влияние архитектуры Ле Корбюзье еще какое-то время будет определяющим в творчестве Филиппа Джонсона. Сознательно или нет, он будет воспроизводить формальные решения швейцарца. Яркий тому пример – Музей искусств Амона Картера, по решению фасада похожий на Дворец Юстиции в Чандигархе (штат Пенджаб, Индия, 1951–1957 гг.).

В то же время на здание этого центра искусств и последовавшего за ним музея Шелдон можно посмотреть как на проявление черт классической итальянской архитектуры: изящный арочный портик, наложенный на стеклянную поверхность с площадью перед зданием. Сам Джонсон не раз восхищался архитектурой Италии и, в частности, площадью Сан-Марко в Венеции. Выступая с лекцией в Йельском университете в 1959 г., он сказал:

Мы не можем не знать истории. История – это моя страсть. Я собираю все, любые факты и события. Я не могу создавать новое, не держа истории у себя перед глазами. И я хочу предложить историю в качестве замены для интернационального стиля, который сегодня лежит в руинах вокруг нас. И я говорю «Ура!» истории и благодарю Бога за Адриана, Бернини, Ле Корбюзье и Винсента Скалли!¹⁹

Проект Шелдон-музея становится еще более «итальянским». При сходстве с работами Ле Корбюзье, заметном при быстром и поверхностном взгляде на объект, можно отметить и другое: колонны стали более стройными, а чередование поверхностей каменной стены и сплошного остекления – более продуманным. Кстати, здесь для строительства использовался настоящий итальянский травертин, доставленный в виде необработанных блоков прямо из-под Рима²⁰. Внутри же открывается совершенно неожиданное зрелище: своды большого зала музея сделаны так, как делались в древнеримских базиликах, и покрыты сусальным золотом.

Несмотря на всю эклектичность проектов и некоторую вторичность идей, первые три крупные музейные работы Джонсона – в Утике, Фори-Уорте и Линкольне – стали отправной точкой для формирования индивидуального архитектурного почерка Джонсона, оказав большее влияния даже не на развитие какого-либо архитектурного стиля в глобальном смысле, а на сами принципы организации музейных пространств и музейного строительства.

В 1970-е годы Джонсон строит Часовню Ротко (Хьюстон, штат Техас, 1971 г.) и Капеллу Дня Благодарения (Даллас, штат Техас, 1976 г.). Это прекрасные проекты, демонстрирующие попытки архитектора стать «непохожим» на своих предшественников. В конце 1970-х среди проектов Джонсона становится все больше и больше небоскребов. И как только Джонсон становится на путь постмодернизма, все его цитаты и компиляции из заимствованных элементов, определившие постмодернизм как стиль (или «бесстиль»), находят себе место. Таким образом, Джонсон, привив на восприимчивой культурной почве США европейский модернизм, создал понятие интернационального стиля и первые образцы архитектуры постмодернизма, среди которых выдающиеся Кристальный собор в Гарден Грув, Калифорния (1980 г.), Часовня Святого Василия в Академическом дворике Университета Сен-Томас (Хьюстон, штат Техас, США, 1992 г.) и Ворота Европы (Мадрид, Испания, 1989–1996 гг.), во многом опередив свою эпоху и своих современников.

Примечания

¹ Имеется в виду здание ядерного исследовательского центра «Нахаль Сорек», Израиль (1956–1959), спроектированное Филиппом Джонсоном.

² *Hitchcock H.-R., Johnson Ph. The International Style: Architecture Since 1922.* N.Y.: W.W. Norton, 1997. P. 7.

³ *Ibid.* P. 10.

- ⁴ *Schulze F.* Philip Johnson: Life and Work. University of Chicago Press, 1994. P. 67.
- ⁵ Ibid. P. 39.
- ⁶ Ibid. P. 78.
- ⁷ Ibid. P. 72.
- ⁸ *Mason Ch.* Behind the Glass Wall // Сайт “New York Times”. [June 7, 2007, retrieved August 8, 2010]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nytimes.com/2007/06/07/garden/07glass.html> (дата обращения: 4.11.2015).
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ *Lewis H., O'Connor J.* Philip Johnson: The architect in his own words. N.Y.: Rizzolini International Publ., 1994. P. 97.
- ¹¹ Ibid. P. 107.
- ¹² *Schulze F.* Op. cit. P. 83.
- ¹³ *Bevk A.* People in Glass Houses: The Practical and Conceptual Challenges of Public Access in MidCentury Modernist Residences. [Электронный ресурс] URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1098&context=hp_theses (дата обращения: 27.12.2016).
- ¹⁴ *Schulze F.* Philip Johnson: Life and Work. P. 72.
- ¹⁵ *Jenkins S., Mohnhey D.* The Houses of Philip Johnson // Abbeville Press, 2001. P. 74.
- ¹⁶ *Schulze F.* Op. cit. P. 171.
- ¹⁷ Ibid. P. 180.
- ¹⁸ *Pundt H.-G.* K.F. Schinkel's Environmental Planning of Central Berlin // Сайт “Architecture Designer Innovation Program” [The Journal of the Society of Architectural Historians. Vol. 26. № 2 (May, 1967), pp. 114–130]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.adip.tu-berlin.de/wp-content/uploads/2011/05/1967-PUNDT-K.-F.-Schinkels-Environmental-Planning-of-Central-Berlin-1.pdf> (дата обращения: 15.11.2015).
- ¹⁹ *Schulze F.* Op. cit. P. 358.
- ²⁰ Ibid. P. 377.

Уровень полтора: Коммуникативные основы плоских визуальных искусств

Предлагается модификация иерархии первичной и вторичной (моделирующих) систем, где первичной будет коммуникативная система (не обязательно вербальная), а вторичной – надстроенная над ней художественная. Анализ существующих видов искусства показывает, что почти все они надстроены над тремя первичными системами: помимо вербального языка, это язык тела и язык плоской визуальной коммуникации. Если первые два природных языка предшествовали надстроенным над ними искусствам, то третий, наоборот, складывался как система коммуникации вместе со своими искусствами, причем в среде, не являющейся для человека вполне естественной. Все это делает его абсолютно уникальным явлением в человеческой культуре.

Ключевые слова: теория искусства, теория коммуникации, вторичные моделирующие системы, плоские визуальные искусства, язык плоской визуальной коммуникации.

1

Во времена расцвета структурализма Юрий Лотман предложил рассматривать искусство как «вторичную моделирующую систему», надстроенную над «первичной» – естественным языком. Сейчас такая иерархия сохранилась лишь в культурологии, но в искусствоведческих работах она давно уже не употребляется.

И то и другое неудивительно. Вербальный язык является и важнейшей основой каждой из культур (границы которых, в свою очередь, в основном совпадают с ареалами соответствующих языков), и одним из ретрансляторов их неязыковых элементов. С искусствами ситуация иная. Конечно, литература является вторичной

системой над языком, который она использует своим особым, художественным образом. Однако для других искусств эта иерархия не работает, поскольку ни одно из них сколько-нибудь убедительно свести к вербальному языку так и не удалось. В результате такая терминология по отношению к визуальным искусствам нечасто применялась даже в структуралистские времена (показательно, что и сам Лотман в книге про кино ни разу не назвал его вторичной моделирующей системой), а теперь она не используется и в филологии, превратившись из активного инструмента в объект исторического исследования¹.

Однако иерархию первичной и вторичной систем можно понимать и шире, как такую ситуацию, когда некоторая художественная («вторичная») система надстроена над некоторой коммуникативной («первичной»), уже *не обязательно вербальной*. Собственно говоря, первые шаги в эту сторону сделал уже Лотман, в своей знаменитой «Структуре художественного текста» оговорившись, что ««вторичный по отношению к языку» следует понимать не только как «пользующийся естественным языком в качестве материала». Если бы термин имел такое содержание, то включение в него несловесных искусств было бы явно неправомерно. <...> Вторичные моделирующие системы... строятся *по типу языка*»². Это расплывчатое «по типу» Лотман аргументировал тем, что, во-первых, в искусствах можно выделить синтагматические и парадигматические связи, и, во-вторых, что искусство надстроено над сознанием, а «сознание человека есть сознание языковое»³. Но первого еще явно недостаточно, чтобы считать искусство «семиотическим объектом», а второе само нуждается в доказательствах, которых до сих пор так и не было получено.

Поэтому следующий шаг должен состоять в том, чтобы вообще избавиться от вербального языка в определении первичной системы. Заодно избавимся и от слова «моделирующая», которое появилось отчасти для конспирации, чтобы запутать партийное руководство⁴, и при этом отвечало специфическому пониманию искусства как модели действительности⁵. А поскольку представление о многоуровневости систем можно использовать даже в том случае, когда мы не рассматриваем искусство как модель, то это слово не добавляет к иерархии ничего существенного и лишь беспричинно сужает область ее применения. В принципе его можно заменить на «коммуникационная», что было бы верно по сути (можно дискутировать, является ли искусство моделью действительности или/и знаковой системой, но вот то, что любое искусство есть система коммуникации, совершенно несомненно), однако запутывало бы в

применении, поскольку смысл оппозиции первичного и вторичного – в разграничении нехудожественной и художественной коммуникаций, а не в отождествлении их. Так что обойдемся без прилагательного.

Итак, под *вторичной системой* будем понимать любую художественную систему, т. е. любое искусство, а под *первичной системой* – любую самостоятельную нехудожественную систему коммуникации, которую надстроенная над ней вторичная система преобразует особым образом в эстетических целях. То есть первичная система должна использоваться и вне художественного контекста (самостоятельность), а при художественном применении – не просто цитироваться, но работать необычным для нормального употребления способом (преобразование), будучи при этом включенной в структуру вторичной системы (надстроенность), а не употребляясь окказионально. Если, например, на фотографии изображены элементы какой-либо пиктографической системы – скажем, дорожные знаки, – такого рода цитирование не превращает систему в первичную, даже несмотря на то что семантика этих знаков вполне может быть встроена в смысл данной конкретной фотографии.

Первый вопрос, возникающий при виде этой иерархии – ко всем ли искусствам она применима? Любое ли искусство надстроено над какой-либо системой нехудожественной коммуникации? Изначальная («моделирующая») концепция отвечала на этот вопрос утвердительно – но лишь за счет так и не подтвержденной гипотезы, что первичной системой всегда является вербальный язык. И раз мы эту гипотезу отвергаем, то перед нами предстает необходимость проверить каждое из искусств на наличие под ним коммуникационной системы. На данный момент о положительном результате такой проверки можно говорить только в двух случаях. Первый, это, естественно, литература, надстроенная над вербальным языком.

Второй случай – это киноискусство, надстроенное над специфической системой коммуникации, которую автор этих строк предпочитает именовать «киноязыком»⁶, а Кирилл Разлогов называет «языком экрана»: киноискусство «сохраняет свою творческую функцию по отношению к “языку экрана” точно так же, как художественная литература по отношению к языку естественному»⁷. Эта иерархия оказалась весьма продуктивной, во-первых, для описания до- или нехудожественных форм кинематографа: раннего кино, еще не ставшего искусством, и кинохроники, существовавшей во времена расцвета киноискусства, но искусством не являвшейся. А главное, во-вторых, – для решения проблемы взаи-

моотношений кино и телевидения, первое из которых в наше время является чистым искусством, тогда как второе искусством является только частично, в отдельных форматах и жанрах; все остальное в нем – чистый киноязык, язык экрана, первичная система.

Остается выяснить, как обстоят дела в других классических искусствах.

2

Как показывает пример с киноязыком, первичная система может быть далеко не очевидной, и ее существование может выявляться только с помощью специального анализа. Поэтому проверку наличия первичной системы под данной вторичной невозможно проводить путем перебора известных систем нехудожественной коммуникации (не говоря уже о том, что исчерпывающего общепризнанного перечня таких систем на данный момент нет), и мы каждый раз должны допускать наличие неизвестной системы. Но это, в свою очередь, может приводить к постулированию сомнительных или даже вовсе не существующих систем. Значит, нужен четкий разграничивающий критерий.

Введем такое *операциональное определение*, вполне соответствующее нашему определению двух систем. Вторичная (художественная) система – такая, что любое созданное в ее рамках сообщение обязательно подчиняется тому или иному эстетическому критерию, тогда как в первичной (чисто коммуникационной) системе это подчинение необязательно. Про любое художественное произведение можно спросить, например, красиво оно или некрасиво, и получить тот или иной ответ – неважно какой, важно лишь то, что этот вопрос *всегда можно поставить*. Нехудожественное сообщение тоже в принципе может быть красивым или корявым, но в норме оно ни то и ни другое – как обычная информационная заметка в газете или обычный репортаж в теленовостях, – и вопрос о его красоте не имеет смысла.

Итак. Инструментальная музыка явно не надстроена целиком над какой-либо полноценной системой коммуникации – здесь можно обойтись и без операционального определения, поскольку человечество очень мало использует неголосовые звуки в коммуникационных целях. Древний барабанный телеграф, да современные различные гудки. Но барабанный телеграф локален, так что если какая музыка и надстроена над ним, то только африканская. А гудки не составляют полноценных систем, а если они используются

в последовательности (как, например, сигнал о начале сообщения в аэропортах), то эта последовательность тут же оказывается музыкальной – красивой или нет. С другой стороны, общеизвестна связь музыки с речевой интонацией (а в тональных языках – также и с тоном гласных). Так что здесь, по-видимому, можно говорить о *частичной* надстроенности над опять же *частью* системы вербального языка.

С вокальной (и соответственно вокально-инструментальной) музыкой ситуация несколько иная, поскольку она включает в себя литературный текст, надстроенный над естественным языком. Более того, поскольку вокальная музыка, вероятно, появилась первой, исторически можно говорить о генетической надстроенности *всей* музыки над языком, которая со временем значительно ослабла. В целом же можно заключить, что музыка как искусство не является полностью надстроенной над какой-либо первичной системой, но она частично надстроена над вербальным языком – над его частью или над всем, в зависимости от рода музыки.

Более однозначна ситуация с застывшей музыкой. Человечество не склонно коммуницировать с помощью различных объемов, а цвета и текстуры не образуют законченных самостоятельных коммуникативных систем. Операционально же все совсем просто: любая постройка красива или некрасива, и даже про чисто функциональную коробку с окнами, не претендующую ни на малейшую эстетичность, мы обязательно скажем, какая она уродливая. Так что архитектура, очевидно, является стерильным примером вторичной системы безо всякой первичной.

К трем сценическим искусствам двинемся со стороны, сначала немного не дойдя до самой сцены. А именно, пока ограничимся танцем, который является не чем иным, как облеченным в художественную форму доведенным до совершенства языком позы и жеста. Поза и жест, наряду с мимикой и взглядом (которые играют в танце сравнительно меньшую роль), образуют совершенно самостоятельную и вторую по значимости для человечества после вербального языка систему коммуникации, которую мы в дальнейшем для простоты будем называть *языком тела*⁸. Таким образом, танец целиком надстроен над своей первичной системой коммуникации.

При этом случай танца и языка тела – в некотором роде даже еще более ясный пример пары из вторичной и первичной систем, чем случай литературы и языка. Дело в том, что поэзия опирается не только на язык, но также и на музыку (по крайней мере, исторически), а проза недостаточно четко разграничена с нехудожественной речью (особенно в наше время, когда нон-фикшн все более и

более признается литературой). А жестко отделенный от нехудожественного языка тела танец отточенно надстроен над ним и ни над чем иным. Правда, последнее верно лишь постольку, поскольку мы не принимаем в расчет сопровождающую его музыку, которая все-таки частью самого танца не является.

Будучи помещенным на сцену, танец останется в тех же отношениях со своей первичной системой – но только до того момента, пока не установят декорации и не включат софиты. Когда же это произойдет, и танец превратится в балет, он не потеряет, естественно, связи со своей первичной системой, но уже не будет надстроен над ней полностью, поскольку выразительный свет и декорации не относятся к языку тела – равно как и, по-видимому, к какой бы то ни было иной полноценной системе нехудожественной коммуникации. Аналогично положение дел с оперой и драматическим театром. Тем самым основа сценических искусств – мизансцена (понимаемая в традиционном для отечественного искусствоведения узком смысле, как расположение актеров на сцене⁹) полностью надстроена над языком тела, но остальные их элементы над первичной системой не надстроены. То есть в целом эти искусства надстроены над своей первичной системой лишь частично.

Над той же самой первичной системой языка тела надстроена и скульптура: фигуративная, по-видимому, целиком, а нефигуративная – лишь отчасти, в том, что касается пластичности как таковой, а в остальном она сближается с архитектурой. При этом первичная система, лишенная принципиально важного для нее временного аспекта, оказывается здесь существенно обедненной.

Случай живописи, на первый взгляд, похож на случай театра, поскольку она, как и он, частично опирается на язык тела – однако, как и в скульптурном случае, обедненный статичностью. Но главное, если в театре мизансцена является основополагающим выразительным средством, то на холсте она играет настолько второстепенную роль, что этот термин в приложении к живописи искусствоведы обычно не используют, помещая его содержание внутрь понятия «композиция». В остальном – и самом для нее важном – она выглядит не имеющей первичной системы: про любую нарисованную человеком картинку, даже не преследующую художественных целей, всегда можно сказать, красива она или некрасива. Это относится и к диаграммам, схемам, географическим картам и так далее – за единственным исключением технических чертежей, которые выполняются по настолько строгим правилам, что об их красоте говорить обычно странно. Но не менее странно было бы говорить о живописи как о системе, надстроенной над чертежами,

поскольку специфические коммуникативные средства последних в живописи не применяются.

Наконец, фотография по своим средствам выражения является своего рода усеченной живописью: в ней нет мазка и нет свободы выбора системы перспективы, а все остальное примерно то же самое. Поэтому естественно было бы предположить и у нее те же самые отношения – вернее, почти полное их отсутствие – с первичной системой. Однако с операциональной точки зрения возникает совершенно иная ситуация, сходная со случаем кино. Помимо художественной фотографии существуют репортажная, техническая, научная, семейная и т.п., и снимки этих видов тоже могут быть сколь угодно красивыми или уродливыми, но могут и не быть – и очень часто не бывают. Про фотографию на паспорт можно сказать, что она удачная (то есть правильно решает свою коммуникативную задачу), но сказать, что она красива как фотография, если и возможно, то лишь в отдельных случаях. Более того, если она действительно окажется красивой, ее могут отказаться принять официальные органы – подобно тому, как красиво снятый новостной телерепортаж имеет меньше шансов выйти в эфир, чем снятый обычным, нейтральным в художественном отношении способом.

И при этом нехудожественная фотография не просто протоколно передает имманентные свойства изображаемых объектов – она передает те их свойства, которые отправитель фотографического сообщения выделил с помощью специфических коммуникационных средств. Важнейшим из этих средств является композиция кадра – но используемая не в эстетической функции, а в чисто коммуникативной: прежде всего для того, чтобы выявить основной объект (объекты). В противном случае придется потом рисовать на снимке кружочек или стрелочку – что, впрочем, тоже будет специфическим средством выражения, но уже совсем не художественным. С кружочком или без, фотокомпозиция может не выдерживать нашего вопроса о своей красоте, но она должна быть, во всяком случае, понятной или непонятной. То же самое относится и к другим средствам (свет, цвет, ракурс и т. д.), также применяемым здесь в качестве средств выражения, а не выразительности.

Таким образом, вторичная система фотоискусства надстроена над первичной системой, которую по аналогии со случаем кино можно было бы назвать фотоязыком, если бы не одно странное обстоятельство. Поскольку художественные средства фотоискусства в основном совпадают с живописными художественными средствами, то получается, что и вторичная система живописи надстроена над этим «фотоязыком» – языком нехудожественной фотографии,

появившейся тысячелетиями позже... В принципе ничего страшного в этом парадоксе нет: выше мы видели примеры вторичных систем, постепенно ухотивших от своих изначальных первичных, так что вполне возможно допустить и противоположную ситуацию запоздалого возникновения первичной системы под зрелой вторичной. Более того, вполне логично предположить, что долгие века первичная система содержалась в живописи имплицитно, дожидаясь, пока с появлением фотографии она найдет свое эксплицитное выражение.

Эта система имеет мало общего с другими известными системами, кроме одной – киноязыком, который частично с ней совпадает. Кинокадр, в котором нет движения, и рассматриваемый вне монтажного контекста, в коммуникативном плане ничем не отличается от фотографии. Кино есть движущаяся фотография, а киноязык есть расширение фотоязыка. Поэтому можно говорить о них как о двух манифестациях одной и той же первичной системы. С другой стороны, это расширение настолько значительно, что также вполне возможно говорить о них и как о двух тесно связанных между собой, но все-таки разных системах. Автору этих строк более плодотворным представляется первый путь.

Таким образом, существует первичная система, общая для всех плоских визуальных искусств и коммуникации (живопись, фотография, кино, телевидение, видеоарт, веб-дизайн и т. п.), которую за неимением сколько-нибудь подходящего универсального слова будем называть громоздкой аббревиатурой *язык плоской визуальной коммуникации* (далее – ЯПВК). Этот язык имеет статичный вариант и расширяющий его динамичный с монтажной склейкой, в котором, в свою очередь, существует немой диалект и расширяющий его звуковой.

3

Итак, мы обнаружили довольно много вариантов взаимоотношений вторичной системы и первичной.

Во-первых, есть разные варианты по степени надстроенности одной системы над другой. Здесь может быть полная и почти полная надстроенность (литература над вербальным языком; скульптура над языком тела; плоские визуальные искусства над ЯПВК). Возможна частичная надстроенность с разными градациями – как относительно сильная (сценические искусства над языком тела), так и сравнительно слабая (музыка над некоторыми аспектами

языка). Наконец, первичной системы может вообще не быть (архитектура).

Во-вторых – чему мы для простоты изложения не уделили достаточно внимания, – возможна надстроенность (по крайней мере, частичная) сразу над несколькими системами: драматический театр опосредованно (через драматургию, считающуюся родом литературы) частично надстроен также над вербальным языком, а кино частично надстроено над ним же безо всякого формального посредства. Вообще говоря, есть основания считать, что *слабая* надстроенность над вербальным языком или/и языком тела в той или иной степени имеет место во всех вторичных системах (даже архитектуру при желании можно отчасти связать и с языком тела – через идею пластичности, и с вербальным языком – например, через символические элементы, ордерную систему и т. п.). Но не будем усложнять конструкцию.

Кроме того, в-третьих, вторичная система может быть надстроена надо всей первичной системой (литература), а может быть надстроена только над ее частью (скульптура над статичным аспектом языка тела; инструментальная музыка над интонацией и тоном языка). Раз мы предпочли рассматривать ЯПВК как один язык, а не два, то такая ситуация имеет место и в случае фотографии и живописи, надстроенных над статичным вариантом ЯПВК.

Но при всем этом многообразии взаимоотношений вторичных и первичных систем самих законченных первичных систем оказалось очень мало: вербальный язык, язык тела и ЯПВК – то есть всего лишь три (или, в крайнем случае, четыре, если считать последний язык за два). Несмотря на огромные отличия этих языков друг от друга, трудно не заметить то общее, что есть у первых двух и что принципиально отличает их от последнего. А именно: вербальный и телесный языки существовали сами по себе, и только потом над ними выросли соответствующие искусства, тогда как нехудожественная плоская визуальная коммуникация намного младше одного из своих искусств (живописи), и лишь чуть-чуть старше двух других (искусства фотографии и киноискусства), и ее язык в значительной степени формировался под их влиянием.

Возникает понятное искушение дифференцировать их как, соответственно, естественные и искусственный. Это было бы правильным по отношению к вербальному и телесному языкам, естественность которых не вызывает сомнений, но едва ли было бы верно по отношению к ЯПВК. Дело в том, что искусственный

язык – это язык, разработанный сознательно и целенаправленно (т. е. собственно искусственно): эсперанто, язык программирования, система дорожных знаков. Язык плоской коммуникации никто специально не изобретал, он формировался сам, без какого бы то ни было сознательного управляющего контроля с чьей бы то ни было стороны. То есть с самого начала развивался совершенно естественным образом – но просто в такой обстановке, которая не была изначально для человека естественной.

Поэтому, вероятно, точнее было бы говорить об оппозиции двух *природных* и *неприродного* языка – тем более что язык тела в той или иной степени существует и у животных, то есть в самой что ни на есть дикой природе. Также, учитывая обстоятельства формирования различных коммуникативных и художественных систем, можно говорить о том, что вторичные по отношению к природным языкам системы *надстроены* над ними, тогда как первичная система языка плоских визуальных искусств де-факто *подстроена* под этими искусствами. Наконец, еще одной немаловажной особенностью ЯПВК является то, что он и сам отчасти опирается на язык тела – то есть частично надстроен над ним, и, таким образом, не может считаться вполне первичным в буквальном смысле этого слова.

Все это не позволяет поместить ЯПВК на тот же уровень, что и природные языки, и требует определить его собственный, особый уровень, лежащий выше уровня первичных систем, но явно ниже уровня систем вторичных. Назовем этот промежуточный уровень *уровнем полтора*. От первого уровня его отличает неприродное происхождение, сближающее его с уровнем вторичных систем, от которых он, в свою очередь, отличается чисто коммуникативной, нехудожественной сущностью, такой же, как и у первичных систем.

Все вышесказанное можно резюмировать в виде схемы взаимоотношений уровней коммуникации (рис. 1). Бросающееся на ней в глаза одинокое положение ЯПВК на своем полуторном уровне не столько вызывает желание разделить его на два языка (статичный и динамичный), сколько подчеркивает его уникальность. Это, по-видимому, единственная полноценная (хотя и используемая пока преимущественно в одностороннем виде, а не дуплексно) система нехудожественной коммуникации, несводимая ни к языку, ни к языку тела, созданная человечеством. При этом она выросла, в основном обслуживая интересы искусства, и лишь потом стала полноценной коммуникативной системой, что тоже отличает ее от других систем.

Но главное – что в конечном счете и вывело ее на отдельный уровень, – это то, что она возникла в среде, не являющейся для человека природной. Если язык тела возник в естественном для всех организмов трехмерном зрительном пространстве, а вербальный язык – в столь же естественной акустической среде, то ЯПВК возник на плоскости – вообще говоря, не совсем обычной среде для трехмерных существ в трехмерном мире. Это подчеркивает как важность именно плоскостной природы живописи, фотографии и кино (о которой зачастую забывают), так и способность человечества бессознательно создавать системы общения даже в тех условиях, к которым он не предназначен природой.

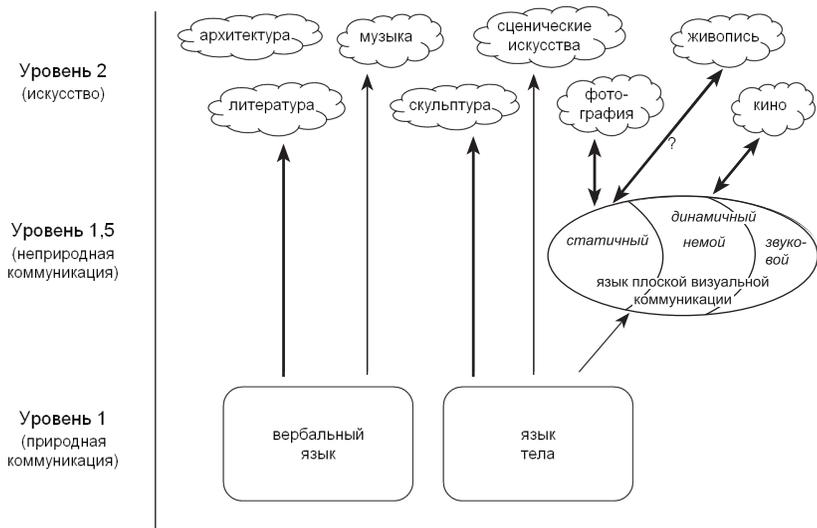

Рис. 1. Схема взаимоотношений художественных (уровень 2) и коммуникативных (нижние уровни) систем

Жирной стрелкой обозначена полная или почти полная надстроенность. Тонкой стрелкой обозначена существенная частичная надстроенность. Случаи слабой частичной надстроенности (в том числе и опосредованной – как, например, надстроенность сценических искусств через литературу над вербальным языком) ввиду своей многочисленности и разветвленности на схеме не показаны

- ¹ Например, в работе: *Поселягин Н.В.* О понятии «вторичные моделирующие системы»: Из истории раннего российского структурализма // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2010. № 1. С. 13–20.
- ² *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб., 1998. С. 21–22 (курсив Ю.М. Лотмана). Стоит подчеркнуть, что в более ранних работах позиция Лотмана в этом отношении была более жесткой, например: «Системы, в основе которых лежит натуральный язык и которые приобретают дополнительные сверхструктуры, создавая языки второй степени, удобно называть вторичными моделирующими системами. Искусство будет нами рассматриваться в ряду вторичных моделирующих систем» (*Лотман Ю.М.* Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю.М. Об искусстве. С. 387). Как видим, *любое* искусство рассматривается как сверхструктура непосредственно над естественным языком, и никаких оговорок о возможном его строении «по типу» языка здесь нет.
- ³ *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. С. 22.
- ⁴ Как пишет Владимир Успенский, которому и принадлежит авторство термина, он «предложил Лотману назвать его школы “Летними школами по вторичным моделирующим системам”. Название ...обладало следующими ключевыми достоинствами: 1) звучит очень научно; 2) совершенно непонятно; 3) при большой нужде может быть все же объяснено... К этому названию невозможно было придаться» (*Успенский В.А.* Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // *Успенский В.А.* Труды по НЕматематике. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 1171).
- ⁵ Борис Успенский впоследствии сформулировал это с полной определенностью: «Язык понимался как первичная моделирующая система – язык моделирует действительность. Над ним надстраиваются вторичные системы, моделирующие частные аспекты этой действительности» (*Успенский В.А.* К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: Сб. М.: Гнозис, 1994. С. 275).
- ⁶ *Филиппов С.А.* Киноязык и история. Краткая история кинематографа и киноискусства. М.: Альма Анима, 2006. С. 8. С сожалением приходится признать, что, вводя эту оппозицию, автор неосторожно заявил, что «каждый вид искусства есть частный случай некоего вида коммуникации» (Там же; курсив в первоисточнике отсутствует), не имея к тому никаких фактических оснований.
- ⁷ *Разлогов К.* Искусство экрана: От синематографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010. С. 9.
- ⁸ В теории коммуникации этот язык обычно называют «невербальной коммуникацией», что, конечно, верно фактически, но вряд ли корректно логически, поскольку не всякая невербальная коммуникация есть язык тела.
- ⁹ В западном театроведении и киноведении мизансцену обычно понимают более широко, включая в этот термин не только актеров, но и вообще все расположенное на сцене или перед камерой (в последнем случае русскоязычным аналогом будет термин «предкамерное пространство»).

Онтология кино и онтология телевидения

Статья посвящена построению теоретической модели онтологии телевидения как системы деятельности, основанной на «матричном контейнере» одной из ветвей филогенеза феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации, с использованием в качестве понятийного и терминологического шаблона теоретической модели онтологии кино.

Ключевые слова: онтология кино, онтология телевидения, теория кино, теория телевидения, феномен автоматической фиксации, феномен пространственно-временной дистанционной коммуникации.

Возникновение дисциплинарной предметности всегда связано с выделением конкретной предметной области, в отношении которой и осуществляется познавательная деятельность в границах и условиях соответствующего данной предметности дисциплинарного дискурса. Однако зачастую, в особенности в гуманитарном познании, выделение предметной области – это ненормируемый процесс, связанный с необходимостью систематизации уже имеющегося разнородного и разнохарактерного знания в отношении различных аспектов объективно наличествующего. Таким образом, система знания вытекает не из познаваемого, а из самого знания, что приводит и к изначальному искажению объекта познания и практически к невозможности приведения саккумулированного знания в соответствие с исходным познаваемым с учетом допустимых границ его познания. Одним из механизмов оптимизации дисциплинарной предметности является специальная методологическая работа, связанная с проблематизацией корректности выделения предметной области и определением ее теоретически

обоснованной предельной онтологии, по отношению к которой все иное знание в рамках данной дисциплинарной предметности будет являться производным.

Ситуацию, подобную описанной, мы наблюдаем в связи со знаниями в отношении телевидения: наличествует самоочевидный объект и совокупность знаний о нем, которые и образуют своеобразную дисциплинарную предметность. Однако ни о целостности знания, ни о какой исходной онтологии говорить не приходится¹. В то же время, имея онтологическое построение, которое содержит явную связь с телевидением – теоретическую модель онтологии кино², его можно использовать в качестве своеобразного понятийного и терминологического шаблона для конструирования уникальной онтологии телевидения, что, во-первых, унифицирует как сами эти построения, так и построения, производные от них, во-вторых, сразу же обнаружит принципиальную – онтологическую – разность между онтологией кино и онтологией телевидения, и, наконец, что самое главное, позволит избежать необходимость проблематизировать имеющиеся несвязные теоретические построения в отношении телевидения.

1. Феномен пространственно-временной дистанционной коммуникации

Точно так же как кинематограф является лишь одним из видов деятельности, использующим в качестве матричного контейнера динамичный кадр, который в свою очередь – производное одной из линий филогенеза феномена автоматической фиксации, телевидение имеет подобную собственную уникальную генеалогию. В качестве исходного начала для телевидения может быть определен *феномен пространственно-временной дистанционной коммуникации* – механизм переноса пространственно-временной фрагментации ситуационного континуума, обусловленной функциональными свойствами конкретных аппаратов фрагментации и актуализации, в форме, соответствующей временной составляющей фрагментируемого, а в отношении иных составляющих фрагментируемого – с учетом обуславливающих свойств аппаратов фрагментации и актуализации.

Конструируя теоретическую модель онтологии феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации, в качестве субстанциональных элементов могут быть определены: фрагментируемый *ситуационный континуум* (situational continuum –

SC), *аппарат фрагментации* (apparatus of fragmentation – AFr) и *аппарат актуализации* (apparatus of actualization – AA), которые связаны двумя принципиально разными процессами – *процессом фрагментации* (fragmentation process), реализуемым между фрагментируемым ситуационным континуумом и аппаратом фрагментации, а также *процессом актуализации* (actualization process), который, как и в онтологии феномена автоматической фиксации, является процессом *трансформирующим* (transformation – tr) и может реализовываться двояко: в первом случае – через самотрансформацию аппарата актуализации как элемента ситуационного континуума (дополнением к аппарату актуализации как субстанциональному элементу указывается его положение в качестве элемента ситуационного континуума), во втором случае – через трансформацию аппаратом актуализации независимого от него ситуационного континуума (к аппарату актуализации как субстанциональному элементу дополняется ситуационный континуум, на который он оказывает трансформационное воздействие).

В отличие от онтологии феномена автоматической фиксации, где производных два – зафиксированное и актуализованная форма зафиксированного, здесь производное одно – *актуализованная форма фрагментированного* (actualized form of a fragmented) как элемент некоего ситуационного континуума, а еще одним важным отличием является то, что все субстанциональные элементы при разном пространственном положении связаны *временным единством* (temporal unity), так что их *пространственно-временные* (spatio-temporal – st) координаты всегда разнятся только в отношении пространственной составляющей. Однако так же, как и в онтологии феномена автоматической фиксации, между фрагментируемым и актуализованной формой фрагментируемого может быть установлена связь в форме *прямого онтологического соответствия* (direct ontological compliance), при отсутствии которой мы бы имели дело исключительно с передачей информации, чем и занимается теория коммуникации, которая, сталкиваясь с матричными контейнерами, основанными на феномене автоматической фиксации и феномене пространственно-временной дистанционной коммуникации, просто-напросто пренебрегает их онтологической спецификой, рассматривая исключительно в качестве своеобразной формы информации.

Так как производное в конструируемой онтологии одно, но между аппаратом фрагментации и аппаратом актуализации существует некая технологическая связь, позволяющая актуализировать фрагментированное в форме соответствующей фрагментируемому

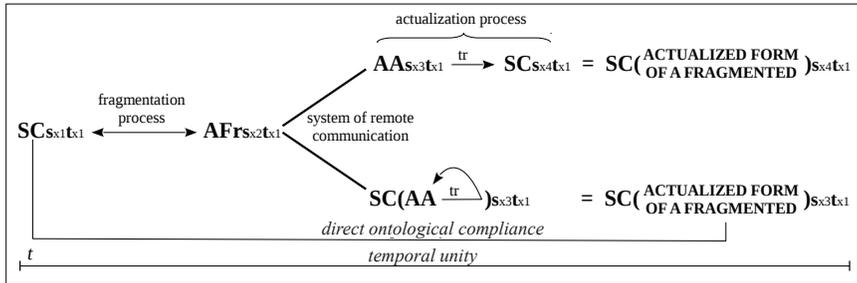

Рис. 1

с учетом ограничивающих свойств данных аппаратов, то в теоретической модели они могут быть формально объединены в *систему дистанционной коммуникации* (system of remote communication), после чего основной этап построения теоретической модели онтологии феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации может считаться завершенным (рис. 1).

2. Человек в феномене пространственно-временной дистанционной коммуникации

Следующим этапом в работе над созданием теоретической модели онтологии феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации является включение в имеющее построение человека.

В теоретической модели онтологии феномена автоматической фиксации, а также и в модели онтологии кино человек рассматривается в двух принципиальных ипостасях: в качестве *субъекта-свидетеля*, присутствующего в момент фиксации рядом с аппаратом фиксации и непосредственно воспринимающего фиксируемое, для которого затем актуализированное зафиксированное является элементом его реального индивидуального локализованного ситуационного континуума, и *воспринимающего субъекта*, для которого зафиксированное не является элементом его реального индивидуального локализованного ситуационного континуума, но тем, что он может только представить в рамках осознаваемого индивидуального ситуационного континуума, однако при восприятии актуализированного зафиксированного в актуальный момент времени данная ситуация сообщается ему в качестве элемента его реального

индивидуального локализованного ситуационного континуума, а также в качестве элемента сообщенного реального индивидуально-локализованного ситуационного континуума.

В онтологии феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации ситуация с человеком несколько меняется. Если в онтологии феномена автоматической фиксации и онтологии кино процесс восприятия человеком зафиксированного – это процесс трансцендентно-физиологический (субъекту сообщается в качестве его реального то, чему свидетелем он не мог быть), то здесь – это чистый физиологический процесс, связанный с тем, что непосредственно перцептивно воспринимаемый субъектом ситуационный континуум расширяется за счет актуализируемого аппаратом актуализации фрагментированного. А, например, при видеонаблюдении, когда на одном экране расположены кадрики, актуализирующие фрагментируемое одновременно из многих мест, или при ведении прямой телевизионной трансляции, когда на экранах перед режиссерским пультом актуализируются фрагментации одновременно со многих пространственно удаленных друг от друга камер, мы сталкиваемся с примером, когда ситуационный континуум пространственно расширяется одновременно во многих направлениях. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с очевидной органопроекцией человеческого глаза и уха как продолжения функции одного или сразу же нескольких его органов, причем не в метафорической игре Маклюэна, а в том буквальном смысле, который почти за сто лет до него вкладывали в понятие «органопроекция» Эрнст Капп³ и Людвиг Нуаре⁴.

В качестве отдельных частных случаев необходимо рассмотреть следующие ситуации:

- восприятие субъектом-свидетелем актуализируемого фрагментированного;
- восприятие субъектом актуализируемого фрагментированного, частью которого является аппарат актуализации, актуализирующий воспринимаемое субъектом актуализируемое фрагментированное;
- восприятие субъектом актуализируемого фрагментированного, частью ситуационного континуума которого является сам этот субъект.

В ситуации восприятия субъектом-свидетелем актуализируемого фрагментированного, то есть тогда, когда субъект одновременно воспринимает ситуационный континуум и непосредственно, и через его актуализируемую фрагментацию, по сути происходит некое удвоение воспринимаемого ситуационного континуума,

которое, однако, не является чем-то требующим дополнительного объяснения, кроме сделанного упоминания.

В ситуации восприятия субъектом актуализируемого фрагментированного, частью которого является аппарат актуализации, актуализирующий воспринимаемое субъектом актуализируемое фрагментированное, мы имеем дело с обычным случаем восприятия актуализируемого фрагментированного с единственным дополнением, что в одном из его элементов воспринимающий субъект может наблюдать рекурсию (повторение одного и того же).

Третья ситуация – восприятие субъектом актуализируемого фрагментированного, частью ситуационного континуума которого является сам этот субъект, наиболее интересная и связана практически с тем, с чем мы имеем дело в онтологии феномена автоматической фиксации и онтологии кино: субъект оказывается свидетелем того, чего свидетелем он быть не может, то есть актуализируемое фрагментированное сообщается ему в актуальный момент в качестве реального индивидуального локализованного ситуационного континуума. Впрочем, заметим, что при определенных условиях субъект все же может воспринимать себя в актуальный момент со стороны и без наличия актуализируемого фрагментированного – с помощью двух зеркал. Так что эта ситуация лишь отчасти онтологически уникальна.

3. Филогенез феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации

Фотография, трек и динамичный кадр являются «матричными контейнерами» основных ветвей филогенеза феномена автоматической фиксации, которые могут быть использованы в различных видах деятельности в качестве материальной формы для той формосодержательной целостности, которой в феномене автоматической фиксации всегда является фиксируемое, подчиняемое «продуктивному контейнеру», обусловленному этой конкретной деятельностью (в кинематографе таким контейнером является фильм).

Для феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации основными ветвями его филогенеза являются фрагментация-актуализация звука, фрагментация-актуализация изображения, фрагментация-актуализация звука-изображения. Исходя из этого, могут быть определены соответствующие данным ветвям «матричные контейнеры»: фрагментированный-актуализи-

рованный звук, фрагментированное-актуализированное изображение, фрагментированные-актуализируемые изображение-звук.

Важно, что «матричные контейнеры» феномена автоматической фиксации и феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации могут быть охарактеризованы как онтологизированные – в том смысле, что в отличие от иных продуктов человеческой деятельности, получаемых в результате реализации четырех субстанциональных процессов, доступных человеку (процесс трансформации объектов, процесс трансформации себя как объекта, процесс трансформации своих представлений и процесс их вербального выражения), рассматриваемые «матричные контейнеры» имеют уникальную онтологию, не связанную с этими процессами.

Не ставя специальной задачи перечислить все виды деятельности, которые в качестве материальной формы для формосодержательной целостности собственных «продуктивных контейнеров» используют «матричные контейнеры» феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации, назовем лишь основные из них: телефония и радиовещание (используют фрагментированный-актуализированный звук), видеонаблюдение (использует фрагментированное-актуализированное изображение), телевидение, видеосвязь, Интернет (используют фрагментированные-актуализируемые изображение-звук) (рис. 2).

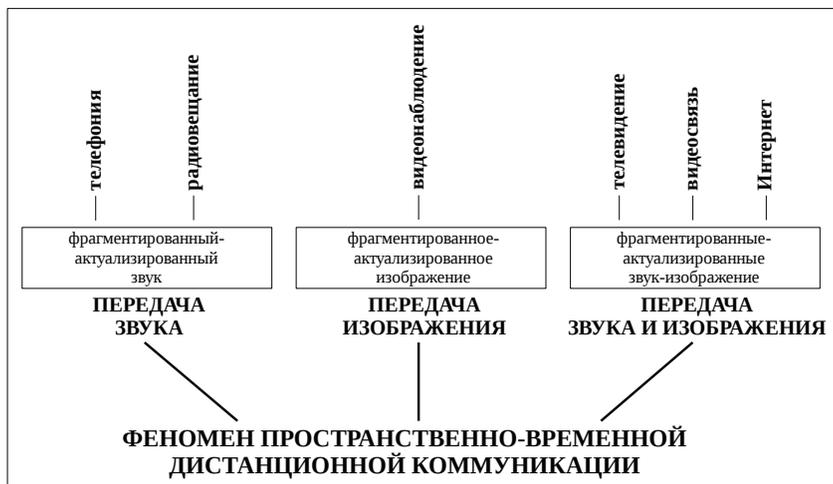

Рис. 2

Надо заметить, что, например, для телевидения и сети Интернет фрагментированные-актуализируемые изображение-звук не являются единственным материалом для материальной формы их «продуктивных контейнеров» и наравне с ним используются как все «матричные контейнеры» феномена автоматической фиксации – фотография, трек, динамичный кадр, так и иной – не онтологизированный материал (в основном – знаки и изображения, переводимые с помощью технических средств в элементы экранной формы). Так как настоящее исследование посвящено телевидению, то для того, чтобы определить, насколько тот или иной «матричный контейнер» (и, конечно, в первую очередь – фрагментированные-актуализируемые изображение-звук) определяет и обуславливает его собственный «продуктивный контейнер», то есть насколько телевидение связано с феноменом пространственно-временной дистанционной коммуникации, необходимо сконструировать теоретическую модель его собственной онтологии.

4. Телевидение как система деятельности и его онтология

Говоря о кинематографе как о системе деятельности, имеется в виду, что наличествует некая совокупность различных видов деятельности, образующая определенное системное единство, основанное на общем – онтологическом для данной системы – начале. Для кинематографа-системы деятельности таким началом является возможность получения зафиксированного, которое может быть организовано в «продуктивный контейнер» «фильм» и переведено в экранную форму. Трансформация характера получаемого «матричного контейнера» (динамичный кадр приобретает расширение в виде синхронного трека, черно-белое изображение становится цветным, объемным, меняется формат кадра), смена технических способов получения, хранения и его актуализации (вытеснение аналоговых технологий цифровыми), или же трансформация видовых, жанровых и иных характеристик «продуктивного контейнера», не влияют на онтологию данной системы, но могут рассматриваться как этапы ее онтогенеза. Потеря же исходного онтологического начала, или его трансформация, означает, что возникает новая система деятельности с иной, чем прежняя, онтологией (мы наблюдаем это в деонтологизированной анимации, где при сохранении «продуктивного контейнера» «фильм» отсутствует изначальный процесс фиксации, и появляется онтология, отличная от

онтологии кино, одним из видов которого традиционно считается анимация⁵).

Как мы уже заметили выше, фрагментированные-актуализируемые изображение-звук не являются единственным материалом для материальной формы «продуктивного контейнера» телевидения. Однако встает вопрос: если телевидением не будет использоваться данный «матричный контейнер», то продолжит ли телевидение оставаться телевидением? Или иначе: зависит ли онтология телевидения от феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации? Чтобы разобраться в этом, попробуем сконструировать теоретическую модель онтологии телевидения намеренно изначально не связанную с данным феноменом.

В качестве субстанциональных элементов онтологии телевидения, во-первых, могут быть определены *передатчик* (transmitter) как элемент уникального пространственно-временного континуума и множественность аппаратов актуализации как элементов уникального пространственно-временного континуума, с указанием их отличных пространственных и идентичных временных координат (между собой и с первым субстанциональным элементом), а также связывающий их *процесс передачи аудиовизуальной информации* (process of transfer of audiovisual information). Продуктом же данного процесса, с одной стороны, является то, что очевидно – *актуализируемая аудиовизуальная информация* (actualizing audiovisual information), а с другой – менее очевидное, но не менее важное – сам процесс перманентной передачи этой информации, соединяющий передатчик со всей множественностью аппаратов актуализации, что продуктивно может быть определено как *канал* (channel), установленный между передатчиком и аппаратами актуализации (рис. 3).

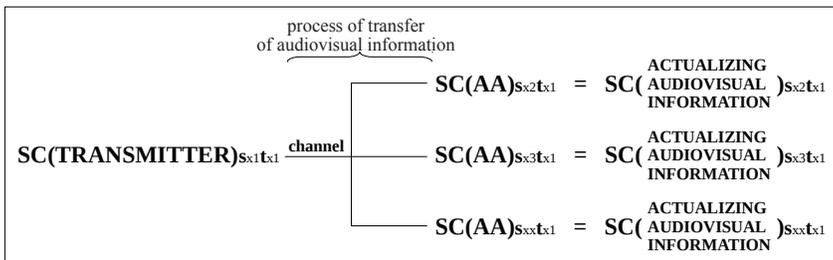

Рис. 3

Так как трансляция передатчиком аудиовизуальной информации не может быть осуществлена без наличия самой этой информации, то надо говорить о необходимости определенного расширения полученного построения: в качестве дополнительных субстанциональных элементов могут быть определены – *аудиовизуальный контент* (audiovisual content) (в качестве которого могут выступать самые разные «продуктивные контейнеры», основанные на четырех принципиальных «матричных контейнерах» – динамичном кадре со звуковой составляющей (имея в виду возможность использования различных видов «матричного контейнера» феномена автоматической фиксации, обозначим их здесь обобщенно как *зафиксированное* – fixed), *фрагментированных-актуализируемых изображении-звук* (fragmented and actualizing image-sound), *не онтологизированных изобразительных форм* (non-ontologized graphic form), *знаковых форм* (sign forms)) и *субъект-коммутатор* (subject switchboard – SS), осуществляющий процессы *отбора* (selection) контента и его *загрузки* (loading) в передатчик. Продуктом реализации первого процесса будет являться *программная передача* (program transfer), а второго – *программная сетка* (program grid), являющаяся исходным материалом для реализации процесса передачи аудиовизуальной информации (рис. 4).

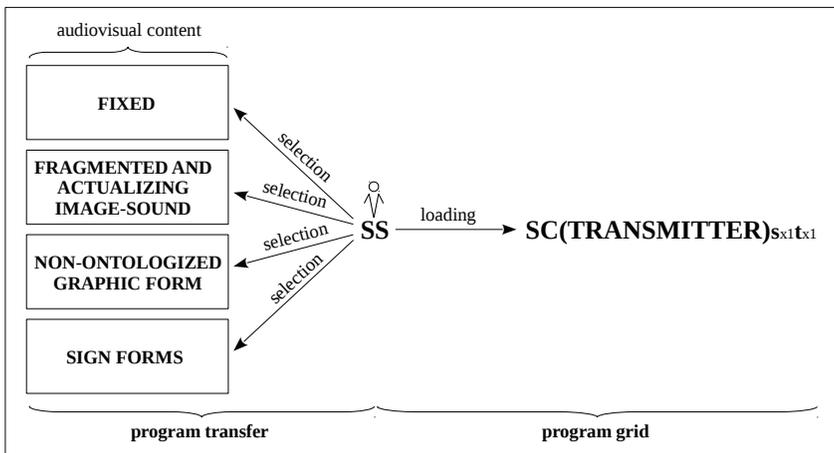

Рис. 4

А вот далее, для того чтобы нам наконец-то определить роль для онтологии телевидения рассматриваемого нами «матричного контейнера» феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации, необходимо сказать о том, что, возможно, является этапами онтологенеза телевидения, а возможно, – параллельно существующими системами деятельности, имеющими такие отличия в своих онтологиях, которые позволяют произвести их разделение.

Существуют как минимум две принципиальные формы телевидения: *программная*, связанная с наличием программной сетки, с последовательным расположением в ней программных передач, которые передаются в таком виде через канал в определенный фиксированный временной промежуток, и *интерактивная*, в которой реализуется возможность, находясь на стороне аппарата актуализации, самостоятельно избирать как сами программные передачи, так и время их актуализации. В первом случае использование программной передачи в форме прямой трансляции, основанной на «матричном контейнере» феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации возможно, а вот во втором – нет (в противном случае – субъекту на стороне аппарата актуализации будет вменена жесткая временная привязка программной передачи, что тут же трансформирует интерактивное телевидение в телевидение программное). Таким образом, можно сделать важное заключение, что в основе онтологии интерактивного телевидения не лежит «матричный контейнер» феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации. Так как программное телевидение может существовать как без, так и с использованием программных передач в форме прямой трансляции, основанной на «матричном контейнере» феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации, то можно обоснованно ввести разделение программных каналов на *онтологизированные* и *не онтологизированные*. Причем для онтологизированных программных каналов контент в форме «продуктивных контейнеров», основанных на «матричном контейнере» феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации, будет являться субстанциональным, а для не онтологизированных программных каналов контент в такой форме не является субстанциональным. В связи с этим можно сделать вывод о том, что в связи с наличием различных субстанциональных элементов, лежащих в основе онтологии онтологизированного и не онтологизированного телевидения, несмотря на схожесть, системы деятельности, основанные на этих онтологиях, являются

различными и должны рассматриваться обособленно, с учетом обуславливающей их онтологической специфики.

Реализованные построения онтологии феномена пространственно-временной дистанционной коммуникации и онтологии телевидения, а также введенное разделение телевидения на онтологизированное и не онтологизированное, позволяют, во-первых, определить онтологическое начало для соответствующих предметных областей, а во-вторых, основываясь на полученных построениях, полноценно реализовывать дальнейшую работу по формированию теоретических знаний в их отношении в условиях полноценного дисциплинарного дискурса.

Примечания

- ¹ См., например: *Третьяков В.Т.* Теория телевидения: ТВ как неязычество и как карнавал. М.: Ладомир, 2015.
- ² См.: *Штейн С.Ю.* Онтология кино и проблематизация ключевых вопросов теоретического киноведения // *Артикульт.* 2013. № 2 (10). С. 98–106.
- ³ *Kapp E.* Grundlinien einer Philosophie der Technik: Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten. Braunschweig: George Westermann, 1877.
- ⁴ *Noiré L.* Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Mainz: Diemer, 1880.
- ⁵ См.: *Штейн С.Ю.* Онтология кино и онтология анимации // *Вестник РГГУ.* 2016. № 1. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». С. 106–116.

Кино и аудитория: итоги года 2015-го

Статья посвящена проблемам взаимодействия российского кино и отечественного кинозрителя, а также ситуации, которая сложилась в отрасли к началу 2016 года. Автор разбирает причины падения зрительского интереса к отечественным кинокартинам и анализирует процессы, имевшие место в национальном кинопроизводстве последних лет с целью выявления их влияния на указанный негативный тренд.

Ключевые слова: фильм, Фонд кино, публика, кинопроизводство, кинопрокат.

«Девальвация интереса, мне кажется, – одна из главных причин охлаждения еще недавно теплых взаимоотношений отечественного кино с отечественной аудиторией»¹, – констатирует состояние дел в цепочке «кино и зритель» Л. Малюкова, и с этим трудно не согласиться. Действительно, публика все больше разочаровывается в качестве производимого в России кино, причем это касается не только сегмента кино «популярного», но и скромного по объему пласта фильмов «для более требовательной аудитории».

Существует известный для кинопрактики тезис, что высококачественные фильмы не могут появляться при отсутствии базового сегмента производства – для того чтобы в стране появлялись значительные по художественному уровню картины, национальное кинопроизводство должно генерировать большое количество фильмов, претендующих на массовую зрительскую симпатию. Только с опорой на такую базу появляется весомая прослойка картин, которая называется кинематографом престижа, может представлять страну на международных конкурсах и претендовать

на соответствие ментальному и образовательному уровню интеллектуальной элиты страны. Чем бóльшим в плане количества и лучшим в плане качества будет сегмент картин, рассчитанных на массового потребителя, тем сильнее выиграет и вышеозначенная прослойка престижа – тут прямо пропорциональная зависимость.

То, что называется у нас российским кинопроизводством, сейчас правильнее было бы определить выжженным полем формальной кинопрактики. Доходы отечественной киноиндустрии опираются в основном на прокат иностранного кино и никак не влияют на развитие ее производственной составляющей. Национальное же кинопроизводство оставляет желать лучшего и перспективы его улучшения туманны. Продолжается эта тенденция уже не первый год и объясняется довольно просто. Основных причин тут видится две: во-первых, реорганизация в 2010 году системы кинопроизводства и, во-вторых, переход отрасли к идеологическому регулированию.

Успешный в середине 2000-х выход из постсоветского кинопроизводственного кризиса уже к финалу десятилетия сменился новым витком неудач. Реорганизация в отрасли, вклинившая между Министерством культуры и непосредственно производителями посредника в виде Фонда кино (ставшего главным выгодоприобретателем от проведенных преобразований), тут же обрушила на выходе доходность налаженной технологической цепочки: кинопроизводство споткнулось о новые правила и начало буксовать.

При этом преобразования 2010 г. выглядели откровенно лоббистскими. Единственным серьезным аргументом в пользу реформы являлась тема создания возвратного механизма затрачиваемых государством средств, реализовывать которую никто, впрочем, и не собирался – уже через 2 года все о ней забыли. Однако с приходом в Министерство нового главы жизнь Фонда сильно усложнилась. Владимир Мединский сразу же оценил, что ведомство превратилось для отрасли в структуру малозначительную – практически отчужденную от технической политики и, главное, свободную от управления финансовыми рычагами; тогда организации-посреднику напомнили, что государство – не благотворительная структура и что Фонду пора бы начать исполнять свою прямую задачу: стать проводником государственных интересов по части финансирования коммерческого (что, конечно, само по себе выглядит несколько абсурдным) кино на возвратной основе. В качестве аргумента в Фонд кино были присланы представители Счетной палаты, которые удивились, что «Фонд кино фактически является организацией по распределению субсидий на поддержку кинематографии,

получаемых им из федерального бюджета в лице Минкультуры»², после чего В. Мединский заявил о необходимости очередных изменений: при правильной системе господдержки, заявил он, доля отечественного кино в прокате может только увеличиваться (с этой задачей в плане ее финансовой составляющей к началу 2016 г. сам министр, правда, тоже не справился) – следовательно, господдержку надо вновь реформировать. Поскольку деньги на кино формируются в бюджете единой строкой, пересмотр соглашения между структурами не представлял из себя сложной технической задачи, однако предложение министра перенаправить большую часть функций и финансов назад в Министерство культуры вызвало негодование Фонда. Его мнение, впрочем, весомым на данном этапе уже не выглядело – через некоторое время в Фонде кино сменили руководство, вследствие чего ведомство и Фонд упрочили взаимные связи и обрели общие цели.

В. Мединский с самого начала своей деятельности на министерском поприще видел себя не столько администратором вверенной ему структуры, сколько идеологом нового времени, и кино из всех сегментов «культурного наследия» его интересовало более других. Министр сразу же «высказался за то, чтобы ужесточить контроль над сценариями»³ и внес предложение оставить Министерству культуры задачу формирования госзаказа. Все кинопроекты обязали проходить экспертизу и согласовывать ее в Министерстве культуры, где «лично министр сегодня обладает правом карать и миловать все потенциальные российские киноработы. <...> Таким образом, в кинематографе выстроена властная вертикаль подчинения “лично министру”»⁴. СМИ не замедлили отметить, что в культурной политике РФ, по большому счету, установилась «патерналистская модель» – «государственное патронирование в обмен на идеологическую лояльность»⁵.

Осмелюсь предположить, что если бы изначально, в 1990-х – начале 2000-х гг., не была сделана ставка на госфинансирование кинопроизводства – как это не было сделано в отношении кинопроката, – этот сегмент отечественной киноиндустрии аналогичным (прокату) образом не оказался бы столь зависимым от государственных денег, найдя иные источники финансирования. Привычная с советских времен опора на государство, отчего-то долгое время казавшаяся нашим кинематографистам вселенским благом, произвела в итоге эффект бумеранга и через 25 лет вернула отрасль к казенному кинопроизводству, которое при открытых границах по определению не может быть рентабельным, а при сложившейся системе управления – свободным. Финансовая зависимость от

государства привела к тому, что в последние годы практически все отечественное кинопроизводство оказалось вынужденным участвовать в стратегии Минкульта, одним из важнейших направлений деятельности которого теперь является курирование фильмов, «соответствующих стратегическим задачам государства»⁶. При этом общество давно забыло, когда оно в последний раз принимало участие в обсуждении этих задач.

Ведомство стало определять список тем, отвечающих за магистральную линию кинопроцесса, и это резко ограничило право художника на высказывание, а у авторов фильмов, не разделяющих генеральный взгляд на события, тут же появились проблемы. Сложности с прохождением экспертизы испытал на себе фильм Александра Миндадзе «Милый Ханс, дорогой Петр» (2015), нешуточный скандал развернулся и вокруг картины Андрея Звягинцева «Левиафан» (2014). Разумеется, в такой ситуации авторам с не столь громкими именами, как у Миндадзе или Звягинцева, нахождение фильма с не вписывающимися в патриотический тренд темами даже не приходится рассчитывать. Все это приводит к тому, что художники ищут компромисс, пытаясь усидеть на двух стульях – снимать свое кино и не конфликтовать при этом с Минкультом, и в такой ситуации удивительно, что они чаще сдают позиции, чем проявляют настойчивость в их отстаивании. Аргументом в споре не выглядит даже ссылка на актуальность затрагиваемых в их фильмах проблем, хотя ради зрителя вроде бы все кино и снимается. Свою роль, разумеется, играет и давно развившаяся у авторов самоцензура.

Министерство теперь возводит в культ воспитательную функцию культуры, все больше игнорируя прочие ее ипостаси. Даже совсем еще недавно превалировавшая надо всем функция развлечения теперь плотно переплелась с педалируемой культурным ведомством генеральной линией на патриотизм, уступив пальму первенства последней.

Желание министерства все контролировать привело к традиционно получаемому в таких случаях результату – кино и зритель оказались по разные стороны баррикад:

Впервые за долгое время в топ-10 самых кассовых фильмов года в российском прокате не нашлось место отечественным картинам. Вся первая десятка состоит из голливудских проектов, причем все они сумели преодолеть отметку сборов в миллиард рублей. Ни один российский фильм в 2015 г. «миллиардером» не стал. Самый кассовый отечественный релиз – мультфильм «Три богатыря. Ход конем» – собрал 961,6 млн рублей и замер на подступах к десятке лидеров⁷.

То есть волевое решение Минкульта сделать ставку на отечественный «фильм-событие» к увеличению доли прибыли от российских кинофильмов не привело.

Поскольку в 2015 г. главным событием и для страны, и для кино стало 70-летие победы в войне, большинство готовящихся к выходу в прокат «фильмов-событий» было ориентировано на военные сюжеты 1941–1945 гг. Наиболее успешным среди них оказался фильм «Битва за Севастополь» (реж. С. Мокрицкий, сц. М. Бударин, Н. Мокрицкая, У. Савельева, М. Розанова, И. Кожема). «Патриотизм, в его великодержавном, военном понимании, пришел и в российское кино. Военных фильмов в 2015-м действительно было очень много, но далеко не каждый смог заинтересовать зрителя. <...> И даже расчистка поля от голливудских блокбастеров не помогла некоторым проектам заработать желаемые суммы»⁸, – констатирует «Бюллетень кинопрокатчика», подтверждая последним предложением тот очевидный факт, что в равной борьбе отечественные «фильмы-события» на патриотическую тематику оказываются категорически неспособными конкурировать в прокате с голливудским кино. Неудивительно, что в Министерстве культуры возникла инициатива о новом механизме выдачи прокатных удостоверений: не сумев продавить до этого тему квотирования, ведомство, что называется, не мытьем, так катаньем пытается решить проблему нерентабельности отечественного кино другими средствами и теперь предлагает отрегулировать график выхода иностранных фильмов в прокат. Однако не опирающийся на государственные деньги кинопрокат пока все же более независим от ценных указаний министра, чем подмятое госденьгами кинопроизводство.

Несмотря на то что В. Мединский теперь лично ведет борьбу за увеличение доли российского кино в национальном прокате и количество релизов отечественных картин (в том числе и копродукции) в абсолютном выражении действительно выросло (с 84 в 2014 г. до 132 в 2015-м), выручка от отечественных картин в общей доле кинопрокатных сборов, напротив, уменьшилась. Если в 2014 г. она составляла 17,6%, то в 2015-м скатилась к 15,1%⁹. Почти двукратное увеличение количества фильмов при двухпроцентном снижении доходов от их проката наглядным образом демонстрирует проблему: только за один 2015 г. качество отечественных картин резко снизилось. Министерство, однако, не считает принятый им курс ошибочным и с настойчивостью, достойной лучшего применения, продолжает делать упор на «историческую», а точнее – историко-пропагандистскую составляющую, «российский экран пре-

вращается в раму для портретов, пейзажей, баталий величественного прошлого, которым зрителя призывают гордиться»¹⁰.

Впрочем, выбор министерского курса понятен – направленная интерпретация исторических событий формируют мировоззрение граждан и потому сильно интересуют тех, кто хотел бы этим процессом управлять. Нет смысла отрицать и тот факт, что определенный успех у зрителя понятное патриотическое кино имеет. Во многом это объясняется желанием людей компенсировать себе овладевающую ими невнятную тревогу, ибо уровень их жизни снижается, а перспективы на будущее выглядят крайне туманными. Не умея понять и объяснить себе истоки беспокойства, а также в целях возмещения психологических и материальных неудач, люди – как объясняют психологи – культивируют в себе сцепленную с тревогой эмоцию – агрессию, и материализация в отечественном «фильме-событии» образа врага (пусть даже это враг из прошлого), на которого можно спихнуть собственную неуспешность, во многом объясняет позитивное восприятие публикой «нового» военно-патриотического кино.

Сублимация собственных неудач в нетерпимость к врагу стимулируют в населении подъем чувства собственного достоинства, и это оказывается замечательным решением в целях формирования акцентированной сейчас системы ценностей. Отвлекая внимание людей от правды жизни и делая упор на картинный патриотизм, современное кино идеально работает на милитаризацию сознания соотечественника. При этом – как контрапункт к современному сюжету – есть смысл припомнить небезызвестный факт: во время войны зритель отказывался смотреть фильмы на военные сюжеты (сознание желало позитива и улыбок из мирной жизни). Сейчас все происходит с точностью до наоборот: в мирное время наш зритель оказывается увлеченным фильмами о войне. Конечно, иллюстративная война на киноэкране – а зрителя в большой степени привлекает именно зрелищность таких проектов – вовсе не призвана концентрировать внимание публики на исследовании человеческих отношений: упрощенная схема создания кинолента, где единственная и, как правило, максимально простая мысль за полтора-два часа доносится до адресата посредством технологических изысков, в сущности, лишь призвана разнообразить привычный телевизионный контент или рассчитана на охват дополнительной аудитории, не вовлеченной в ежедневный телепросмотр. Невозможность интерпретаций, однозначность выводов – все эти вырабатываемые «простым» кино привычки подавляют в зрителе позывы к аналитическому мышлению и ввергают его в гипнотический сон.

Трудно не заметить, что в нашем современном патриотическом кино сейчас происходит героизация войны как явления. Война перестала быть грязью и болью, она рассматривается только с точки зрения победы – в том смысле, что все в ней сплошной героизм и подвиг. При этом оно стало нетрадиционно умозрительным, что тоже объяснимо – с одной стороны, именно зрелищность является важнейшим фактором кинотеатрального успеха, а с другой – продюсеру важно попадание в уже сформированного игро- и телеповесткой соотечественника. Ведь именно так представляет себе войну юный посетитель кинозала, участник компьютерных игр сходной тематики, – игр, исключая трагедию, но провоцирующих азарт и ажиотаж, в основе которых присутствует лишь дух соревновательности – кто, сидя в комфортном кресле, способен подбить побольше танков. Похожим образом представляет себе войну и более взрослый среднестатистический зритель: перебор военных картинок в его ежедневной телеповестке атрофирует чувства обывателя. Ни о каком сострадании или боязни повторения сюжета в реальности речи уже не идет.

Попадание в определенную часть публики, однако, не означает широкомасштабной востребованности темы, ведь по большому счету (и об этом недвусмысленно говорят цифры финансовых сборов) интерес отечественного зрителя к кино российского производства катастрофически падает. И тут видится еще один важный репертуарный недочет, откровенно конфликтующий с генеральной линией ведомства: человеку в принципе нужно смотреть вперед. Невозможно вечно культивировать прошлое: жить с повернутой назад головой просто физиологически некомфортно. Тем более что темы, концентрирующие общественный интерес, у нас есть, и их немало. Беда лишь в том, что многие из них совсем не вписываются в основополагающий тренд Министерства культуры: к примеру, «сегодня практически не снимаются фильмы-высказывания о жизнеустройстве, об “имитациях, которыми наполнена жизнь в стране”»¹¹. Ведомство, заведующее регламентированием отечественного кинопроцесса, живет прошлым и настойчиво желает продолжать в том же духе. Пока оно еще худо-бедно вовлекает в свою орбиту часть ура-патриотично настроенной публики, однако уже сейчас понятно – в ближайшем будущем оно столкнется с крахом своей антиутопической модели. Когда основная часть посетителей киносеансов – молодежь, трудно рассчитывать на то, чтобы ее ориентиром стало прошлое. Молодежи нужен патриотизм иного порядка: даже не сильно образованная ее часть нуждается в целеустановках, направленных в будущее.

- ¹ *Малюкова Л.* Российское кино и зритель: Бракоразводный процесс // Новая газета. 2015. 26 авг.
- ² СП: основная задача Фонда кино не решена // Сайт Счетной палаты РФ. 2012. 27 дек. [Электронный ресурс] URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/1356?sphrase_id=471772 (дата обращения: 31.03.2016).
- ³ *Гайков П.* За 12 лет государство выделило на поддержку кино 58 млрд рублей // Бюллетень кинопрокатчика. 2013. 24 мая. [Электронный ресурс] URL: http://www.kinometro.ru/news/show/name/putin_wstretilsia_s_producerami (дата обращения: 01.04.2016).
- ⁴ *Малюкова Л.* Кино для Мединского // Новая газета. 2013. 8 июня.
- ⁵ *Давтян П.* Культурные олимпийцы // Там же. 11 окт.
- ⁶ Цит. по: Бюджет на кино поделили между Фондом и Минкультуры // РИА Новости. 2012. 3 дек. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ria.ru/movies/20121203/913271328.html> (дата обращения: 04.04.2016).
- ⁷ *Чачелов А. И* – итоги! // Бюллетень кинопрокатчика. 2015. 31 дек. [Электронный ресурс] URL: http://www.kinometro.ru/analytics/show/name/Itogi_Goda_2015 (дата обращения: 04.04.2016).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Инфо по: Итоги 2015 года в кинопрокате России // Кинодата. 2016. 3 янв. [Электронный ресурс] URL: <http://kinodata.pro/vse-o-kino/obzor-kassovyh-sborov-v-rossii/9399-itogi-2015-goda-v-kinoprokate-rossii.html> (дата обращения: 05.04.2016).
- ¹⁰ *Малюкова Л.* Российское кино и зритель...
- ¹¹ Там же. [Приведенная цитата: *Дондурей Д.* Гибридное кино для России // Искусство кино. 2015. 14 июня.]

Abstracts

L. Askhanova

Evolutionary aspect of moral obligation as a type of social responsibility

This article considers the evolutionary aspects of the moral obligation phenomenon. Investigating the origins of this kind of social responsibility involves consideration of directions from the theory of evolutionary stable strategy, which is dictated, inter alia, by the increasing attention to the ethical aspects of modern Western philosophy evolution. The research shows that throughout the history there happened a co-evolution of vital and cultural programs leading to the formation of optimum models of social behavior. The author proves that at a certain stage in the development of the society its evolution social skills became reflected in a universal form of morality with its basic principles, and external and internal sanctions reposing on beliefs about moral obligation.

Key words: morality, moral obligation, evolutionary stable strategy, theory of games, social responsibility.

I. Babanov

Sports socialization as integration process of a competitor into the professional community

This article considers socialization in sports as a process, when a sportsman becomes the professional. The author analyzes main mechanisms of sports socialization such as typification, routinization, imitation, and their role in the above process. The issues like the influence of sports subcultures on the sportsman, their integration into the professional community, the ethics and moral issues in sports and ways to solve them are touched upon. The author focuses on theoretical basis of the considered process and in conclusion following the results of the analysis offers definition of sports socialization.

Key words: modern sport, dope, mechanisms of sports socialization, integration, sports socialization.

G. Demidov

Secularism and religion. The transformation of the concept of “religious education” in the modern world

The article is dedicated to issues of religion, secularization and religious education in modern society. An issue of the best forms and ways for religious education organization in state-support schools and theological faculties is now a constant topic of debate. The article brings up some results and approaches to organization of religious education.

Key words: religious education, secularization, postsecular society, traditional religious confessions, secular school, transsubjectness.

S. Filippov

The level of one and a half. Communicative bases of two-dimension visual arts

A modification of the hierarchy of primary and secondary (modeling) systems, where the primary is communicative system (not necessarily verbal), and the secondary is the system of art built over is presented. The analysis of existing kinds of art shows that almost all of them are built on three primary systems: in addition to verbal language it is also a body language and a language of two-dimension visual communication. If the first two as natural phenomena preceded the arts, the third, on the contrary, was formed as communication system with its own skills in not completely natural for the human environment. All this makes the art absolutely unique phenomenon in human culture.

Key words: art theory, communication theory, secondary modeling systems, two-dimension visual arts, language of two-dimension visual communication.

N. Ilyukhina

Universities career-orientational work for secondary school students. New opportunities for traditional forms

The article discusses the traditional forms of career guidance work with students of secondary schools: pre-university training, competitions, open days, lectures in university, excursions to the university departments and to the research laboratories. New opportunities to the involvement in higher education of talented youth are revealed based on the monitoring of universities websites.

Key words: higher school, career guidance activities, school graduates, rating of universities, pre-university training system, open days.

E. Kinyakina
 Influence of architectural traditions
 of European modernism on Philip Johnson's projects

Philip Johnson earned the reputation of being one of the major architects of the 20 century and has rightly become the first winner of the Pritzker Prize. Echoes of the influence of stylistic and structural features of his designs can be identified today in the works of the greatest contemporary architects such as Rem Koolhaas, Norman Foster and Renzo Piano. But Philip Johnson, being an American architect, in his turn, learned from European architects and adopted their traditions, sometimes literally quoting his predecessors. What examples he relied upon when creating his first project and how he was able to develop personal approach to an architecture? Answering this question will allow us to understand more global process of how European modernism was borrowed in America and became the basis for the international style of the architecture after 1950.

Key words: international style, modernism, postmodernism, Philip Johnson, Mies van der Rohe, Le Corbusier, Frank Lloyd Wright, The Glass House, minimalism, less is more principle.

I. Kraynova
 The man and the “human” in the systems theory
 by Niklas Luhmann

The article is devoted to the reflection of topical part of the of Niklas Luhmann theory – Human interaction between the human and the system, following given by him distinguishing between mental and social systems. The author attempts to demonstrate the mechanism Luhmann theory of interpenetrating systems restoring the “human” in the social science on new principles.

Key words: subject, communication, systems mutual penetration, body, symbolically generalized media.

V. Lapygin
 Methodological and methodical prospects
 for the method of incomplete sentences

This article defines the current state of the elaboration of the method of incomplete sentences as part of sociological research and presents the most promising directions of further development of the

method and the possibility of its creative usage for empirical data collecting.

Key words: method of incomplete sentences, methodological reflection, the possibilities and limitations of the method of incomplete sentences.

Yu. Meretskaya

On specificity of realistic painting in Germany in the late 19th century. Analytical case of creative method and pedagogical system of Anton Ažbe

The paper examines an identity of the realist trend in German painting of the late 19th century, with example of the principles of the Munich private school teacher Slovenian painter Anton Ažbe. The paper considers the impact of Ažbe's creative method and teaching system on the development of realism, as well as its relationship with the impressionist and expressionist trends among Eastern European and Russian students of Ažbe.

Key words: realism, impressionism, expressionism, Ažbe's pedagogical system.

A. Neofitova

Trust as a category of sociological analysis

The article considers different theoretical concepts of trust studies in keeping with history of sociology. Author shows, that multiple interpretations makes it difficult to operationalize the term "trust", which negatively impacts on theoretical and methodological research.

Key words: trust, theoretical concept of trust, social capital.

S. Schtein

The ontology of cinema and the ontology of television

The article is devoted to the construction of a theoretical model of the ontology of television as a system of activities based on the "matrix container", one of the branches of the phylogeny of the phenomenon of space-time remote communication being used as the conceptual and terminological template of theoretical model of the ontology of cinema.

Key words: ontology of cinema, ontology of television, film theory, theory of television, automatic locking phenomenon, the phenomenon of space-time remote communication.

I. Shevchenko

Step-families. Relations and problems

The article discusses the relationship between fathers, mothers and children in the step-family, socio-psychological conditions, the influence of other adult relatives and the typical problems of such a family.

Key words: step-family, family relationships, mother, father, stepfather, stepmother, stepson, stepdaughter, second marriage.

A. Sukhno

Lacanists through the looking-glass or an “alienated ego’s” trap

This article deals with the issue of how the attempts to put Lacan’s conception of “mirror stage” in the perspective of “development psychology” agree with Lacan’s own thoughts. Simultaneously, there is a view that these attempts, being not certainly authentic, nevertheless derive from “mirror stage” itself as an event which once happened. Thus, if not by the content but by the fact of their existence, they fit for Lacan’s initiative.

Key words: mirror stage, Ego, image, Other, lack, death.

E. Ugrekhelidze

The urban park culture in the 1920–1950ies by the example of Neskuchny Garden

The article presents one of the forms of urban culture of 1920–1950ies – the Gorky Park of Culture and Recreation. By the example of the middle part of Moscow’s Gorky Park – Neskuchny Garden – the author reveals the organization, functions, purpose of first culture parks that become models and platforms for new forms and innovative solutions in the field of urban architecture serving as recreation space for work-people.

Key words: urban culture, urban cultural park, Gorky Park, Neskuchny Garden.

O. Ziborova

Cinema and the audience, the results of the year 2015

The article is devoted to problems of interaction of the Russian cinema and Russian spectators, and to the situation in the industry by the beginning of 2016. The author examines the causes of the fall of audience interest to domestic motion picture and analyzes the processes that took place in the national film industry of recent years in order to identify their impact on the above negative trend.

Key words: Movie Cinema Foundation, the audience, film production, film distribution.

Сведения об авторах

Асханова Лия Рифадовна – соискатель кафедры истории зарубежной философии, РГГУ, преподаватель, Московский финансово-юридический университет, liurg112358@gmail.com

Бабанов Иван Владимирович – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета, РГГУ, BabanovIvan@yandex.ru.

Демидов Герман Васильевич – кандидат богословия, заведующий сектором основ православной культуры Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви, petrovka28@gmail.com

Зиборова Ольга Петровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры кино и современного искусства, факультет истории искусства, РГГУ, ziborova33@mail.ru

Илюхина Наталия Анатольевна – аспирант кафедры прикладной социологии, социологический факультет, РГГУ, iluhina@inbox.ru.

Кинякина Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры теории и истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ, kinyakinakate@gmail.com

Крайнова Ирина Александровна – магистр философии, аспирант философского факультета, РГГУ, irakrainova@yandex.ru

Лапыгин Владимир Дмитриевич – аспирант кафедры теории и истории социологии, социологический факультет, РГГУ, vdlapygin@gmail.com

Мерецкая Юлия Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ, jmer7@yandex.ru

Неофитова Анна Александровна – аспирант кафедры теории и истории социологии, социологический факультет, РГГУ, a.neofitova@yandex.ru

Сухно Алексей Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации», Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), volyakvlasti@mail.ru

Угрехелидзе Елена Амирановна – аспирант кафедры теории и социологии, социологический факультет, РГГУ, 8994236@mail.ru.

Филиппов Сергей Александрович – научный сотрудник, факультет журналистики, МГУ им. М.В. Ломоносова, s_a_filipov@mail.ru

Шевченко Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории социологии, социологический факультет, РГГУ, sheviren@yandex.ru.

Штейн Сергей Юрьевич – кандидат искусствоведения, доцент кафедры кино и современного искусства, факультет истории искусства, РГГУ, sergey@schtein.ru

General data about the authors

Askhanova Liya R. – applicant, Department of the History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities; instructor, Moscow Finance and Law University, liurg112358@gmail.com

Babanov Ivan V. – postgraduate student, Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, BabanovIvan@yandex.ru

Demidov German V. – Ph.D. in Theology, head, sector of Basic Orthodox Culture of the (Sinodal) Department of Religious Education and Catechization of the Russian Orthodox Church, petrovka28@gmail.com

Filippov Sergey A. – researcher, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, s_a_filippov@mail.ru.

Ilyukhina Nataliya A. – postgraduate student, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, iluhina@inbox.ru.

Kraynova Irina A. – master of philosophy, postgraduate student, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, irakrainova@yandex.ru

Kinyakina Ekaterina Yu. – postgraduate student, Department of the Theory and History of Art, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, kinyakinakate@gmail.com

Lapygin Vladimir D. – postgraduate student, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, vdlapygin@gmail.com

Meretskaya Yulia S. – postgraduate student, Department of the Theory and History of Art, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, jmer7@yandex.ru

Neofitova Anna A. – postgraduate student, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, a.neofitova@yandex.ru

Schtein Sergey Yu. – Ph.D. in Art History, associate professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, sergey@schtein.ru

Shevchenko Irina O. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, sheviren@yandex.ru

Sukhno Alexey A. – Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Department of Philosophy and Social communications, Moscow Aviation Institute (National Research university), volyakvlasti@mail.ru

Ugrekhelidze Elena A. – postgraduate student, Department of Theory and Sociology, Russian State University for the Humanities, 8994236@mail.ru

Ziborova Olga P. – Ph.D. in Art History, associate professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, ziborova33@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 16.12.2016.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 136

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
«Философия. Социология. Искусствоведение» выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71126
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
